

2020 Калужское Наследие № 2(10)

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель
Министерство культуры
Калужской области

Автор идеи
А. Д. Артамонов

Главный редактор
Д. В. Кузнецов

Редакционная коллегия:

Н. А. Абакумова
В. А. Бессонов
М. Ю. Бирюкова
М. А. Добычина
О. А. Калугин
Е. В. Князев
Н. В. Марченко
П. А. Суслов
М. А. Улыбышева
Е. Е. Чудаков

Адрес редакции:
248000, г. Калуга, ул. Пушкина, 14
Тел. +7(4842)72-16-18
E-mail: nasledie40@mail.ru

Главный фотограф номера — Виктор Ларин.
В номере использованы фотографии из фондов Государственного музея истории космонавтики им. К. Э. Циолковского, Калужского объединённого музея-заповедника, Калужского областного центра народного творчества, из личного архива Ю. В. Холопова, а также снимки И. Малеева, А. Никитина, А. Забродского, В. Вострикова, С. Гришунова, В. Кормильцева, В. Морозова

Макет журнала подготовлен в издательстве «СерНа»
Тел. +7(910)914-95-30
Макет, компьютерная вёрстка С. И. Захаров
Корректор Н. Г. Любомудрова

Подписано в печать 16.06.2020
Тираж 999 экз.

Отпечатано в типографии «Наша Полиграфия»
г. Калуга, ул. Грабневское шоссе, 126
Лиц. ПЛД № 42-29 от 23.12.99
Тел. +7(4842)77-00-75

На обложке: Бюст четырежды Героя Советского Союза, кавалера двух орденов «Победа», почётного гражданина № 1 Калужской области, Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова, уроженца деревни Стрелковка Малоярославецкого уезда Калужской губернии. Установлен в сквере имени Г. К. Жукова 8 мая 1985 года накануне дня празднования Победы в Великой Отечественной войне (авторы — скульпторы В. Шелов, В. Белов и архитектор А. Шими́на). За монументом расположены памятные стелы с именами калужан — Героев Советского Союза. Стелы были установлены в 1990 году.

8 мая 2020 года Аллея Героев близ памятника пополнилась восемью бюстами калужан — Героев Советского Союза, а в жилом доме сразу за памятником и сквером (ул. Маршала Жукова, 23а) открылся Военно-исторический центр «Маршал Победы — Георгий Константинович Жуков».

СОДЕРЖАНИЕ

<hr/>	
ТЕМА НОМЕРА	
75-летие Великой Победы	4
<hr/>	
ВЕТЕР ВРЕМЕНИ	
Слово ветеранам Великой Отечественной	10
<hr/>	
КАЛУЖСКИЙ ВЕСТНИК РВИО	
Аллея Героев в сквере Г. К. Жукова	25
Музей Маршала Победы	28
<hr/>	
ЗНАМЕНИТЫЕ КАЛУЖАНЕ	
<i>Наталья Зиновкина</i>	
Глаголев и Пухов — молодость генералов	32
<hr/>	
ВОЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ	
<i>Вячеслав Бессонов</i>	
Боевое Красное знамя в собрании Калужского объединённого музея-заповедника	38
<i>Олег Комиссар</i>	
Малоярославецкий укрепрайон	
<i>Описание сохранившихся объектов фортификации . . . . .</i>	41
<hr/>	
ЖЕМЧУЖИНА ГУБЕРНИИ	
Усадьба купцов Золотарёвых в XX — начале XXI в.	52
<hr/>	
К 650-ЛЕТИЮ КАЛУГИ	
<i>Виталий Бессонов</i>	
Герой-калужанин Семён Артамонович Старичков	60
<hr/>	
ДВОРЯНСКИЕ УСАДЬБЫ	
<i>Елена Орлова</i>	
История одного дома	64
<hr/>	
ГЕРАЛЬДИКА	
Бумажный свиток и скрещённые мечи	68
<hr/>	
АРХИВНАЯ ПОЛКА	
Письмо из военных лет	70
<hr/>	
КАЛУГА КОСМИЧЕСКАЯ	
<i>Светлана Калужская</i>	
Спасённый музей	74
<hr/>	
ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ	
<i>Валентина Хаирова</i>	
Летописцы ратного подвига на Калужской земле	80
<hr/>	
ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ	
<i>Марина Кислицына</i>	
Калужский театр на фронтах Великой Отечественной войны	90
<hr/>	
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ЭТЮДЫ	
<i>Вероника Гелюх</i>	
Память жива	92
<hr/>	
ФОТОАЛЬБОМ	
Храм во имя святого Георгия (за верхом) в Калуге	96

Уважаемые читатели!

Новый номер журнала «Калужское наследие» посвящён 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Публикации предваряет обращение главы региона В. В. Шапши к жителям области.

В канун юбилейного празднования Дня Победы в Калуге и области прошло немало значимых памятных мероприятий. О самых важных из них мы рассказываем в рубрике «Вестник РВИО». Но, конечно, особое место в череде праздничных событий занимает церемония открытия Военно-исторического центра «Маршал Победы — Георгий Константинович Жуков». Отныне уроженцу Калужского края, нашему славному земляку, крупнейшему советскому полководцу Великой Отечественной посвящён в Калуге уникальный современный музей. «Калужское наследие» публикует о нём красочный фоторепортаж.

Страшное военное время не просто коснулось Калужской земли и каждого из калужан, огненной чертой прошло оно по судьбам людей, по нашим городам и сёлам. Тем важнее сегодня знакомиться с подлинными свидетельствами о давних трагических событиях, о периоде оккупации. Одно из таких свидетельств мы публикуем на страницах журнала. В рубрике «Архивная полка» вашему вниманию предлагается письмо молодой учительницы из Полотняного Завода, пережившей вместе с жителями посёлка немецкое нашествие, живо и ярко рассказавшей о происходившем на её глазах в октябрьские дни 1941-го.

В рубрике «Ветер времени» мы публикуем воспоминания калужан — фронтовиков и тружеников тыла, которые были непосредственными участниками важнейших событий истории XX века.

Ну а в рубрике «Пространство культуры» публикуется иллюстрированный рассказ о Студии военных художников имени М.Б. Грекова, работавших в г. Сухиничи в период, когда линия фронта проходила по Калужской земле.

Раздел «Военная археология» познакомит вас со структурными особенностями Малоярославецкого укрепрайона, сыгравшего важную роль в Московской оборонительной операции, предопределившей дальнейший ход Великой Отечественной войны. В этом же разделе публикуется рассказ о Боевом Красном знамени, хранящемся в фондах Калужского объединённого музея-заповедника. А в рубрике «Театральная площадь» мы расскажем о том, как работали в военные годы артисты Калужского драматического театра.

События прошлого, далёкие и недавние, соединяются незримо одной связующей нитью — нашей памятью. На страницах журнала наряду с подвигами воинов Великой Отечественной мы вспоминаем и бессмертный подвиг солдата Старичкова, калужанина, спасшего в начале XIX века полковое знамя. Ему посвящён очерк в рубрике «К 650-летию Калуги».

Среди материалов, вошедших в новый номер «Калужского наследия», есть и традиционные публикации о старинных дворянских усадьбах Калужского края. В этот раз в центре внимания — дом известного промышленника XIX века П. Г. Щепочкина в Кондрове и знаменитая усадьба Золотарёвых в Калуге, обновившая свой облик после ремонтных работ. А журнальный «Фотоальбом» в этот раз посвящается калужскому храму во имя святого Георгия (за верхом).

Редакция журнала

75-ЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Дорогие друзья!

Мы отмечаем 75-ю годовщину Великой Победы! Этот день стал символом Свободы не только для нашей страны, но и для миллионов людей во всём мире. 1418 долгих дней и ночей непокорённый советский народ отвоёвывал свободу Отечества и спасал от фашизма европейские страны, не щадя своей жизни. Десятки миллионов погибших, разорённые и уничтоженные города и сёла, переполненные сиротами детские дома, толпы людей, угнанных в рабство и прошедших лагеря смерти,— вот та скорбная цена, которую заплатила наша страна за свою независимость.

Трудно переоценить вклад наших земляков в победу над фашистской Германией. В регулярные воинские соединения из Калужской области было призвано более 175 000 человек, домой не вернулись 8 из 10 отправленных на фронт земляков. 201 житель области стал Героем Советского Союза, среди них особое место занимает наш земляк, Маршал Победы Георгий Константинович Жуков. Десятки тысяч калужан награждены боевыми орденами и медалями. 28 человек стали полными кавалерами ордена Славы.

Все мы, ныне живущие, в неоплатном долгу перед героическим поколением Великой Отечественной.

Дорогие ветераны! От всей души поздравляю вас с Днём Победы! Низкий поклон вам за ратный и мирный труд, жизненную мудрость и активную гражданскую позицию! Пусть вашу жизнь согревает тепло близких людей и уважение соотечественников. Не поддавайтесь возрасту и болезням, как не сдавались вы на полях сражений! Живите долго, будьте с нами!

Дорогие земляки! Очень важно, чтобы новые поколения россиян не забывали о том, какой ценой нам достался мир, возможность жить благополучно и счастливо, понимали, что победить врага мог и может только сильный духом народ. В наше непростое время необходимо сохранить то общее, что сближает и сплавивает нас, помогает преодолевать любые трудности и испытания,— это любовь к родной земле и преклонение перед подвигом наших соотечественников. Желаю всем здоровья, благополучия и мира!

*Владислав Валерьевич ШАПША,
врио губернатора Калужской области*

СЛОВО ВЕТЕРАНАМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Теперь из них никого не осталось в живых. Уже на склоне своих лет они рассказывали о своей боевой молодости и постепенно уходили один за другим — почётный гражданин г. Калуги и г. Жиздры полковник И. Ф. Милёхин, освободитель Калуги майор А. М. Безносков, медсестра передвижного полевого госпиталя № 469 А. Н. Трунина, кавалер ордена солдатской Славы артиллерист-бронбойщик В. М. Матросов, бывший ездовой рядовой С. И. Лёвин, участник парада Победы 1945 г. И. В. Матвеев и другие.

Их воспоминания о Великой Отечественной войне с предисловием участника Сталинградской битвы И. М. Калинина были опубликованы в книге, изданной в 2015 г. под названием «Право на исповедь» (издательство «Золотая аллея»). Это произошло благодаря финансовой поддержке главы крестьянского хозяйства, краеведа и великого патриота Калужской земли С. П. Фетисова (д. Плоцкое Думиничского района), который спустя два года после выхода в свет сборника также ушёл из жизни. Ушли из жизни некоторые из тех, кто записывал и обрабатывал воспоминания ветеранов (в книге было собрано 20 исповедей) — писатель А. Демидов, журналисты Н. Кондаков и В. Матросов, умер и автор предисловия И. М. Калинин. Время беспощадно ко всем. Но осталась честная книга, со страниц которой мы слышим голоса участников войны, без всяких натяжек её можно назвать народными мемуарами. Часть из них мы сегодня представляем читателям нашего журнала.

Юрий Холопов, составитель книги «Право на исповедь»

МЕДСЕСТРА С ПЕДАГОГИЧЕСКИМ ОБРАЗОВАНИЕМ

Александра Никитична Трунина (Королёва) родилась в 1919 г. в селе Ахлебинино в крестьянской семье. Окончила школу и Калужское педагогическое училище. Во время войны пережила оккупацию в Калуге. После освобождения пришла работать в госпиталь санитаркой. Прошла свой военный путь вместе с передвижным полевым госпиталем № 469, который входил в состав 11-й гвардейской армии — сначала медсестрой, а потом начальником штаба госпиталя. Завершила свою военную медицинскую службу в Кёнигсберге начальником военно-полевого госпиталя в звании младшего лейтенанта медицинской службы.

— В 1941 году я преподавала историю в городской школе № 9. На следующий день после начала войны я пришла в военкомат и увидела там моих десятиклассников. Спрашиваю ребят:

— Что вы здесь делаете?
— А вы что тут делаете? — отвечают вопросом на вопрос.
— Я собираюсь на фронт.
— И мы на фронт.

«Значит, всем классом и пойдём», — подумала я. Такая была уверенность, что мы нужны. Но когда я сказала об этом военному, тот строго приказал:

— Вы — учительница. Оставайтесь на своём месте. А дети пусть продолжают учиться в школе. Когда нужно будет, мы вас обязательно позовём.

Однако учиться в том году ребятам не пришлось. Мы ездили на грузовике заготавливать лекарственные травы.

Я прошла месячные курсы медсестёр, получила справку и значок БГСО («Будь готов к санитарной обороне»). Это пригодилось потом, когда наши освободили город и я пошла работать в госпиталь. А подруга моя Галя Акимова занималась стрельбой, имела значок «Ворошиловский стрелок». Её потом взяли в разведку. Ребята тоже занимались на различных курсах.

Вскоре фронт подошёл к городу. Когда возникла опасность налётов на город немецких самолётов, были сформированы дружины по борьбе с зажигательными бомбами. Я вошла в одну из них. Раздавался сигнал тревоги, мы бежали на крышу дома. Правда, ни одной зажигалки мне так и не удалось погасить.

Первый налёт мы пережили так. Однажды мы с ребятами убрали картошку возле КЭМЗ — попросило какое-то хозяйство. И вдруг на бреющем полёте пронёсся самолёт. Мы хохочем, машем ему руками. Вдруг он начинает строчить из пулемёта. Падает один человек, другой. Шестеро наших погибло. А через некоторое время начался массивный налёт на Калугу. Завыли все сирены. Мы бежим к себе, спешим на крышу, как положено. На Салтыковке нас накрывает бомбёжка, кругом разрывы, страшно. А подбегаем к улице Дзержинского — сплошная кровь, трупы, битые стёкла. Мы стали помогать раненым. Ушли только тогда, когда всех пострадавших

Шура Королёва — младший лейтенант, начальник штаба ППГ-469

отправили на телегах и машинах в санчасть. И тут уже бомбёжки начались каждый день.

Ночью часто было видно, как в городе взлетают красные ракеты — пять-шесть за бомбёжку. Даже обидно было: откуда же в Калуге столько шпионов? Правда, бомбили немцы всё равно по своему плану. А потом мы узнали, что город сдают.

Началась жизнь в оккупации. Мой отчим Ефим Петрович, старый питерский рабочий, пошёл работать на завод МПС. Им выдавали там кое-какие продукты, но прокормить на это всех нас он не мог. На заводе ему удавалось чинить старые вещи — ведра, самовары, делать ложки, а мы ходили в деревню менять всё это на продукты. Он, конечно, рисковал, его даже предупреждали, но обошлось. Меняли мы и свои вещи. У мамы была прекрасная шаль-белоклетка, из приданого. Жалко было её отдавать, но выменяли на картошку. Иногда давали молока. Какое-то время питались кашей из горелого зерна, которое нам удалось набрать на горящем элеваторе в Тихоновой пустыни.

У немцев были списки коммунистов. Я старалась не показываться в городе. За мной несколько раз приходили — арестовывать, но мне удавалось уйти через чёрный ход. И вообще, я старалась пореже ночевать дома.

Попытки противостояния немцам были, но вызывали только гибель мирных жителей. Так, на 7 ноября

А.Н. Трунина, завуч школы-интерната с. Кольцова, начало 1960-х гг.

в нескольких местах в городе появились красные флаги.

Утром жители, как обычно, потянулись к рынку, который был на том месте, где теперь театр. Немцы захватили первых попавшихся двадцать

человек без разбора — мужчины, женщины, дети — и здесь же расстреляли. Они лежали несколько дней. Над ними висела надпись, что так будет каждый раз, когда в городе случится подобное.

Расстрелянные фашистами жители Калуги

Но наконец пришло освобождение. Это произошло так.

Как-то в конце декабря я мыла полы. Было раннее утро, часов шесть, ещё темно. Пошла выливать воду из ведра. Вдруг вижу — движется что-то белое.

— Кто здесь? — спрашиваю.

— Тихо, — слышу приглушённый голос. Это был разведчик в маскхалате.

— Свои. Мы находимся на той стороне Оки. Утром начнётся наступление. Сделайте всё возможное, чтобы не попасть под огонь.

Я вернулась и рассказала о разговоре с нашим разведчиком. Мы стали скорей переносить в подвал самые необходимые вещи.

Но немцы нас нашли и выгнали на улицу. Там собралась целая толпа таких же, как мы, горожан. И повели нас вверх по Салтыковке, мимо горящих домов. Дошли до улицы Луначарского, и вдруг начинается обстрел. Когда снаряд взрывается, все падают — и мы, и охранники. Вот очередной взрыв, я падаю, рядом со мной молодой немец. Он не страшный, и я решаюсь спросить:

— Wohin gehen wir?

— Schiessen, — отвечает, а сам весь замёрз, плачет, вытирает нос, как-то неловко держит повреждённую руку.

Я всем тихонько передала, что нас ведут расстреливать. В это время мы проходили мимо забора, в котором было выдрано несколько досок. Отчим упал в эту дыру и машет нам рукой. Мать туда юркнула — мы за ней. А за нами ещё несколько человек.

Немцам не до нас. Они спешат и не оглядываются.

Мы подождали, пока они отойдут, и побежали через огород. Неподалёку, напротив железнодорожного техникума, в подвале жили наши родственники. Примчались к ним, все в снегу, мокрые. Хозяйка налила нам кипятку, дала по ломтику хлеба. Стала расспрашивать. Посидели немного, отдохнули. Тем временем вечер наступил, а бои продолжают. Отчим с матерью решили пойти домой, забрать вещи, если что-то осталось. Перебирались где ползком, где бегом. Пришли и увидели, что дом наш сгорел. Но подвал остался цел. Отчим нагрузил на мать перину,

Личный состав ППГ-469

чтобы от пуль защищала. Сам взял самовар, подушку, ещё какие-то вещи. Вот и всё богатство, которое у нас осталось.

Переночевали мы у родных. А что дальше делать? Пошли к другим родственникам, которые жили на улице Степана Разина. Шли напрямую, через овраг. И вот уже почти на самый верх вскарабкались, когда по нам стали стрелять. Младшая сестра говорит:

— Оса полетела...

— Какая оса, это пули.

Мы бросились бежать, хорошо, что уже было недалеко до домов. А вскоре пришли наши.

После освобождения Калуги я пришла в мобилизационный пункт. Увидев мой значок БГСО, меня сразу направили в передвижной полевой госпиталь — ППГ-469. Он располагался в здании, в котором теперь находится гимназия № 9. Здесь же был госпиталь, прибывший с Украины. Сёстры были очень милые. Каждый день наглаживали косыночки с красным крестиком. Всегда были одеты в белоснежные накрахмаленные халатики. С этим госпиталем к нам прибыл знаменитый позже хирург Николай Амосов.

На первом этаже лежали раненные в ногу. На втором — с ранениями в голову, здесь большинство было без памяти. Сестёр и санитаров не хватало. Мы делали всё: носили раненых, кормили, ухаживали, перевязывали,

делали уколы. Очень тяжело нам, девочкам, было носить раненых на второй этаж.

Мы должны были также наблюдать за больным, за его душевным состоянием. Врачи, прежде чем осматривать раненого, спрашивали нас, хорошо ли он спит, и если плохо, то почему. От этого ведь тоже очень зависело выздоровление раненого.

Поток был такой, что иногда раненые лежали по всем коридорам. Оставался только узкий проход. Но что удивительно, почти никто не стонал громко.

Правда, был такой случай. Привезли одного узбека. Слышу, кричит во всё горло. Подбегаю, спрашиваю:

— Что с тобой?

— Ой, нога!

Действительно, ботинок весь разворочен. Но крови не видно. А он продолжает кричать. Я бегу к врачу, докладываю, что раненый в тяжёлом состоянии, «умирает». Врач срочно приказывает везти его на операцию. Уже на столе разрезают ботинок — а нога не тронута.

«Раненого» тут же отправляют на передовую. Однако через некоторое время он снова попал к нам, уже с двойным ранением в руку. Его у нас так и звали «Ой, нога». Он смеялся и говорил:

— Да, а знаете, как болело...

Помню такой случай. Хирург Амосов был очень требователен и к себе, и другим. Однажды привезли

раненого в тяжёлом состоянии. Амосов сделал операцию и сказал нам:

— Он будет жить и придёт в себя только тогда, когда ему станет тепло.

А отапливалось помещение железными печками из бочек, дрова были только сырые — они дымили, но не грели. Не было ни света, ни воды.

Стали совещаться. Надо спасти человека. Наш дом был на улице Салтыкова-Щедрина — пять минут добежать. Бегом бросилась домой, набрала опилок, щепок, лучинок. По пути встретились ученики, уже большие ребята. Я их попросила тоже принести дров.

Быстро разожгли печку, в помещении стало теплее. Но раненому всё равно холодно. Тогда мы положили ему по краям две бутылки с горячей водой. Но и этого оказалось мало. Я принесла старый деревенский полшубок и накинула на него. Через некоторое время он открыл глаза.

Я срочно посылаю сестричку, чтобы она позвала Амосова.

Он как глянул — пришёл в ужас. На раненого, только что оперированного, положить грязный тулуп! А когда под тулупом он обнаружил горячие бутылки, пришёл в ярость. Кричал:

— В штрафную, немедленно!

Вот с таких казусов мы начинали воевать.

Но всё-таки раненого спасли.

Так мы работали до весны. Жилось всем трудно, есть было нечего. Приходилось находить нестандартные решения. Когда немцы только ушли из города, отчим узнал, что около бора был сильный бой, во время которого постреляли много лошадей. Мороз был сильный. Отчим с матерью взяли пилу, салазки и отправились на поиски пищи. Вскоре нашли лошадь, распилили её на четыре части. Одну часть взяли сразу, а остальное закопали. Постепенно перевезли всю тушу. Мясо мы прокручивали через мясорубку, добавляли картошку и делали котлеты. Сковородку подмазывали воском — котлеты хорошо отскакивали. Кости варили, делали суп. Это было спасение.

К весне собирали на полях мороженный картофель, из него делали оладьи-терунки.

Позже из армии, когда стала офицером, я присылала домой

деньги — двести рублей в месяц. Мама писала: «Я купила стакан соли и буханку хлеба, а на сто рублей купила ботинки». Вот и все двести рублей. К тому же ботинки за такую цену развалились при первом же выходе на улицу.

Когда фронт пошёл от Калуги на запад, нас перебросили в Сухиничи, которые только что были освобождены. Прямо с поезда мы отправились к зданию, предназначенному под госпиталь. Немцы там устроили скотный двор. Срочно надо было всё выскоблить. Раненые уже ждали во дворе. А стоял март.

Когда мы убрали последнюю комнату, услышали что-то странное. Как будто часы тикают. Ни у кого из нас часов не было и в помине. Я сразу доложила начальнику. Он срочно вызвал сапёров. Оказалось, немцы, уходя, заложили мину. До взрыва оставалось минут пятнадцать.

После разминирования сразу начали заносить раненых. Принимали очень большой поток. И день, и ночь. У нас не было ни выходных, ни даже просто часов отдыха. Не знаю, когда мы спали.

А после нас отправили в Козельск, в Ульяново, потом на Орёл. В Козельске мы стояли прямо в Оптиной пустыни. Раненых было не очень много. Мы даже расслабились. Однажды ночью приезжает начальство и приказывает:

— Срочно копать окопы. Наши наступают, но мы должны быть готовы к обороне.

Мы копали всю ночь, до кровавых мозолей. Но окопы негодились. Чуть только начало светать, вдруг весь горизонт осветился ярким-ярким светом. Это немцы навешали осветительные ракеты. Тут же началась наша артиллерийская подготовка. Особенно заметны были залпы «катюш». А в нашу сторону не было ни одного выстрела.

Утром — снова вперёд.

В одном месте мы проезжали мимо овражка и вдруг увидели немцев. Много, человек пятнадцать. Наши машины были уже рядом, а они сидели и не шевелились. Все переполошились — может быть, засада? Потом решили всё-таки посмотреть, что с ними. Остановились, и наш

патологоанатом пошёл в овраг. Немцы все были мёртвые. Но странно — на теле не было заметно никаких ран. Когда произвели вскрытие, оказалось, что они все скончались от разрыва сердца. Вероятно, залпы «катюш» так на них подействовали. Может быть, новобранцы были.

Вспоминается и смешное на войне.

Однажды я оказалась в роли бомбы. В это время уже была младшим лейтенантом, начальником штаба госпиталя и должна была во время немецких налётов прятаться в бомбоубежище только после того, как была обеспечена безопасность всех раненых и персонала. В бомбоубежище вела длинная винтовая лестница. Однажды я не успела вовремя туда спуститься. Начальник госпиталя увидел меня и накричал. Самолёты воют, кругом взрывы, начальник кричит. Я — бегом к лестнице. А кирзовые сапоги были большие, тяжёлые. Ноги запутались, и я полетела вниз головой, грохоча по лестнице. Кто-то крикнул:

— Прямое попадание.

Потом — тишина. И мой стонущий голос:

— Есть тут кто-нибудь?

Раздался страшный хохот. Вверху бушует война, всё трясётся от взрывов, а мы хохочем.

После двухмесячного пребывания в Ульянове нас отправили под Орёл.

Высадили из поезда нас на станции Хотынец. Солдат бросили прямо с поезда в бой. Там была страшная мясорубка...

Где-то там же, на Курской дуге, воевал танкистом мой брат. Я проверяла каждого раненого. Брат воевал на танке КВ. Снаряды этот танк не пробивали. Но немцы стреляли болванками. Такая болванка попала в танк брата. От удара разбилось всё внутри вдребезги. Когда брата достали, на нём места живого не было. В это время была налажена доставка раненых самолётами. Брата забрали и отправили в Тулу, а из Тулы — в Читу. Оказалось, что ранения неглубокие, осколки были мелкие. Однако были поражены глаза.

А в дом к нам пришла похоронка. Младшие сестра и брат написали мне. Я им ответила, чтобы маме не говорили. Так дети плакали потихоньку, а маме не говорили. Только

через два месяца брат прислал письмо, в котором писал:

— Меня лечат, но у меня плохое зрение. Я могу прочитать только название газеты: «Правда».

Когда стал выздоравливать, написал нам, что хочет остаться в доме инвалидов. Но мы попросили его приехать. Его привезла медсестра. Долго пытались лечить. Но с глазами уже ничего не могли сделать — там остались осколки. Врачи сделали всё, что могли.

Несмотря на эту беду, брат нашёл свой путь в жизни. У него была прекрасная семья, ответственная работа. Он увлекался музыкой, сам хорошо играл на баяне. Очень любил рыбалку.

На Курской дуге погибли восемнадцать человек из нашего госпиталя. Мы ведь стояли на открытой местности. Кругом поля ржи, никуда не укрыться. А бомбили страшно. И мы никогда не знали, кто завтра останется в живых.

Дальше наш путь лежал на север.

Остановились в Великих Луках. Мне дали двух помощников, чтобы срочно, через час, приготовить помещение на сто человек. Дело было к вечеру. Ещё шли бои, а наш госпиталь стоял на запасных путях. Город обстреливали и наши, и немцы. В темноте мы ходили от дома к дому и не могли найти ничего приличного. Но приказ есть приказ. Успели. Через час прихожу докладывать — радостная, улыбаюсь. Начальник останавливает меня:

— Весь поезд разбомбило. В живых наших осталось очень мало, третья часть.

И нас снова отправили на формировку.

Не все раненые стойко переносили своё увечье. Приходилось не только лечить их, но и спасать от самих себя. Однажды, когда никого рядом не было, подзывает меня молодой офицер, у которого была ампутирована одна нога. Я подхожу. Он смотрит прямо в глаза и говорит:

— Хочу вас попросить об очень важном деле. Обещайте не отказываться.

— Вы не волнуйтесь, — говорю, — рассказывайте, в чём дело. Сделаю всё, что смогу.

Он достаёт фотографию очень красивой девушки.

— Это моя невеста. Вы видите, какая она красивая. А я теперь калека. Она, конечно, меня примет из жалости, но мне это не нужно. Я хочу умереть, достаньте для меня яд.

Я не знаю, что мне делать. Но если отказать, он убьёт себя по-другому. Поэтому снова обещаю сделать всё, что могу. Только прошу подождать, потому что нужно время, чтобы помочь ему. Он соглашается.

Начинаю думать, как спасти человека, и не его одного. Наверняка девушка тоже его очень любит. Он такой красивый.

Я написала обо всём его невесте и матери. Через некоторое время пришёл от них обнадеживающий ответ. А затем приехали они сами и забрали офицера домой. Потом писали мне, что жизнь у них наладилась.

После Великих Лук мы прошли Белоруссию и Прибалтику. В Прибалтике боёв почти не было, мы просто её проехали. Потом какое-то время стояли на Немане. И наконец подошли к пограничному столбу — к Восточной Пруссии. Настроение было радостное — войне конец. Но командующий фронтом генерал армии И.Х. Баграмян объявил:

— Приказ добить зверя в его логове. Мы идём на Кёнигсберг.

Как взяли эту неприступную крепость, я не видела. Только потом уже читала, какие там были страшные бои.

А Победу я встретила в Калуге. Помню, как вдруг ночью заговорили радио и объявили долгожданную весть. Люди вышли на улицу. Такая была радость, что ни с чем больше сравнить невозможно. В тот момент мы были абсолютно уверены, что войны больше не будет никогда.

ВОЕННЫЕ ДОРОГИ ПОЛКОВНИКА МИЛЁХИНА

Иван Фёдорович Милёхин родился 21 февраля 1917 г. Прошёл тяжёлый фронтной путь от старшины роты до командира полка. Принимал участие в боях на Калужской земле. Его батальон освобождал с. Вортыньск, Староскаково, Новоскаково и населённые пункты Юхновского, Мосальского, Думиничского и других районов нашей области. За это время он получил три ранения и был награждён тремя орденами.

Полковник И. Ф. Милёхин, 1970-е гг.

— Под Староскаковым я получил тяжёлое ранение. Меня вынесли с поля боя на носилках, на одну ночь поместили в Калужский военный госпиталь, а утром перевезли в Московский госпиталь военно-морского флота. Возвратился на место прежней службы через месяц, где меня назначили командиром роты 1824-го полка 413-й стрелковой дивизии. Но воевал недолго, в очередном бою меня опять ранило, и снова направили на лечение в военный госпиталь.

Возвращаюсь в родную часть и попадаю под Зайцеву Гору. А Зайцева Гора для калужан — как бой за Берлин для немцев, только там они проиграли, а мы выиграли тяжелейшее сражение. Тут, под Зайцевой Горой, перед строем мне объявили приказ о присвоении звания старшего лейтенанта и назначении на должность заместителя командира стрелкового батальона. Сразу же направили к командиру полка за получением очередного боевого задания.

— Готовится контрнаступление наших войск. Даю тебе двадцать пять солдат. С ними перережешь Варшавское шоссе, не дашь немцам возможности для переброски войск из Барятино на Юхнов. Тебя поддержит артиллерия и два самолёта.

Приказы не обсуждаются: выполнил — награда, не выполнил — расстрел. Привычный закон войны. Дал

команду: «Вперёд! За мной!» Ползли не больше часа. Немцы разгадали наш замысел. Они ждали противника и, чтобы не выказывать свои оборонительные позиции, стали использовать против нас только снайперские винтовки. По взмахам моей правой руки они поняли, что я командир, и огонь всех своих снайперов направили на меня одного. По мне был организован прицельный огонь. Вдруг мне обожгло и как бы перерезало плечо. Я потерял сознание. Меня волоком потащили к своим. Некоторые солдаты вскакивали во весь рост, их тут же убивали снайперы.

Попавшая в плечо пуля прострелила насквозь лопатку. Случилось это 25 марта 1942 года. Командир дивизии, имевший награды за войну в Испании, тоже дальневосточник, генерал Алексей Дмитриевич Терешков до конца фронтовых дней помнил это число, приглашая меня в этот день к себе, чтобы вместе отпраздновать второе рождение.

Уже после излечения я понял, что полковой командир посылал нас на верную гибель: никакой артиллерийской поддержки и никаких самолётов не было. Ему нужны были точные разведывательные данные, он посчитал, что немцы откроют по нам массированный огонь со всех позиций, таким образом обнаружатся все их огневые точки и их можно будет немедленно запеленговать. Немцы оказались в тот день хитрее.

Из-под Зайцевой Горы меня привезли в госпиталь генерала Болдина, командующего 50-й армией. После выписки, в октябре 1942 года, Болдин взял меня в своё личное подчинение, назначив командиром отдельной штрафной роты. Казалось бы, после батальона я получил роту, но это было по военному времени значительным повышением в должности: во-первых, я переходил в прямое подчинение к командиру дивизии, а во-вторых, один день военной службы в штрафной роте засчитывался в выслугу как шесть дней в простой.

По уставу, штрафные роты должны были использоваться только в обороне на открытых участках военных действий. Война же не даёт возможность предугадывать всё заранее... Однажды, где-то между

Митинг на Зайцевой Горе в день Победы. Начало 1970-х гг.

По инициативе И. Ф. Милёхина в 1975 г. в Калуге на площади Победы у Вечного огня был установлен почётный караул

Мосальским и Барятинским районами, меня и двести пятьдесят бойцов поставили в оборону в лесной местности. Такое решение было вынужденным. До нас на этом месте дислоцировался полк из азербайджанцев, а у них — беда ли, радость ли — всюду барабанные тарелки и круговые пляски. Немцы их не боялись и не считали солдатами. Мой любимый генерал Терешков в напутствие сказал: «Сынок, это приказ, и нам с тобою его выполнять».

За одну ночь вывезли азербайджанский полк, заменив его штрафной ротой. Глубина обороны составляла семьдесят метров. На рассвете немцы стали кричать в свои рупоры по-русски:

— Штрафники, убейте своего капитана Милёхина и переходите к нам!

Заводили музыкальные пластинки и снова повторяли эти слова. Психологической атаки не выдержали мои штрафники. Обозлённые такой наглостью, они забыли об обороне, пошли напролом. Переколоты немцев штыками. Нельзя было этого делать. Доложил наверх о случившемся факте. В штабе не поверили моему докладу. Прислали проверяющего. А у меня лично было два ординарца, и оба из штрафников. Один находился всегда впереди меня, а другой позади. Мой передний похвастался: «Видишь, командир, немцы с котелками идут в столовую на обед. Перед столовой у них возвышенище. Выскакивая из траншеи, они вынуждены на одну секунду подниматься до пояса. Я пристрелял это место и уже угробил их штук двадцать. Не успел я разобраться с ним, как к нам подошёл проверяющий. В этот момент слышу крик: «Товарищ капитан! Красноармеец Селянин ушёл к немцам!» А этот Селянин — мой тыловой ординарец. У меня от вздыбленных волос свалилась с головы шапка. «Ты сам видел?» — спрашиваю передового. «Да», — отвечает ординарец. — «Почему не стрелял?» — «Жалко», — отвечает.

Вот тебе и доклад об успехе в штыковой атаке. Разбираться в чрезвычайном происшествии пришлось на глазах у проверяющего.

Пробираясь по следам беглеца между пнями от порубленных деревьев,

А. М. Безносков. 1980-е гг.

вдруг вижу своего Селянина, прижавшегося спиной к краю небольшой ямы, полулёжа и в упор расстреливающего замешкавшихся немцев. Между выстрелами он приговаривал: «На, фашист, получи своё!» Увидев меня, Селянин сказал как ни в чём не бывало: «Посмотрите, как красиво падают фашисты».

Теперь уже вместе, отстреливаясь, отошли мы на свои позиции. Проверяющий всё видел сам и доложил руководству правду, немножко смягчив её. Этим он спас и меня, и моего ординарца Селянина.

За полгода боёв в моей штрафной роте не было случаев измены или предательства и не ушёл ни один солдат.

ЛЕЙТЕНАНТ С ТРОФЕЙНЫМ ПУЛЕМЁТОМ

Алексей Максимович Безносков родился в 1916 г. в крестьянской семье. В 1937 г. был призван на службу в Красную армию. В 1941 г. окончил по ускоренной программе Сибирское военно-политическое училище. 14 декабря 1941 г. получил назначение в штаб 290-й стрелковой дивизии 50-й армии, оборонявшей Тулу. Он вспоминает свои первые бои на Тульской земле (Калуга тогда являлась районным центром Тульской области).

Меня и ещё двоих моих сокурсников направили в распоряжение 885-го стрелкового полка, сильно потрепанного в боях.

Командир объяснил, что немецкая дивизия упорно сопротивляется в Крапивне. Есть приказ — зайти ей в тыл и отрезать путь к отступлению.

Когда мы вышли, стало уже темно. Утопая в снегу, скрытно обходили деревни. Шли долго. Наконец вышли на большак Крапивна — Одоев. Хотели оседлать его тут же, среди леса. Но я огляделся и стал возражать: огляд узкий. Если немецкая колонна растянется на километр, то успеешь ей отсечь только голову или отрубить хвост. Остальные могут прорваться или рассеяться по лесу. Или так огрызнуться, что ноги не унесёшь.

Подошёл командир — полковник Тихонов. Я стал объяснять, что может произойти, и предложил: «Слева просвет, видно колхозное поле. Вот там и надо встречать немцев. На опушках перед полем установим пулемёты. И никуда они не уйдут».

Бойцы устали. Им не хотелось топтать ещё куда-то. Некоторые валились от усталости в снег и закрывали глаза.

Но командир со мной согласился, и мы двинулись к просвету. Обернувшись, я передал по цепочке, чтобы каждый, пока идём по лесу, набрал охапку лапника. Но многие уже и сами догадались: если лягут потными на снег — амба.

Под утро, когда только стало светать, на большаке показалась немецкая колонна.

— Без моей команды не стрелять! — послышался из-за куста можжевельника голос командира полка.

Замаскировавшись с Юсуповым и Ибрагимовым под лохматой елью, я пропустил мимо себя два транспортёра, крытых брезентом, и несколько повозок. За каждой из них шагали вразвалку человек восемь-десять автоматчиков. Потом проехала кухня: одна, вторая...

Когда колонна вылезла из леса и, как я и предполагал, стала видна как на ладони, командир скомандовал: «Огонь!» Лёжа на лапнике, я давно наметил для себя цель — выбить командиров, ехавших в серединке на лошадях.

Огонь наш был такой, что фрицы сразу залегли и головы не могли поднять. Молотьба минут через двадцать закончилась. Над бронетранспортёрами, откуда раздавался ответный

треск, взметнулись чёрные клубы дыма. На снегу осталось лежать более ста немцев. Остальные подняли руки. Я выволок за ноги из-под кухонного котла белобрысого гауптмана.

Но едва офицеры успели доложить, что потерь у нас нет, как со стороны Крапивны заговорили немецкие «ишаки» — миномёты. Очевидно, немцы успели сообщить по радиации о налёте и попросили поддержать их огнём. Послышались шлепки то справа, то слева. Оставив у дороги два станковых пулемёта, полковник Тихонов отвёл группу бойцов с захваченными повозками и пленными к Упе, на берегу которой прилепились три избушки — то ли лесников, то ли здешних любителей хуторской вольницы. Там мы и расположились до подхода основных сил 290-й дивизии.

Я со своим расчётом затаился на берегу. Зарылся в снег. Юсупов приволок старый дедовский зипун, а Ибрагимов — фляжку с ромом, затаившую в суконный чехол.

— Где взял? — спросил я.

— Тихонов подарил. Трофейный напиток. Для сугрева. Но просил не злоупотреблять на посту...

Пролежали около часа. Стало смеркаться. И вдруг я заметил в бинокль, что по льду реки кто-то движется. Непонятно кто. Мы по очереди стали смотреть. В вечерних сумерках катились по белому руслу реки белые шарики — лыжники в белых маскировочных халатах. Наши или чужие? Отправил Юсупова к командиру полка.

Крадучись, через заросли ивняка спешно подошёл Тихонов, опустился на колени, взял бинокль.

— На запад двигают. Может быть, наша разведка?

— Проверим на всякий пожарный случай, — сказал я и, когда первые лыжники подошли поближе, сложил рупором ладони и крикнул:

— Стой! Кто идёт?

Лыжники остановились, замерли. Значит, не понимают русского языка. Я прицелился и уверенно провёл «говорящим» стволом по всей цепочке. Пошли потом вдвоём с Тихоновым проверять, метко ли стрелял.

— Второй раз замечаю: глаз у тебя верный, — похвалил командир полка.

— Не совсем, товарищ полковник. Самый первый копошится.

Тихонов подошёл, двинул толстого немца ногой под зад.

— Чего разлётся? Вставай!

Тот, охая и бормоча проклятия, встал, а руки поднять не может: обе прострелены навывлет.

Привели в штаб, допросили с помощью лейтенанта Махалова. Командиром взвода разведки оказался. Отвечать на вопросы отказался, потому как верен присяге и своему фюреру.

— Расстрелять! — распорядился Тихонов.

Немец без перевода понял, что участь его решена. И враз изменился, колени задрожали, залопотал о двух киндерах... И стал отвечать на вопросы. Оказывается, перед ними, немецкими разведчиками, была поставлена цель — разведать дорогу и вывести из Крапивны окружённую там дивизию.

— Окружённую? — Тихонов рассмеялся. — Слышал? После войны рассказывать будут, как семьдесят человек дивизию окружили. Не поверят ведь!

Посадили разведчика вместе с гауптманом на сани, отправили в штаб дивизии.

В полночь наш расчёт на посту сменили другие. Только задремал в избушке, услышал выстрелы. Подъём! Но ординарец командира полка быстро выяснил и успокоил: это два наших станковых пулемёта, оставленные в засаде на большаке, поработали. Немецкий кавалерийский эскадрон покромсали.

Рано утром у штаба нашего полка появились свои кавалеристы — подлетел на рысях Первый гвардейский корпус генерал-майора Белова, совершавший рейд в тылу врага.

— Чей обоз с продуктами? — спросил Белов.

— У немцев взяли с боем, товарищ генерал, — ответил командир полка.

— Спешиться и забрать с собой! — приказал кавалеристам Белов.

Тихонов стал дипломатично возражать: мол, без разрешения командира дивизии не имеет права распоряжаться трофеями.

Но генерал был настроен решительно:

— С Хохловым я сам договорюсь и всё объясню. Нам добывать продукты труднее. Да и некогда. Фашисты

В. М. Матросов. 1970-е гг.

на хвосте сидят. Понимать надо, полковник!

Конники оставили только две повозки, кухню и умчались на запад, в сторону Калуги. Туда же через несколько минут низко пролетели два немецких самолёта.

— За Беловым охотятся, — поднял лицо к небу Тихонов.

Он как-то тепло, по-отечески оглядел собравшихся бойцов и добавил:

— Вот и нам в ту сторону пора двигаться. Связной офицер только что вернулся. Крапивна освобождена. Калугу теперь будем освобождать!

Артиллерист метр сорок с ушанкой

Василий Моисеевич Матросов родился 31 января 1923 г. в крестьянской семье. Великую Отечественную войну окончил гвардии старшим сержантом, командиром противотанкового орудия.

— В декабре 1942-го повестка в Дугнинский военкомат. С вещами! Повезла меня тётка Матрёна Николаевна на кобылке по кличке Гордая, да не довезла. У кобылёнки прохудился левый бок, прорвалась водянка. Тётка рада-радешенька. «Быть тебе, малый, живому, раненому, домой вернёшься!»

Попрощались — и пешком в Дугну.

Дугна, Тула, барак, кипяток, остальное в вещмешке из дома. Обратил внимание: женщины в Туле не улыбаются совсем. Почему? Сводили в баню, выдали сухари. Вокзал, с пересадкой в Москве,

через Волгу на станцию Суслонгер Марийской Республики. В вагоне стащили мой вещмешок с лепёшками, ложку и кружку. Смеются, а мне не до смеха.

На станции нас встретил оркестр. Никто подобного не ожидал. Старшина читает списки призывников, знакомится.

— Матросов Василь Моисеевич. Еврей?

— Да нет, поп с дедом в цене не сошлись.

— Смирно! Врѣшь.

А в деревне, замечу, людей до сих пор ценят не потому, русский он или еврей, а каков человек и что делать умеет. То и ладно.

Пришли «покупатели», как мы звали распределителей наших душ. Нас построили. Я — замыкающий, ниже меня нет, это за войну вырос больше чем на 20 сантиметров. С меня и начали.

— Таблицу умножения знаешь?

— Знаю, — удивился я.

— Девятью восемь?

— Семьдесят два!

— Перестроиться в левую шеренгу!

Назначен в артиллерию. Получили 45-миллиметровую пушку, изучали материальную часть, ходили на коношню, живём в землянке, паёк — чтобы ноги таскать. На все обучение — неделя.

В первый же банный день нашли у меня вшитый в хустку крестик. «Что такое?!» Выбросили. Я и не знал, что вшила его мне бабка Пелагея Васильевна Братанова. Потом и не то узнал. Про ту тёлку полуторогодовалую, что в колхоз свели, сказала: «Любую отдам, лишь бы внук вернулся живым». Дошли до Бога её молитвы.

23 февраля 1943 года приняли присягу.

На фронт. Назад — через Волгу, распахнув двери товарных вагонов, свесив ноги. Бравата. Остановились в Белёве на родной Оке. Получили «сорокапятки», коней. Я наводчик и ездовой. Офицер Бойко устроил смотр, назвал всех орлами.

— Есть вопросы?

— У меня ложки нет.

Отдал свою, сказал: «Береги!» Уже потом мы узнали, что принимали участие в Орловско-Курской наступательной операции. Окапывались. Орудийные позиции в ста — пятистах

С. И. Лёвин с женой. Конец 1940-х гг.

метрах за пехотой. Атака, прорыв наших танков, снова меняем позиции. Сначала на Болхов, потом на Орёл.

Дневники вести запрещалось, в письмах названия населённых пунктов вымарывались цензурой. Потому в памяти только города, ежедневные бомбёжки вражеской авиации, от которой мы быстро научились маскировать орудия и маскироваться сами. Были среди нас «старички», кого «мессеры» гоняли ещё в начале войны. Их опыт пригодился.

В бане после одного из боёв встретил земляка, Егора Игнатьевича Ерёмину, из деревни Гулево. На груди — шрам от залеченной раны. После победы встретились, вспомнили.

Ну и, конечно, станции Прохоровка, Поньры. Только теперь, когда смотрю кадры кинохроники, представляю, что там было. А тогда, через орудийный прицел видел то, что видел. «Снаряд! Прицел! Огонь!» А дальше — немцы с поднятыми руками и нашим конвоем. Текут и текут через овраг мимо нашей позиции, час и два. «Гитлер капут! Арбайтен нах Москау!» Во ржи за оврагом догорали танки. И с чёрными крестами, и с красными звёздами.

НОЧНЫЕ БДЕНИЯ ОХРАННИКА ЛЁВИНА

Сергей Петрович Фетисов, глава крестьянского хозяйства «Братья Фетисовы» Думиничского района, заслуженный работник сельского хозяйства России, рассказывал

следующее: «В 1974–1975 годах я работал главным агрономом совхоза «Воймировский» Думиничского района и жил в старом селе Которь. Там я познакомился со своим будущим тестем — Сергеем Ивановичем Лёвиным (1909–1984). Он был человеком с большим жизненным опытом: помнил времена коллективизации в этих местах, был участником Великой Отечественной войны. Мне удалось сохранить «мемуары» Сергея Ивановича».

Попал на фронт, в боевую часть, после подготовительного лагеря, когда немцы подходили уже к Москве и к Туле (под Алексинем) — осенью 1941 г. Как инвалида (перед самой войной я лишился указательного пальца на правой руке) меня направили сначала в обозники. Служил в обозе командиром отделения, числилось у меня в подчинении 9 ездовых и 9 лошадей. Служба была, в основном, такая: то везём боеприпасы на одну батарею, то на другую...

Из всего отделения только трое солдат (возниц) были более или менее подготовлены к службе, то есть знали, как обращаться с конями, нормально служили. А с другими, москвичами, было горе. Они до армии за лошадьми не ухаживали, не знали, как беречь животных. У них вся упряжь была рваная, лошади истощённые. А ведь за лошадью нужен уход и на войне. В октябре узнали, что немцы захватили Калугу, потом Малоярославец, потом, когда

уже выпал снег, начались бои под Москвой.

Наши медленно отступали, но уже накапливали резервы, готовились к контрнаступлению. С Урала да из Сибири подходили эшелоны, и от этих эшелонов мы возили снаряды и мины-крылатки по бездорожью, по зимникам — зимним дорогам, там, где невозможно было пройти машинам. Возили уже не на колёсах, а на санях.

Всё делалось скрытно от немцев: работали по ночам, чтобы не попасться на глаза немецким лётчикам. Грузовые машины довозили снаряды за 15–20 километров до наших позиций, разгружали, а дальше мы этот груз на своих лошадаках по бездорожью развозили до батарей. Так же подвозили ящики с гранатами, ящики с патронами для пехоты и прочее. Ночью работаем, а днём у костров отдыхаем на еловом лапнике. А лошадей припрячем где-нибудь в ложбине.

Едешь, бывало, по разбомблённой деревеньке. Всё сожжено, а всё равно стараешься где-нибудь хоть пук соломы ухватить, чтобы лошадке потом дать. Едешь мимо колонны, где наши машины или танки стоят, у одного бойца попросишь машинного масла, у другого — тавота, чтобы под хомутом лошадке помазать, — всё ей, бедной, меньше натирает. Где убитые лошади лежат, там уздечку с неё снимешь, там какой ремень или гужи раздобудешь... И всё это в ящичек складываешь, что под седлом, а сам ящичек на замочек, чтобы никто без спросу не залез.

Будешь беспокоиться о лошади — и она тебя не выдаст. Сколько раз она спасала, вывозила из-под обстрела и из окружения. Командир нашего обоза заранее обговаривал маршрут: где загружаться, чем загружаться, куда и какой дорогой везти. Мы, обозники, подчинялись старшине. Это был пожилой мужчина, который до войны работал председателем колхоза где-то на Урале. У него было в подчинении около 100 повозок, которые назывались бричками.

После нашего контрнаступления под Москвой возили в основном снаряды для артиллерии и миномётные мины-крылатки. Грузили на повозки их по 300–400 кг. Обязательно надо

было маскировать свой груз, поскольку немецкие самолёты постоянно охотились за повозками со снарядами. Накладывали сверху соломы, разных кустов и прочее... Зимой наваливали сверху снега.

Зимой было очень трудно: холодно, лошади голодают, поскольку с фуражом было трудно, болеют, гужи рвутся. Когда остановка, то лошадь распрягаешь, хомут с неё снимаешь, смазываешь ей, бедной, натёртые плечи тавотом (солидолом), а сам с её хомутом и упряжью в обнимку спишь у костра, чтобы, не дай Бог, не упёрли что... А если лошадь не распрягать, то плечи у неё не живут и она не отдохнёт, будет слабеть, а потом падёт. Так без лошади и останешься...

Летом проще — заехал в лес и тебя не видно, а зимой всё как на ладони. Был случай: во время погрузки на сани одна подвода взорвалась, а от неё ещё несколько взлетело на воздух — с лошадыми и возницами... Не помню, чтобы мы ночевали где-нибудь в землянках или в блиндажах — всё на открытом воздухе, около костров. Перебрасывали наш обоз с одного места на другое, так что писем не получал и не отсылал. За всю мою войну, а воевал почти полтора года, получил из дома только одно письмо, от сестры, перед новым, 1942-м, годом.

Самое страшное для обозника — это форсирование реки с грузом. Тут только держись! Сапёры делали переправы так: стоит на берегу речки деревня — через пару часов этой деревеньки уже нет, сапёры все избы раскатали по брёвнышку и начали мостить... Только сделали мост и пошёл транспорт по нему — сразу немецкие самолёты налетают, и полетело всё вверх тормашками... Брёвна летят, люди летят с телегами — ужас! Важно было как можно быстрее перебраться на тот берег, замешкался — конец тебе и твоей лошадке. Но меня Бог миловал.

УЧАСТНИК ПАРАДА ПОБЕДЫ

Иван Васильевич Матвеев родился 20 февраля 1924 г. в п. Думиничи. С 14 лет работал на Думиничском чугунолитейном заводе, перед войной стал чертёжником. Во время

И. В. Матвеев. 1970-е гг.

оккупации посёлка был в подполье, потом — в партизанском отряде. В апреле 1942-го призван в действующую армию. За войну получил три ранения и три медали «За отвагу», три ордена: Отечественной войны II степени, ордена Славы II и III степеней.

Весной 1945-го я воевал уже в Курляндии, где, как известно, была окружена крупная немецкая группировка, продержавшаяся до конца войны. Там же, в Курляндии, в мае 1945 года, до нас дошла весть о том, что нашими войсками взят Берлин, а позже сообщили, что немцы подписали акт о капитуляции.

В один из дней прибывает в нашу роту посыльный из штаба: «Товарищ старший сержант! Вас вызывают в политотдел». Кроме меня, вызвали ещё сослуживцев из сержантского и рядового состава. Всех нас заставили заполнить анкету и писать биографию. Я сказал, что написал свою биографию ещё в 1944 году, когда вступал в партию, но в штабе ответили: «Это было давно. Пиши новую». Написал. Выяснилось эта бумажная проверка чуть позже: сказали, что выбирают кандидатов для парада.

Стали готовить наш взвод к параду: каждый день на плацу строевая подготовка. Целый день при любой погоде. Мне было легче, чем другим, переносить эту большую нагрузку, поскольку почти полгода я был курсантом военного училища, где строевая подготовка почиталась, как в старину

Парад Победы на Красной площади 24 июня 1945 г.

«Отче наш». Из всего взвода после проверки в Ригу на сборы послали только двоих.

В Риге формировался сводный полк 1-го Прибалтийского фронта для участия в предстоящем параде Победы, который должен был состояться в Москве на Красной площади.

Но в Риге меня чуть было не списали за промашку при ходьбе в строю. Но потом всё обошлось. И вот наш сводный полк после месячной тренировки приезжает в Москву. Жили мы в палатках в районе завода ЗИС, тренировались вначале на центральном аэродроме, а затем на улицах

Москвы. Трудно было. Раньше в шеренге по двадцать человек никто из нас не ходил. Да ещё под барабанную дробь.

За 10 дней до парада всем участникам была вручена медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

1-й Прибалтийский фронт на Параде Победы 24 июня 1945 г.

и удостоверение с красной обложкой. Номер моей медали — 000168224.

Несмотря на то что утро 24 июня выдалось ненастным и шёл мелкий дождик, настроение у нас было неопишимо радостное. Мы должны были увидеть Сталина, военачальников, которые командовали фронтами.

За несколько минут до 10 часов утра сводные полки заняли отведённые им места на Красной площади. Шелестели знамёна.

— Равнение на середину-у!

Грянул марш 1400-трубного оркестра. И под его звуки на белом коне скачет от Спасской башни маршал Г. К. Жуков, трижды Герой Советского Союза, едет принимать парад. Ему навстречу с рапортом — маршал К. К. Рокоссовский, дважды Герой Советского Союза, командующий парадом.

И вот маршалы подъехали к сводному полку 1-й Прибалтийского фронта. Громкое «ура!» тех, кто героическими усилиями освободил Прибалтику. После короткой речи Г. К. Жукова начался парад сводных полков. Первым на брусчатку вынесли Знамя Победы. Его несли Герои Советского Союза М. А. Егоров и М. В. Кантария.

Мы промаршировали строевым шагом метрах в пятнадцати от Мавзолея, на трибуне которого стояли И. В. Сталин и его соратники. Я не мог, естественно, видеть, когда к подножию Мавзолея были брошены 200 вражеских знамён, в том числе и личный штандарт Гитлера. Но чувство было такое, что ни одна сила в мире не сломит боевой дух нашей непобедимой армии.

«МЕМУАРЫ» СЕРЖАНТА СОЛНЦЕВА

Участник Великой Отечественной войны Василий Николаевич Солнцев родился 9 января 1922 г. в деревне Тиньково под Калугой, в семье героя Первой мировой войны, полного георгиевского кавалера Николая Васильевича Солнцева, репрессированного в 1937 г. По окончании школы Василий поступил в Московский горный институт, но учёбу прервала война, он был призван в действующую армию. На войне получил пять ранений, остался жив.

Весной 1942 года под городом Старая Русса была окружена 16-я немецкая армия. Всеми силами немцы пробивались из мешка. Единственное шоссе Холм — Старая Русса на нашем участке находилось в руках у немцев, и нашей 161-й курсантской бригаде была поставлена задача перекрыть это шоссе. Бригада наша хотя и называлась курсантской, но курсантов в ней я не видал. Самыми молодыми в роте были командир взвода лейтенант Жданов и я, которым только-только исполнилось по 19 лет. В основном были слабо обученные солдаты разных возрастов, собранные с освобождённых от оккупации мест. Поэтому для всех нас война как битва ещё была мало знакома. Судили о ней по рассказам и кинофильмам. Впервые мы почувствовали, что это такое, когда колонной подходили к железнодорожному мосту через реку Ловать. Мост был пристрелян немецкой батареей, и нас накрыли. Сразу не поняли, почему падают люди. Сам упал, думая, что так и надо. Хорошо, что наши солдаты, охранявшие мост, заорали: «Бегите быстрее — всех перебьют!» Ну, мы и рванули к ним в блиндажи. Это была моя первая встреча с настоящей войной.

19 апреля 1942 года наша рота получила приказ атаковать немецкие позиции и перекрыть шоссе. В это время был пик весеннего разлива рек. Места там низменные, залитые водой. Транспорт — лошадки, шлёпающие по брюху в воде и в грязи с вьюками, которые подвозили патроны и гранаты. Иногда прилетит наш самолёт У-2 и сбросит два мешка с сухарями. Об артиллерии, которая должна была помочь атакующим, слова не было. Нечем! Всё застряло где-то в тылу, в болотах. Но приказ есть приказ. Надо выполнять. Осторожно, незаметно, прикрываясь за стволами деревьев, за кустарником, наша рота вышла к дороге. Теперь нужно проскочить два десятка метров в кювет — рубеж атаки называется. Приготовились, по сигналу сыпанули, как воробы. Немцы не сразу поняли, что происходит, и, пока заработали их пулемёты, мы уже были на месте и без потерь.

Что тут началось! Шквал пуль, взрывы мин и снарядов. Визг, свист,

В. Н. Солнцев. 1945 г.

шлёпанье осколков по сырой земле. Мысль, что если поднять голову, то от головы ничего не останется. Впечатление — сплошной поток железа над головой. И в такой обстановке нужно не только подняться, но и добежать до немецких траншей.

Но на войне часто невозможное становится возможным. Где-то сзади командир роты кричит: «Вперёд!» Никто не поднимается. Опять: «Вперёд... мать-перемать!» — молчание. Вдруг лейтенант Жданов (навек запомнил его фамилию) крикнул: «За мной!» — и все, как один, с криком «ура» рванули через шоссе к немцам.

До немецких траншей я не добежал: ранило в ногу выше колена и чуть ниже таза. Упал. Смотрю, лежат убитые, ползают раненые, ища какую-нибудь ямку, чтобы укрыться... Но многие добежали и до немцев, которые не любили рукопашного боя и удрали в запасные траншеи. Утихло. На четвереньках добрался до санитаров, которые перевязали и показали телефонный провод, уходящий к палаткам медсанбата. По этому проводу и доковылял при помощи подобранный сука подходящей длины до санитарных палаток. Боже, что там творилось! Кругом лежат тяжелораненые, какие на носилках, какие на земле. Стон, плач, мат-перемат... Вышел врач с окровавленными до локтей руками, видимо, хирург. Сказал: «Ребята! Кто может ходить, идите по этому проводу до штаба бригады.

Ремонт танка. Худ. Г. Прокопийский

Там вас эвакуируют!» Мы и пошли, видим же, что тут не до нас. Через двести метров я, конечно, отстал, а через километр выдохся. Как добирался до эвакуопункта — это целая эпопея. Без дороги, по болотам. В общем, только на девятые сутки я попал на эвакуопункт в город Крестцы.

Казалось бы, парадокс. За время войны и замерзали в снегу, и плавали в ледяной воде, и мокли под холодным осенним дождём сутками, но ни насморка, ни зубы ни у кого не болели... От недоедания — да, болели. У некоторых была куриная слепота, у других — дистрофия. Один даже умер — молодой парнишка. Лёг на землю и умер. А голода мы хватили в феврале 1943 года, когда, разгрузившись в городе Ельце, двигались своим ходом по бездорожью через Ливны в район современного города Железнодорожск — в посёлок Михайловка. Двести пятьдесят километров по глубокому снегу. Зима в том году была многоснежной с сильными метелями. По дорогам не проходили ни машины, ни танки, и даже лошади вязли по брюхо и останавливались на полдороге. Всё способное держать в руках лопату население было мобилизовано на расчистку дорог, но метели дуют и всё выравнивают. Двигались пешком, приспособив пушки и миномёты на лыжи.

Лямки изготавливали из солдатских обмоток. Двигались по ночам от темна до темна, сколько можно пройти за ночь. Естественно, все тылы отстали в первый же день и кормились чем Бог послал, то есть кто что смог уворовать у разорённого населения, только что освобождённого от немцев. Нечего греха таить, и я воровал. К утру так вымотаешься под лямкой, так хочется лечь в снег и заснуть, что некоторые так и делали. Но понимал, что так долго не продержишься, через силу спешишь по деревенским погребам и что-нибудь найдёшь съестного. В основном картошку. За время похода один раз прилетел самолёт и сбросил несколько мешков муки. Двигалась-то целая дивизия, тысяча голодных солдат. Раздали по пригоршни муки, и тут же на сапёрных лопатках, на которых пекли себе блины, мгновенно всё съели. Масленица своего рода. К концу похода многие ослабли и не могли идти. Некоторые заболели куриной слепотой и в сумерках ничего не видели. Другие так отощали, что еле передвигали ноги. Этот переход длился с 23 февраля по 3 марта, а 7 марта, чуть отдохнув, перешли в наступление.

Боеприпасов было мало, и атаки, как правило, захлёбывались. Израсходовав весь запас мин, миномётчики воевали как стрелки. Деревни

переходили то к нам, то немцы снова их отбивали. Солдаты проявили исключительную выносливость. Легче переносили тяготы ребята из крестьян, привыкшие с детства к физическим нагрузкам, и городские, которые занимались спортом: лыжами, футболом, плаванием, то есть те, кто привык к нагрузкам. Остальных пришлось отправлять по госпиталям.

Наступление наше закончилось ничем. Правда, немцев потрепали изрядно, но и у самих требовалось пополнение, как людьми, так и техникой и боеприпасами. Сказалось отсутствие артиллерии и танков. В начале апреля части дивизии были выведены из боёв и переведены на второй армейский рубеж в район шоссе Орёл — Курск, где мы вели работы по укреплению оборонительной линии. Выходя из района боёв в апреле 1943 года, мы все были в зимнем обмундировании. Грязь, распутица, а мы в валенках. Наконец выдали новое летнее обмундирование, на ногах появились новые сапоги.

Каждый день, как только рассветало, начинался бой. Шум и грохот стояли такие, что при разговоре приходилось орать. В блиндажах и траншеях земля ходила ходуном, но стоило стемнеть, как наступала тишина. Сначала казалось — мёртвая. Но вот слышится звяканье котелка или топот сапог, где-то лошадь заржала... В темноте перед нашими окопами малиновым пламенем горят немецкие танки. Первым делом надо напиться воды, а потом поужинать. Кормили в основном американскими консервами и рисовой кашей. Ежедневно старшина выдавал каждому по 100 грамм водки. Некоторые из солдат сговаривались: ты сегодня мою порцию пьёшь, а завтра я твою. Получалось. Потерь было немного. В нашей роте из 66 человек за неделю — с 6 по 12 июля, когда были самые напряжённые бои, погиб один человек и один был контужен. Так что иногда и трое договаривались. Больше старшина не разрешал.

Хуже всего было со сном. Ночь короткая. Только заснёшь, и уже начинается грохот. Тут не до сна. Не зевай — поглядывай. Донимали

мышы. Спать в сапогах для солдата — последнее дело. Ноги должны отдохнуть. Но мыши очень любили залезать в наши солдатские сапоги. Не очень приятно — сунул утром ногу в сапог, а там что-то шевелится. Не раз кто-нибудь с утра поминал мать, сгибая на одной ноге.

На фронте солдат круглые сутки в напряжении. Даже когда спит, постоянно сквозь сон прислушивается. Всякие неожиданности бывают. Чаще всего ночной артиллерийский налёт. Поэтому первым делом на новом месте — закопаться в землю. Под обстрелом начинаешь копать лёжа, потом на коленях, а уж потом, когда снял три штыка, чувствуешь себя в безопасности. Пехоту выручала малая сапёрная лопата, а вот артиллеристам и миномётчикам нужно было не только самому окопаться, но и оборудовать огневую позицию, где земли нужно выкопать в пять раз больше. Для этого каждый расчёт имел большие лопаты, как правило, немецкие, качество которых было намного выше. Имелась обязательно двуручная пила и топор, часто не один. Всё это хранилось у ездовых в повозках. Машин почти всю войну было мало, и основной тягловой силой были лошади.

Зимой, выкопав щель (обычно на двоих), из ближайшего леса напилем двухметровых поленьев, настилаем накат, закрываем соломой, роем отдушину для печурки, а если её нет, то нишу в стене. Выбиваем дно у снарядного ящика или у ящика из-под мин, устанавливаем в виде двери и плотно засыпаем землёй. Вот жильё и готово. Чтобы нагреть какие-то три кубометра воздуха, достаточно разжечь в нише щепки от того же ящика. Тепло и сон обеспечены. Самые деловые имели маленькую жестяную печурку. С такой печуркой можно было оборудовать землянки на весь расчёт. Но это если находишься в обороне и знаешь, что на этом месте будешь находиться неделю или больше.

В полдень, да ещё в жару, не дай Бог снять сапоги. Обратное уже не наденешь. Нога распухает и в сапог не влезает. Придётся дальше топтать в портянках. Босиком

Миномётный расчёт младшего командира Жилинского. Худ. А. Горпенко

невозможно. Ноги так чувствительны, что каждый камешек, каждый сучок кажется шилом, втыкающимся в подошву. Сапоги, правда, носили, кроме офицеров, только артиллеристы и миномётчики (правда, не все), остальные ботинки, но результат был одинаков.

Оборонительные рубежи немцы устраивали и на других, более мелких речках, но там задержка была на 2–3 дня. Артиллерии было в достатке, подвоз боеприпасов налажен, и пехота шла веселее, и потерь было немного. Командиры уже научились воевать, и за излишние потери стали спрашивать. Уже никто не решался посылать солдат в атаку, не подавив огневые точки противника.

Немца как противника мы уважали. Умели воевать. Готовились тщательно. Отпор давали чувствительный. Уважали финнов за умение воевать в лесу в одиночку. Выберет финский снайпер в лесочке перекрёсток дорог, замаскируется на сосне или ели и щёлкает всех проходящих. Мы их называли «кукушками». Замаскируется так, что ни в бинокль, ни в стереотрубу не обнаружишь. В основном попадали связные и телефонисты, проверяющие линию. И близко не подойдёшь. Воевали они обычно мелкими группами.

Румын, венгров, итальянцев как вояк мы презирали — не выдерживали и среднего боя. Хотя, по правде сказать, и вооружение у них было

намного слабее, чем у немцев. Но упорнее всех сопротивлялись власовцы. Это и понятно: куда им сдаваться? В плен сдаваться бесполезно. Если сразу не убьют, то в лагерях достанут. Поэтому бились до последнего. Мы не любили с ними встречаться, а уж если пришлось, то выколачивали пушками и миномётами, пока совсем не замолкнут.

Это сейчас кажется, что двигались на запад по 30 км в день. На самом деле каждый день бой. То полегче, что упорный, а то и несколько дней подряд. В сентябре мне пришлось участвовать второй раз в атаке. Правда, не непосредственно, а корректировать огонь миномётов своей батареи, и шёл я вместе с командиром роты. Не шли, а мелкими перебежками догоняли атакующих, не отпуская их дальше 50 метров. Атакующие продвигаются быстро и, заняв первые траншеи, стараются тут же ворваться в следующие. Моя задача была следить, чтобы батарея не накрыла их и вовремя перенесла огонь дальше. Таким же образом и другие батареи вели связь со своими наблюдателями. Связь тогда была только телефонным проводом. У меня аппарат и шомпол от винтовки для заземления, у телефониста — катушка с проводом. Конечно, так же пули вжикают, рвутся снаряды и мины, но никакого сравнения с первым разом. Там был ад, а тут просто определённый риск. ❏

8 мая, накануне празднования 75-й годовщины Великой Победы, в сквере имени Маршала Г. К. Жукова глава региона Владислав Валерьевич Шапша и руководитель областного центра Дмитрий Александрович Денисов открыли Аллею Героев.

Мемориал появился в Калуге по инициативе жителей города. В настоящее время при содействии Российского военно-исторического общества на центральной аллее сквера установлены бюсты восьми калужан, удостоенных высокого звания Героя Советского Союза годы Великой Отечественной войны.

Мемориальный комплекс создавался в несколько этапов. Собственно, открытие сквера состоялось 8 мая 2018 года. Тогда же на специальных стендах были размещены фотопортреты более 200 калужан — Героев Советского Союза, России и полных кавалеров ордена Славы.

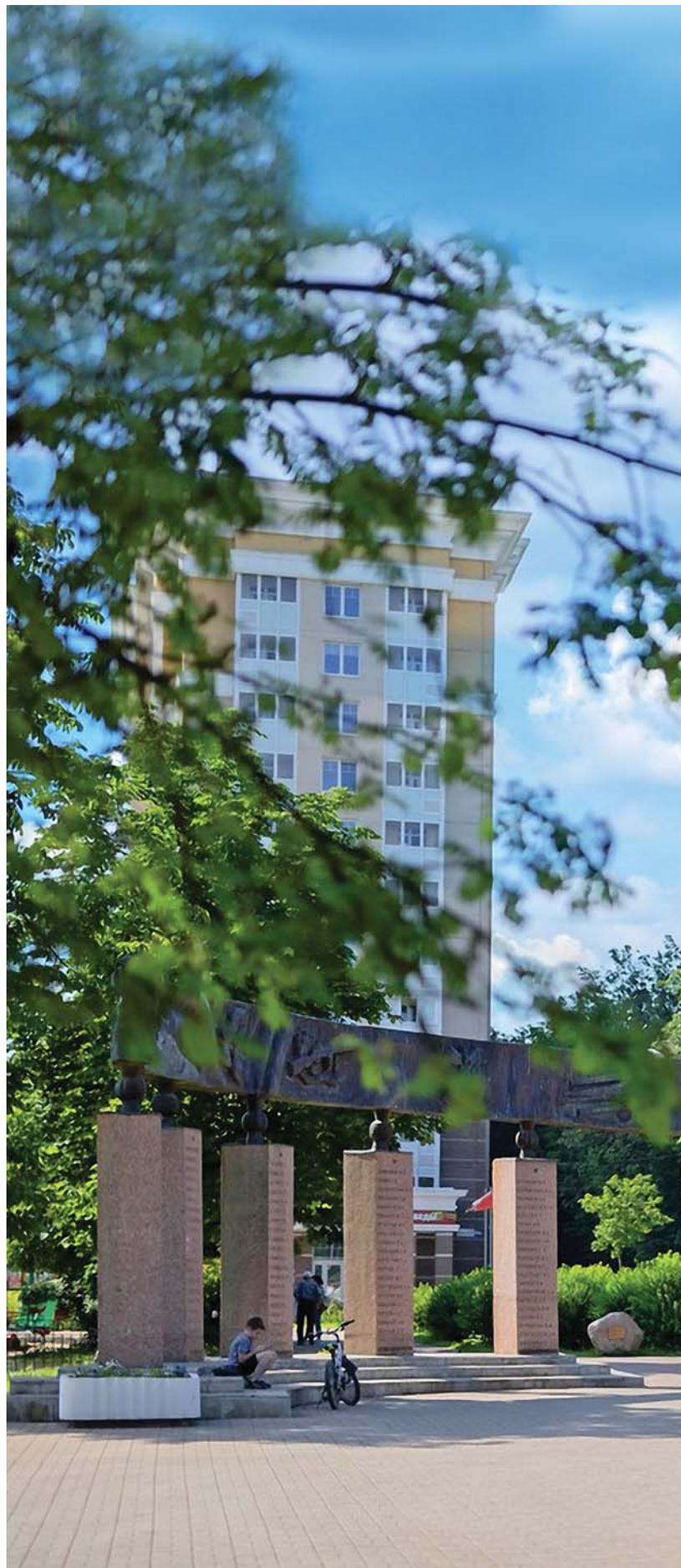
Постепенно, в течение двух лет, территория сквера обустроивалась, композиционно дорабатывалась: появились скамьи с мемориальной символикой, ограждения, освещение, были высажены кусты и цветы. Эта благородная и значимая акция стала весомым вкладом в дело сохранения памяти о бессмертном народном подвиге.

В настоящее время, с появлением восьми бюстов героев-калужан, сквер имени Маршала Победы приобрёл свой законченный вид. Столичный скульптор Денис Стретович создавал скульптуры по сохранившимся фотографиям военного времени. На каждом постаменте выбито имя героя и цитаты из приказов о присвоении высокого звания. Постаменты изготовлены по проекту Российского военно-исторического общества, облицованы гранитными плитами с гравировкой, заполненной золотой краской.

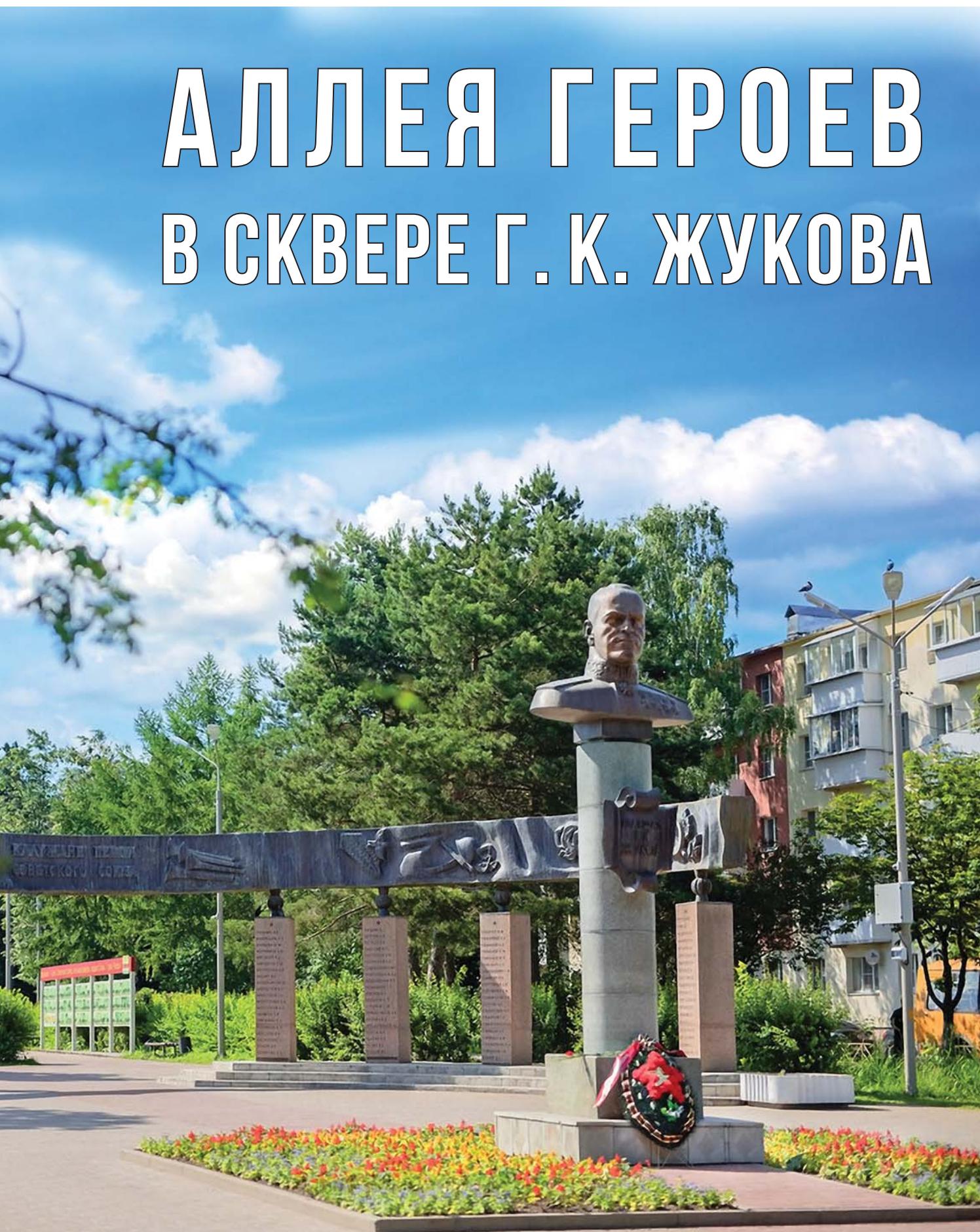
Главный архитектор Калуги Алексей Комов, приложивший немало усилий к созданию мемориала, пояснил значение «маршальского» сквера следующей фразой: «Это особенно полезно и интересно для подрастающего поколения. Здесь можно проводить не только экскурсии, но и патриотическую, просветительскую работу».

Нет в России семьи такой,
Где б не памятен был свой герой.
И глаза молодых солдат
С фотографий увядших глядят...
Этот взгляд — словно высший суд
Для ребят, что сейчас растут, —

строки знаменитой песни из фильма «Офицеры» неизменно вспоминаются на Аллее Героев, у стендов с фотопортретами и бюстов, когда маленькие калужане, будущие патриоты России, рассматривают их и читают славные имена воинов-победителей. 🇷🇺

АЛЛЕЯ ГЕРОЕВ В СКВЕРЕ Г. К. ЖУКОВА

МУЗЕЙ МАРШАЛА ПОБЕДЫ

Военно-исторический центр «Маршал Победы — Георгий Константинович Жуков», созданный по инициативе Комитета Памяти Маршала Советского Союза Г. К. Жукова и непосредственно его председателя Николая Ивановича Алмазова, расположился на улице, носящей имя полководца. Он небольшой, всего двести квадратных метров, и занимает первый этаж жилого комплекса «Маршал». Площади под размещение центра безвозмездно выделены строительной компанией ООО «ПИК».

Авторы экспозиции сделали акцент на самом долгожданном моменте войны: подписании Г. К. Жуковым как представителем Верховного Главнокомандования Акта безоговорочной капитуляции Германии.

Музейная экспозиция представляет берлинскую квартиру мая 1945 года. Детали разрушенной мирной жизни, манекены солдат вермахта и Красной

армии, пролом в стене... В музее представлена и объёмная панорама битвы за Берлин. Интерактивные панели рассказывают о штурме Зееловских высот и уличных боях. В экспозиции можно увидеть многочисленные фотоматериалы и документы, подписанные полководцем.

Официальное открытие военно-исторического центра состоялось 8 мая, накануне общенародного праздника. «Мы сегодня открыли замечательный музей нашего великого земляка, маршала Победы, легендарного человека, который родился здесь и всегда помнил о Калужской земле, как о своей Родине. Этому есть масса подтверждений. Труд и забота, с которыми сделан этот музей, — говорят о многом. Такой центр, появившийся в Калуге, — предмет настоящей гордости. Мы помним свой генетический код, код народа-победителя, дух людей, которые

не боятся никаких трудностей, защищая свою Родину, идут вперёд и побеждают», — сказал присутствовавший на торжестве глава региона Владислав Валерьевич Шапша.

Во время знакомства с экспозицией прозвучал рассказ о последней операции Великой Отечественной войны, положившей конец нацистскому режиму. Благодаря полководческому таланту Жукова, подвигу шедших в решающий бой командиров и солдат, удалось блестяще провести Берлинскую операцию и водрузить над Рейхстагом Знамя Победы.

Значимость открытия Военно-исторического центра Маршала Победы для Калужской области очень велика. Посетители нового интерактивного музея смогут прикоснуться к героическим страницам военной истории XX века, острее осознать бессмертный подвиг народа, спасшего мир от нацизма. ■■

ГЛАГОЛЕВ И ПУХОВ — МОЛОДОСТЬ ГЕНЕРАЛОВ

Наталья Зиновкина,

заместитель директора Государственного архива Калужской области

В год 75-летия Победы, Год памяти и славы в Государственном архиве Калужской области (ГАКО) подготовлена выставка «Школьные годы полководцев», посвящённая юности Героев Советского Союза Николая Павловича Пухова и Василия Васильевича Глаголева. На самом деле их военные биографии захватывающе интересны, оба наших земляка много сделали для укрепления боевой мощи родины. Но хранящиеся в ГАКО документы не позволяют рассказать о них как о полководцах. Зато наши документы дают возможность рассмотреть один из самых важных этапов в жизни — время становления.

2020 год для Н. П. Пухова и В. В. Глаголева оказался юбилейным: Пухов родился 12 января (ст. ст.) 1895 года, и у него, таким образом, 125-тилетний юбилей, Глаголев — 21 февраля (ст. ст.) 1900-го, и ему исполнилось 120 лет. Кроме того, оба наших героя среднее образование получали в учебных заведениях Калуги: Пухов в 1915 году окончил Калужскую духовную семинарию, Глаголев в 1916 году выбыл из 5 класса Калужского реального училища. Кроме того, наши герои учились в Калуге в одно время, формировались в более или менее схожей атмосфере.

Так, на первый взгляд, в механическом объединении биографий двух абсолютно разных людей зримо прочертились интересные параллели. При этом факт, что они оба калужане — Глаголев родился в Калуге, Пухов в с. Гришове, Людемске тож, Перемышльского уезда (ныне Бабынинского района) — не самый показательный.

Очень важно, что детство обоих не предвещало военной карьеры: и Пухов, и Глаголев происходили «из духовного звания», только отец Н. П. Пухова был приходским диаконом, а отец В. В. Глаголева покинул духовное сословие и служил по врачебному ведомству. Мы, наверное, не сможем точно установить, что же именно заставило будущих полководцев выбрать, обдумывая жизнь, именно армейскую службу. Но вряд ли можно отрицать, что важную роль в выборе сыграло и сиротство обоих (отец Пухова умер, когда Николаю было 14 лет, отец Глаголева скончался, когда Василию только исполнилось 12 лет), и Первая мировая война.

Оба наших земляка — Герои Советского Союза, оба получили это звание в 1943 году: Пухов, командующий 13-й армией, 16 октября за форсирование р. Днепр севернее Киева, Глаголев (он тогда командовал 46-й армией) — 1 ноября за форсирование р. Днепр и овладение Днепропетровском.

И Пухов, и Глаголев закончили военную карьеру в звании генерал-полковника.

После Великой Отечественной войны Н. П. Пухов командовал войсками Одесского, Северо-Кавказского, Западно-Сибирского, Сибирского военных округов, умер в 1958 году в должности главного военного советника при министре Вооружённых сил Румынской Народной Республики, похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

В. В. Глаголев занимал ответственные посты в Министерстве обороны страны, в 1946–1947 годах командовал Воздушно-десантными войсками СССР. Скоропостижно скончался в 1947 году, похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Подробно рассказать о становлении будущих полководцев по документам ГАКО не получится, но некоторые полезные наблюдения сделать возможно.

Конечно, точно утверждать, как именно учебное заведение повлияло на ум и характер будущих полководцев, мы не можем. Но некий «след» вполне заметен, особенно это касается Н. П. Пухова. Из документов ГАКО мы можем узнать, как учились и как себя вели юноши. Чтобы понять чувства, мысли, нужны воспоминания. Ни Пухов, ни Глаголев воспоминаний о своей юности не оставили. Вообще об учебных заведениях, которые они окончили, мы знаем досадно мало. Не об истории конкретного училища, а о том, что это такое. Семинарию читающие граждане представляют себе по «Вию» Гоголя и «Очеркам бурсы» Помяловского, а реальное училище — в лучшем случае по «Путешествию Глеба» Б. Зайцева. Но Гоголь и Помяловский писали о дореформенной семинарии. Поэтому так ценны свидетельства очевидцев. И в случае с Пуховым нам, можно сказать, повезло.

Вообще, генерал из духовной семинарии — случай не уникальный. Вспомним, что верховный главнокомандующий И. В. Сталин тоже обучался в семинарии. Четыре класса Костромской духовной семинарии окончил Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский, соученик Пухова по командным курсам «Выстрел», оставивший воспоминания «Дело всей жизни», где скупо пишет об учёбе в семинарии. Для партийного архива Калужской области маршал написал воспоминания «В память о дорогом Николае Павловиче Пухове», опубликованные в 2020 году в сборнике документов, посвящённом генерал-полковнику. Возможно, дружеские отношения Пухова и Василевского объяснялись в том числе и тем, что оба они выходцы их семинарии. «...У меня лично очень быстро установилась особо крепкая, прочная дружба именно с Николаем Павловичем Пуховым, несмотря на его малоразговорчивость, суховатость, угрюмость... Фактически он оказался образованным, культурным, прекрасной души и характера человеком. Нередко мы любили, бывало, вдвоём, иногда часами, беседовать по вопросам постановки боевой подготовки в армии в целом, на наших курсах, о работе наших военных училищ, готовящих для полков военные кадры, и по другим, а вопросов для этих бесед хватало. Чаще всего с ним

проводил я и часы отдыха, прогуливаясь и изучая родную столицу, посещая кинотеатры, театры и цирк».

Характеризуя Пухова-командира, Василевский пишет: «Скромный в жизни и в работе, Пухов на протяжении всей своей службы был исключительно внимательным, чутким и тактичным в обращении с подчинёнными и в то же время всегда строгим и требовательным к себе и подчинённым военачальникам, любящим солдата и офицера и неизменно заботливым о них. Будучи учителем до военной службы, Николай Павлович и в армии очень серьёзно занимался проблемами воспитания подчинённых и являлся поистине искусным методистом в этом деле».

Учитель до военной службы — это про службу после окончания духовной семинарии в Тимофеевской земской школе Перемышльского уезда и Плохинском высшем начальном училище Жиздринского уезда. На учительской службе Пухов пробыл очень недолго, а к роли пастыря готовился на протяжении 10 лет сначала в Калужском духовном училище, затем в Калужской духовной семинарии.

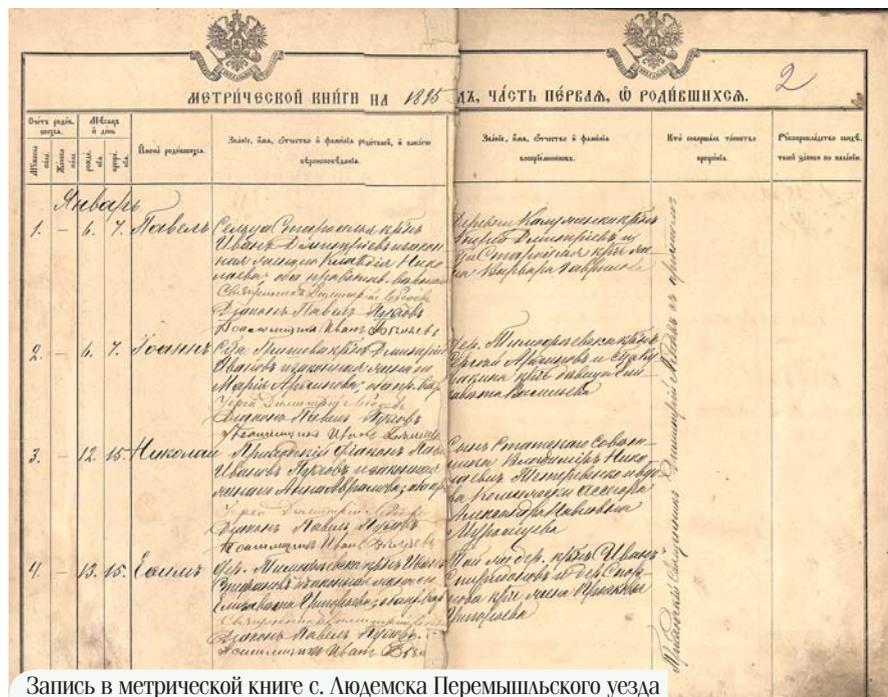
Николай Павлович Пухов родился 12 января (ст. ст.) 1895 года в с. Гришово, Людемске тож, Перемышльского уезда. Его отец Павел Иванович Пухов долгое время служил в сельских школах Калужской губернии, затем был рукоположён в сан диакона и умер диаконом Николаевской церкви с. Гришово Перемышльского уезда.

Н. П. Пухов

В 1905 году Николай Пухов поступил в Калужское духовное училище, в котором продемонстрировал очень хорошие успехи, скромность и прилежание. В 1909 году он был зачислен в Калужскую духовную семинарию.

Учёба в семинарии — это не только подготовка уроков. Во внеурочное время семинаристы совершали паломнические поездки по святым местам Калужской губернии и России, например, в Киево-Печерскую лавру. У нас нет сведений, что Николай Пухов принимал участие в таких поездках. Это неудивительно: за поездку надо было вносить плату,

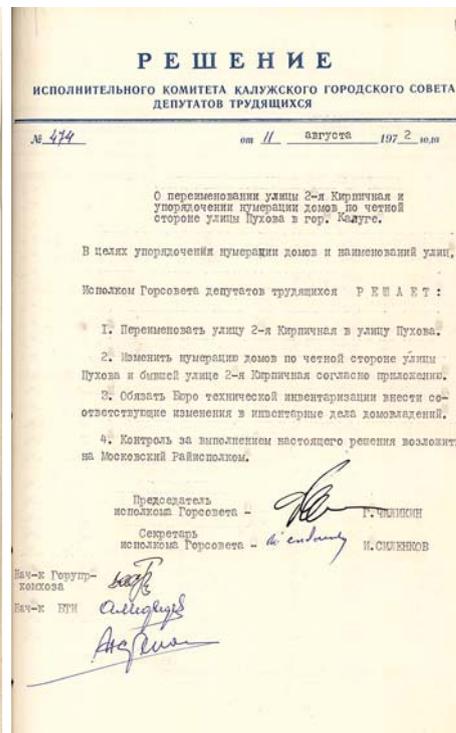
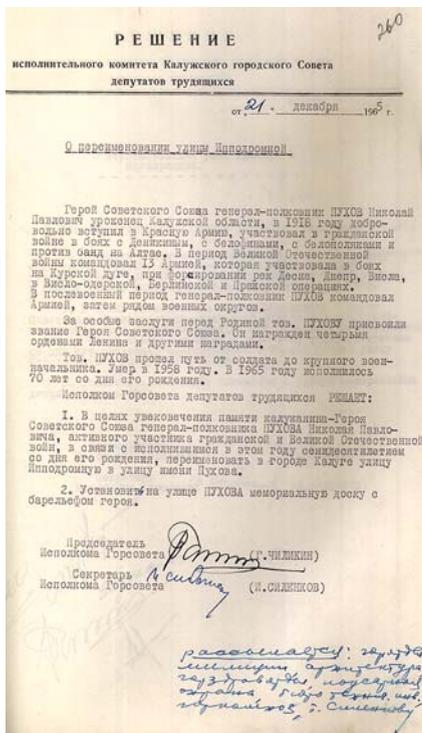

Запись в метрической книге с. Людемска Перемышльского уезда о рождении Н. П. Пухова 12 января 1895 г.

Н. П. Пухов в Ровно. 1945 г.

Он, чтобы зарабатывать на жизнь, служит в учреждениях народного образования. Но уже с 1 декабря 1915 года его зачисляют в Киевскую духовную академию. Вероятно, первый ученик не явился вовремя к зачислению, и место занял Пухов.

Учёба в академии не задалась. Шла Первая мировая война, в сентябре 1915 года возникла угроза оккупации Киева. В этих условиях академию то предполагали эвакуировать в Казань, то занятия возобновлялись в Киеве. Город, занятый воинскими частями, очень плохо приспособлен для академических занятий, ибо воинские части как правило бывают расквартированы в учебных зданиях. В марте 1916 года учебный год в Киевской духовной академии закончился. Следующее, что мы знаем о Николае Павловиче Пухове, — он призван на военную службу, окончил школу прапорщиков и отправлен на фронт. С 1916 года жизнь Н. П. Пухова навсегда связана с армией.

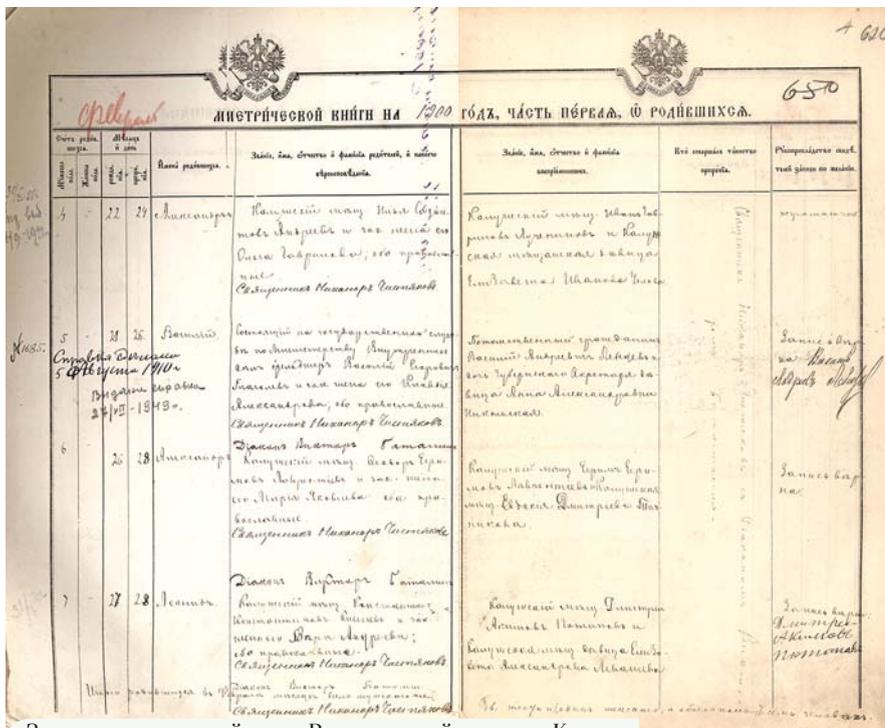
Можем утверждать, что духовное образование сформировало в будущем генерал-полковнике интерес к воспитанию, а также дало хорошие гуманитарные знания, которыми Пухов поражал знавших его.

Генерал из реального училища — тоже не редкий случай, хотя и не обычный. Самый знаменитый выпускник реального училища — генерал-полковник авиации, Герой Советского Союза

Михаил Михайлович Громов. В его воспоминаниях «На земле и в небе» довольно подробно описана учёба в реальном училище Воскресенского в Москве. И это очень хорошо, потому что рассказать об учёбе Глаголева в Калужском реальном училище мы можем только по официальным документам училища. Воспоминаний Василия Васильевич не оставил, и нет в нашем распоряжении воспоминаний знавших его в юности. Всё, что

мы знаем о детстве и ранней юности будущего полководца, мы знаем их документов Государственного архива Калужской области.

В. В. Глаголев родился 21 февраля 1900 года в семье «состоящего на государственной службе по Министерству внутренних дел фельдшера Василия Егоровича Глаголева и законной жены его Клавдии Александровны» и был крещён в Васильевской церкви г. Калуги.

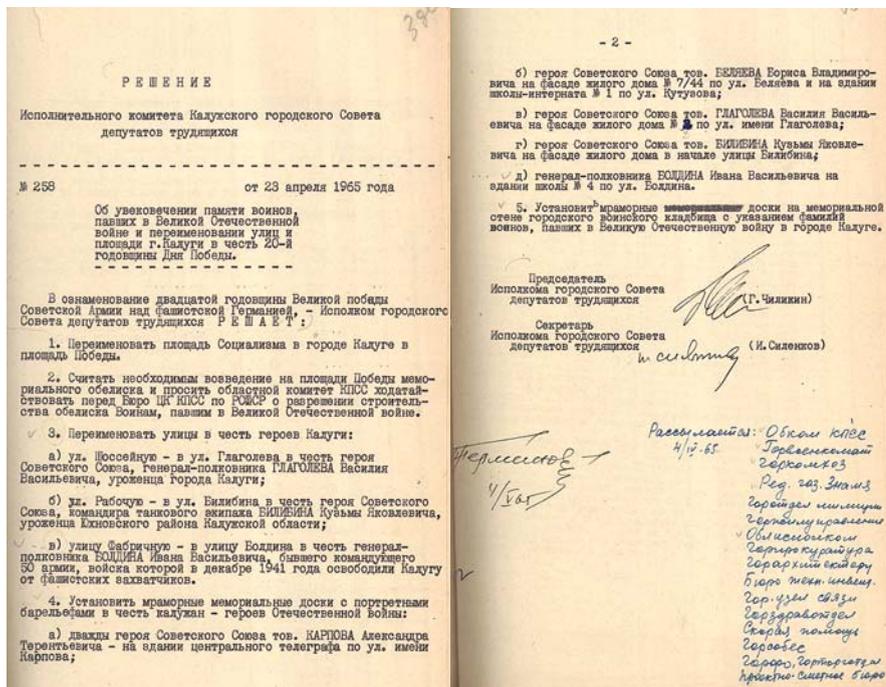

Запись в метрической книге Воскресенской церкви г. Калуги о рождении В. В. Глаголева 21 февраля 1900 г.

В. В. Глаголев. 1946 г.

казённое реальное училище. В Списке державших приёмные испытания в реальное училище в 1912 году указано, что обучался он в частной школе. Экзамены были сданы успешно (закон божий 4; русский язык 4; арифметика 5), и Василий был зачислен в первый класс училища.

В младших классах Глаголев учился хорошо, в первом классе по успехам был 4-м (из 39 учеников), во втором — 9-м (из 45 учеников), поведением отличался примерным, уроки пропускал только по уважительной причине. В четвёртом классе отметки становятся хуже, по итогам 1915/16 учебного года Глаголев 32-й в классе из 35 учеников, пропускает много уроков по уважительной причине (170 за год), имея при этом пятёрку по поведению.

Как и Пухов, Глаголев не мог себе позволить учиться плохо: во всё время обучения он либо был освобождён от платы за обучение, либо ему выдавалось пособие в 10 рублей из специальных средств училища. Выдача денег была бы совершенно невозможна, будь ученик двоечником и хулиганом. Кроме того, Московская экспедиция Собственной его императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии с 1 января 1914 года назначила К. А. Глаголевой на воспитание сына Василия пособие в размере 90 рублей в год.

12 мая 1916 года Глаголев Василий, ученик 4-го параллельного

класса, переведён в 5 класс. Но уже 12 декабря 1916 года педагогический совет училища слушает «прошение Глаголевой о выдаче её сыну, ученику 5 кл., Глаголеву Василию, свидетельства за 4 класса и аттестата на право вступить вольноопределяющимся 2-го разряда». Педагогический совет постановил выдать Глаголеву Василию свидетельство за 4 класса и аттестат на вольноопределяющегося 2-го разряда.

Таким образом, В. В. Глаголев вышел из Калужского казённого реального училища в декабре 1916 года для поступления вольноопределяющимся в действующую армию. При этом в отчёте об опеке, представленном К. А. Глаголевой в сиротский суд

18 февраля 1917 года, сообщается: «...дети мои Василий и Юлия живы и здоровы и в данное время находятся при мне. Василий поступает добровольцем в действующую армию». С этого времени Глаголев служит сначала в российской императорской армии, с которой участвует в Первой мировой войне, а затем в Красной армии и Советской армии, участвует в Гражданской и Великой Отечественной войнах.

Память о наших земляках в Калуге сохраняется: улицы города названы именами Героев Советского Союза В. В. Глаголева и Н. П. Пухова.

Но напомнить о героях никогда нелишне, тем более в Год памяти и славы. ■

Мемориальная доска о наименовании ул. Пухова

Мемориальная доска, посвящённая В. В. Глаголеву

Боевое Красное знамя в собрании Калужского объединённого музея- заповедника

Вячеслав Бессонов,
хранитель Калужского объединённого музея-заповедника

Музеи хранят большое число предметов, в том числе мемориальных, связанных с Великой Отечественной войной. До сегодняшнего дня эти немые свидетели событий рассказывают нам о той героической эпохе. Поэтому важной задачей исследователя является раскрытие легенд этих предметов, чтобы они смогли рассказать о том, чему были свидетелями. Среди таких уникальных и загадочных предметов, хранящихся в фондах Калужского объединённого музея-заповедника, особое место занимает Боевое Красное знамя. Оно появилось в музее 9 октября 1962 года, о чём 16 октября была сделана соответствующая запись в книге поступлений. Из неё следует, что знамя относится к периоду Великой Отечественной войны и предположительно принадлежало части ополчения. Эта догадка была высказана исходя из того, что на знамени отсутствовало название части. В книге поступлений также указывалось, что оно было найдено в районе Зайцевой Горы Мосальского района 12 сентября 1962 года экскаваторщиком Калужовского торфопредприятия М. И. Шевченко. По сведениям работавших тогда сотрудников музея, экскаваторщик обнаружил знамя спрятанным в гильзе от снаряда.

Данный музейный предмет представляет собой Красное знамя образца 1926/1938 годов. Этот образец был введён положением ЦИК и СНК СССР «О революционных красных знамёнах частей Рабоче-крестьянской Красной армии» от 11 июня 1926 года. Непосредственно описание знамени было утверждено лишь 3 февраля 1927 года, когда Революционный военный совет СССР издал «Инструкцию по применению постановления ЦИК и СНК СССР

о революционных красных знамёнах частей Рабоче-крестьянской Красной армии». Так, революционное красное знамя представляло собой двустороннее полотнище, изготавливаемое из красного шёлкового репса. На лицевой стороне в центре помещался герб СССР, над которым полукругом располагался лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Под гербом помещалось наименование части. В левом верхнем углу находилась красноармейская звезда. На обратной стороне в центре

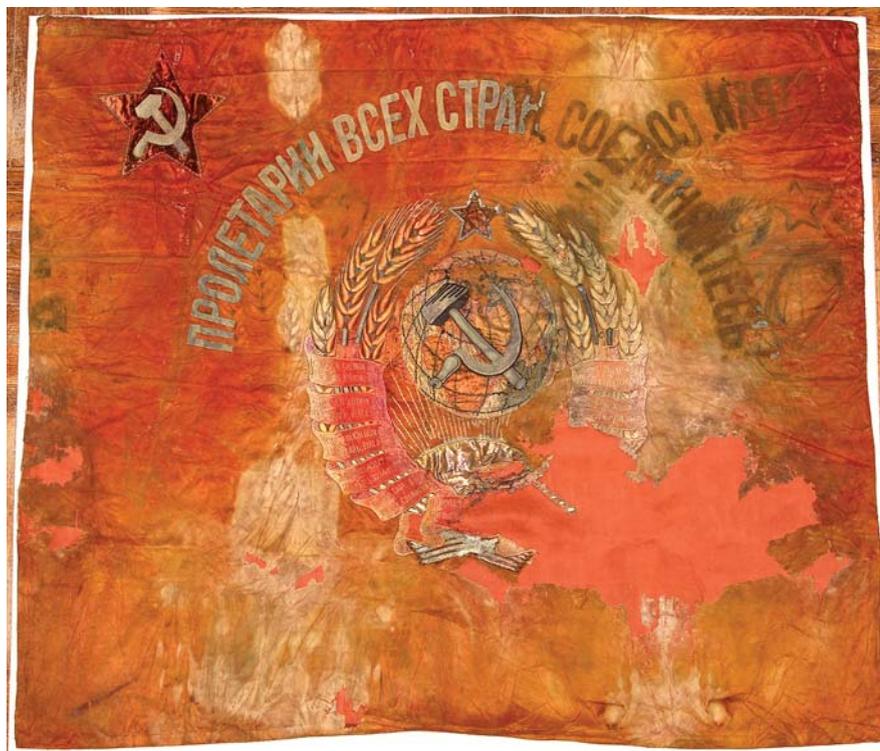
располагалась красная звезда с серпом и молотом, сделанная в виде аппликации. Над звездой помещалась полукругом надпись: «Ц.И.К.», а под звездой находилась надпись: «С.С.С.Р.»

Вследствие того что в 1936 году была принята новая Конституция СССР, произошло изменение наименования высшего исполнительного органа: ЦИК был заменён на Верховный Совет. В то же время с провозглашением новых республик изменился и герб СССР. Всё это привело к тому, что символика

на знамёнах стала устаревшей. Изменения образца войсковых знамён были проведены только в 1938 году, когда была издана «Инструкция о знамёнах частей Рабоче-крестьянской Красной армии». Согласно этому документу, надпись «Ц.И.К.» на обратной стороне знамени была заменена надписью «Верховный Совет».

Боевое Красное знамя, хранящееся в фондах Калужского объединённого музея-заповедника, отличается от вышеприведённого образца лишь тем, что на нём отсутствует наименование части. Высказанное сотрудниками музея предположение о его принадлежности части ополчения оказалось неверным, так как ополченческие формирования имели особый образец Красного знамени. Он был утверждён принятием постановления бюро МГК ВКП(б) от 17 июля 1941 года «Об учреждении боевых знамён для частей народного ополчения». Этот документ устанавливал наличие боевых знамён в полках и дивизиях ополчения с целью «укрепления воинской дисциплины и поднятия боевого духа бойцов и командиров». Вручались ополченческие знамёна отделом кадров и отделом пропаганды МГК ВКП(б) совместно с первыми секретарями РК ВКП(б) «в день принятия частями воинской присяги». Анализируя сохранившиеся до наших дней боевые знамёна ополченческих частей, можно сделать вывод, что большая часть из них близка революционным красным знамёнам образца 1926/1938 годов. Но знамёна ополчений отличались тем, что на их лицевой стороне находилась ещё одна надпись: «от МГК ВКП(б)» или «от (определённого) РК ВКП(б)», расположенная над гербом СССР, а также отсутствием в левом верхнем углу красноармейской звезды.

Тем не менее данный музейный предмет действительно является боевым Красным знаменем, так как известны случаи, когда в связи с началом Великой Отечественной

Боевое Красное знамя из фондов Калужского объединённого музея-заповедника.

Перед реставрацией (консервацией) знамени было демонтировано на два полотнища и продезинфицировано (оба полотнища). На стороне с гербом устранена деформация по краям утрат, проведено нашивание краев сквозных утрат на тонированный газ. Под всё полотнище подведена укрепляющая тонированная ткань, которая выравнивает цвет знамени в местах утрат и позволяет безопасное экспонирование. Требуются дальнейшие работы по реставрации. Второе полотнище (со звездой) находится в хранилище в ожидании реставрации.

Реставратор тканей 1-й категории И. К. Ермилина.

войны в целях экономии времени знамёна направлялись в части недоделанными, а именно — с не вышитым наименованием соединения. Всё это ставит непременный вопрос — какой именно части могло принадлежать это Красное знамя?

Известно, что бои на Зайцевой горе шли в 1941–1943 годах. Тот факт, что знамя было спрятанно, позволяет предположить, что существовала угроза его потери, а это привело бы к позору и расформированию части. Такая ситуация могла сложиться в октябре 1941 года, когда происходило отступление частей 43-й и 33-й армий в связи с прорывом их обороны противником в ночь с 2 на 3 октября. 33-я армия находилась в основном южнее Варшавского шоссе, а войска 43-й армии — севернее и непосредственно на самом шоссе. После того как противник атаковал части Красной армии, он продолжил продвижение на северо-восток и утром 3 октября возобновил наступление по всему фронту. Соединения 43-й армии под натиском врага, оказывая сопротивление, отходили в северо-восточном направлении. Связь штаба с дивизиями была потеряна. Командование армии приняло меры к задержанию войск в районе Спас-Деменска. На встрече отходящим частям были выслааны командиры штаба, но разбитые части трудно было организовать на сопротивление врагу. К вечеру 4 октября противник занял Спас-Деменск. В это время некоторые части без управления штабами дивизий выходили на рубеж севернее Спас-Деменска. Сведений о положении 60-й и 113-й стрелковых дивизий не имелось. 222-я стрелковая дивизия вошла в состав 24-й армии, которая находилась севернее 43-й армии, но связи с ней не было. 33-я армия отступала южнее Варшавского шоссе, и её разбитые части, преследуемые противником, отходили на восток. Таким образом, соединения 33-й армии не могли в процессе

отступления находиться в районе Зайцевой горы, кроме 60-й стрелковой дивизии, находящейся на северном крае 33-й армии.

С утра 5 октября части 43-й армии без управления штабами дивизий и полков отдельными отрядами вели бои с противником. 211-я стрелковая дивизия — на рубеже севернее Спас-Деменска, но её отдельные группы продолжали отходить на северо-восток. 53-я стрелковая дивизия вела бой немного севернее 211-й стрелковой дивизии. Сведений о положении 149-й, 113-й стрелковой дивизии и 148-й танковой бригады не имелось. К полудню положение армии сложилось тяжелейшее. Организационно части перестали существовать. Люди в одиночку и группами рассеялись по лесам и отходили на север. Командование армиями приняло меры к очередному задержанию людей. Вплоть до вечера положение войск, за отсутствием связи с ними, оставалось неизвестным. Утром 6 октября штаб, преследуемый противником, начал отход по направлению к Вязьме. К вечеру на западной окраине города начались бои, и штаб продолжил отступать в беспорядке на московское шоссе в разных направлениях. На сбор его больше не имелось возможности. Всё это время связи с войсками не имелось. 10 октября штаб собрался недалеко от Балабанова и отдал приказ о местах сбора дивизий. Так как связи с ними не имелось, приказ передавался через делегатов связи. В течение следующих нескольких дней соединения 43-й армии собирались и приводили себя в порядок.

Таким образом, в районе Зайцевой горы могли отходить только две части 43-й и одна часть 33-й армии, движение которых на сегодняшний день неизвестно. Две из этих частей были 60-я и 113-я стрелковые дивизии. Это бывшие 1-я и 5-я Московские стрелковые дивизии народного ополчения, переформированные по штатам

стрелковых дивизий и получившие новые номера в августе — сентябре 1941 года. Из этого следует, что они имели особые знамёна. Но третья часть — 148-я танковая бригада — могла иметь знамя образца 1926/1938 годов, так как она была сформирована 16 сентября 1941 года путём переформирования 109-й танковой дивизии, знамя которой могло остаться в бригаде. Следует отметить, что своё отступательное движение бригада начала, уже находясь на Варшавском шоссе, а это даёт основания полагать, что танковой бригаде, в которой находилась техника, было удобнее организовать свой отход именно по дороге. Зайцева гора тоже располагается на этом шоссе, поэтому можно предположить, что именно 148-я танковая бригада, отступая на северо-восток, оказалась в этом районе. К тому времени, когда остатки бригады вышли к населённому пункту Кузьминичи на Варшавском шоссе, тыловому рубежу обороны 43-й армии, они потеряли все танки — одни в бою с противником, а другие были уничтожены, зарыты в землю из-за отсутствия горючего. Спустя некоторое время 148-я танковая бригада была направлена на переформирование. Данный факт даёт основание полагать, что это произошло не только из-за больших потерь, но и из-за того, что бригада потеряла своё знамя. По сохранившимся сведениям, знамя было найдено в гильзе от снаряда, что также косвенно указывает на его принадлежность к танковой бригаде.

Таким образом, имеющиеся источники позволяют отнести Боевое Красное знамя из фондов Калужского объединённого музея-заповедника к 148-й танковой бригаде, которая получила его при формировании от 109-й танковой дивизии. Таким образом, данный музейный предмет может рассказать нам о трагических и героических событиях октября 1941 года, происходивших на Калужской земле. ■

МАЛОЯРОСЛАВЕЦКИЙ УКРЕПРАЙОН

Описание сохранившихся объектов фортификации

Олег Комиссар,

*кандидат технических наук, заместитель генерального директора,
государственный научный центр РФ ОНПП «Технология» им. А. Г. Ромашина*

Со времени оборонительных боёв частей Красной армии на Варшавском шоссе в период с 5 по 18 октября 1941 года, сдерживающих превосходящие по силе немецкие войска группы армий «Центр», прошло 79 лет. Эти героические и в то же время трагические события сыграли важную роль в ходе Московской оборонительной операции, предопределившей дальнейший ход Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Неоспоримые свидетели того времени — железобетонные фортификационные сооружения — до сих пор в большом количестве молчаливо стоят на протяжении всей Можайской линии обороны (МЛО) от Волоколамска на севере до Калуги на юге.

В соответствии со статьёй 3 федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ противотанковый опорный пункт на Варшавском шоссе в селе Ильинское Малоярославецкого укреплённого района № 37 МЛО (комендант полковник А. М. Смирнов, комиссар секретарь Малоярославецкого РК ВКП(б) М. Ф. Денисов), созданный с августа по октябрь 1941 года для защиты Москвы на дальних подступах, можно классифицировать как ансамбль — чётко локализуемая на исторически сложившейся территории населённых пунктов Ильинское, Лукьяново и Подсосено-1 группа железобетонных сооружений фортификационного назначения. Большое разнообразие таких сооружений в виде железобетонных долговременных огневых точек (ДОТов), их высокая плотность расположения, хорошая степень сохранности, доступность для изучения конструктивных особенностей и боевых повреждений, причастность сооружений к героическим событиям обороны столицы, частые находки на этой местности незахороненных или захороненных в ходе боёв без соответствующих памятных обозначений останков погибших воинов РККА делают район Ильинского рубежа исторически уникальным и социально значимым для сохранения памяти о подвиге нашего народа в борьбе за независимость от немецких оккупантов.

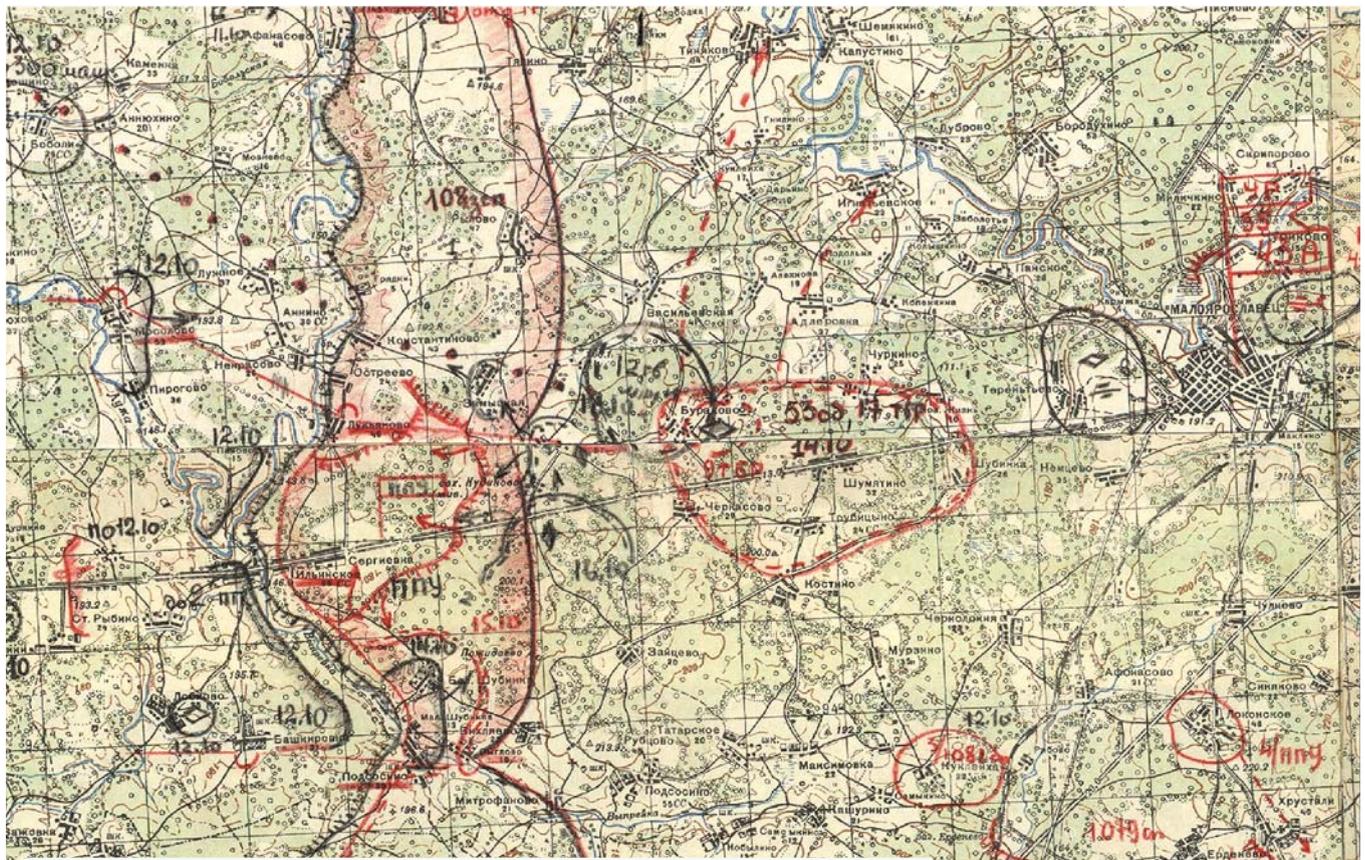
Сегодня туристы, посещающие военно-исторический музей «Ильинские рубежи», имеют уникальную возможность осмотреть три типовых объекта новаторской фортификации начала войны — монолитные железобетонные долговременные огневые точки (ДОТ) для противотанковой 45-мм пушки и станкового пулемёта «Максим», вес конструкции которых колеблется от 138 до 200 тонн. Но если пройти лесами вдоль линии обороны от Варшавского шоссе до Ищеино

или Детчино, то можно встретить миниатюрные, с точки зрения фортификации, сооружения в виде железобетонных колец с перекрытием, в цилиндрической стенке которых выполнен прямоугольный вырез.

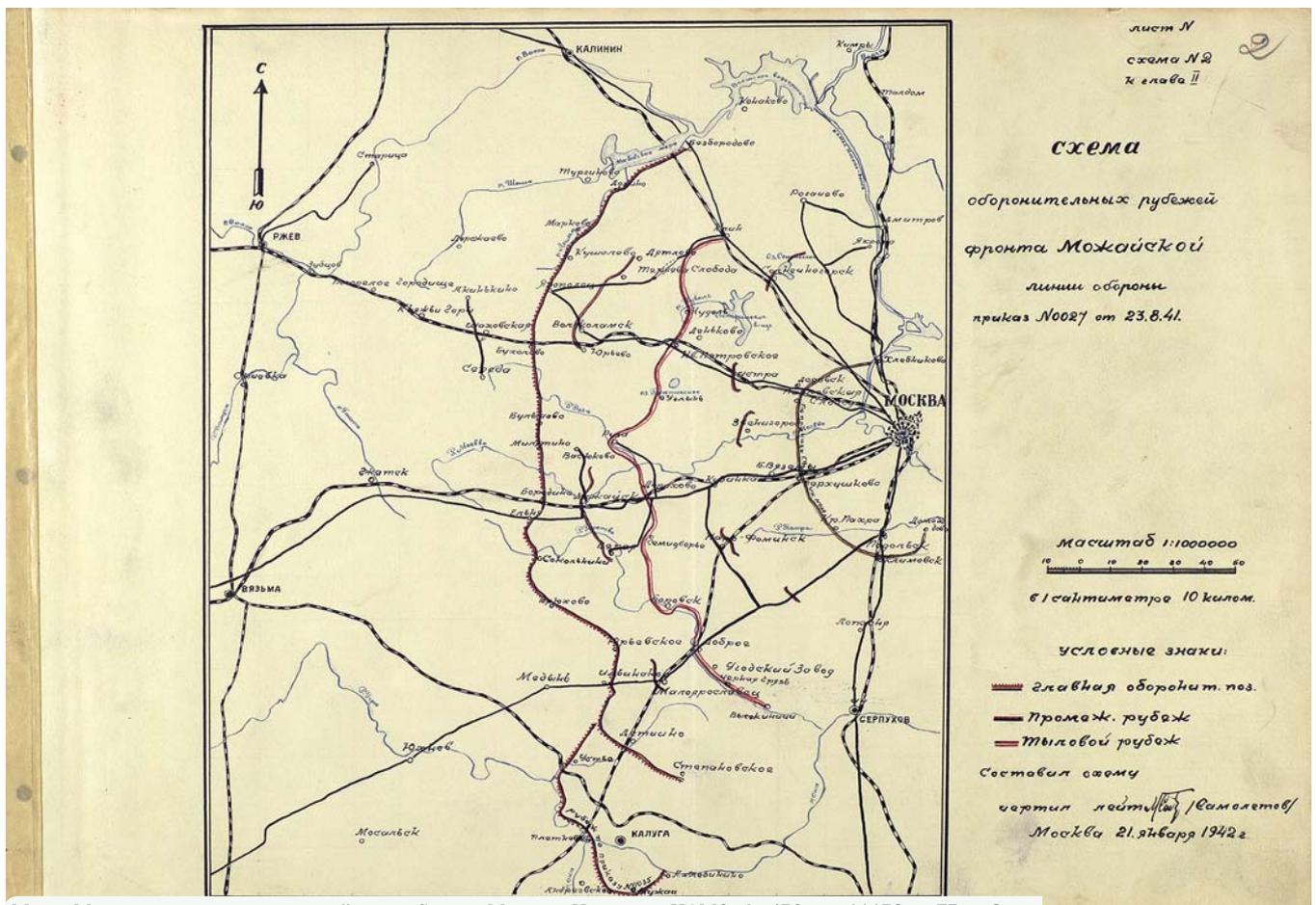
В целях эшелонирования защиты подступов к столице на основании решения Государственного комитета обороны от 16 июля 1941 года и Ставки Верховного Главнокомандования от 18 июля 1941 года в 120–130 км к западу от Москвы развернулось строительство линии Можайской

обороны. Малоярославецкий 37-й укреплённый район (37 УР), входивший в 1941 году в состав Можайской линии обороны Москвы, включал в себя три боевых сектора, или как сейчас часто называют, — рубежа, со сроком готовности 10 октября 1941 года.

Северный сектор с центром в районе деревень Ищеино, Зеленино, Афанасово и села Юрьевское на берегу реки Лужа прикрывал направление на Боровск по дороге Медынь — Наро-Фоминск.

Рабочая карта с 07.10.1941 по 25.10.1941. Полевое управление Московской зоны обороны. Оперативный отдел. Источник: ЦАМО, ф. 450, оп. 11158, д. 95

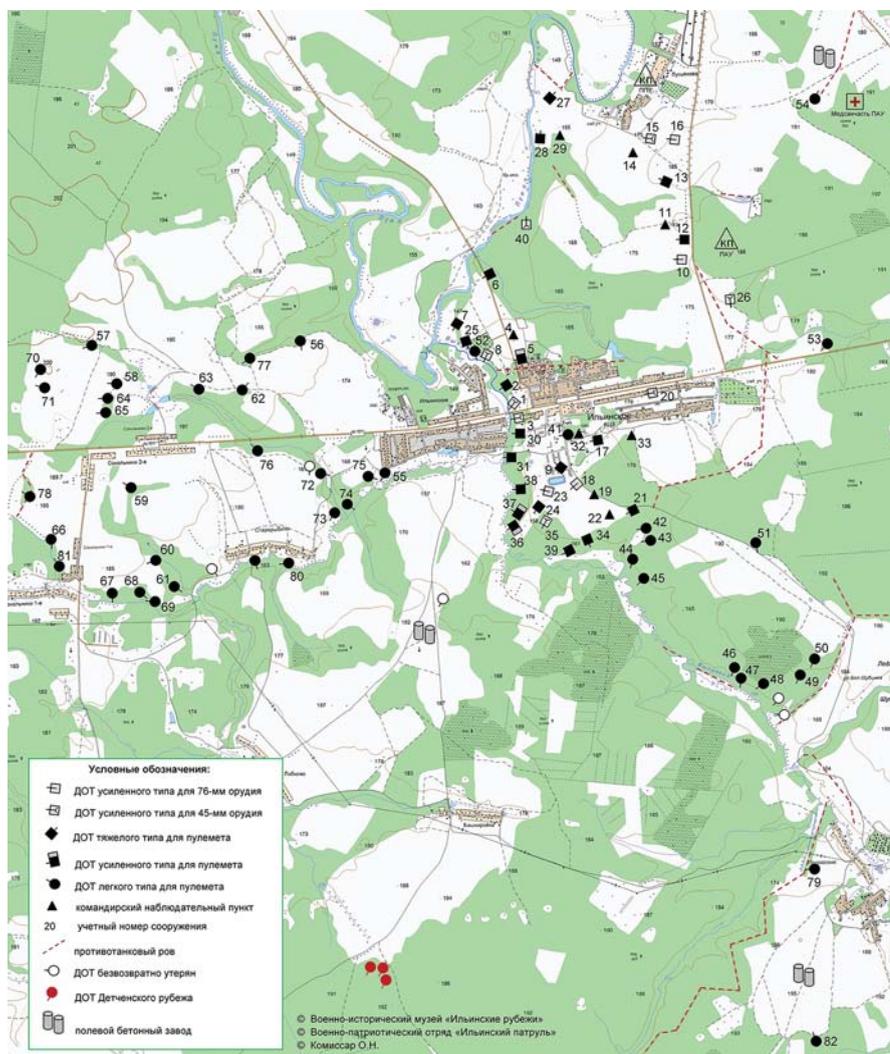
Место Малоярославского укрепрайона в обороне Москвы. Источник: ЦАМО, ф. 450, оп. 11158, д. 75, д. 2

Он содержал девять батальонных узлов обороны и протянулся от деревни Павлицево (узел № 1) до деревни Грядки (узел № 9).

Центральный сектор оседлал международное Варшавское шоссе в районе села Ильинское и по своему назначению являлся противотанковым. Он содержал пять батальонных узлов и протянулся по восточным берегам рек Луза и Выпрейка от деревни Константиново (узел № 10) до деревни Вихляево (узел № 14). Противотанковая оборона была построена так, чтобы наиболее надёжно прикрыть Варшавское шоссе и обходные местные дороги от движущихся с Запада на Москву 19-й танковой и 3-й пехотной моторизированной дивизий немцев. Для этого было создано четыре противотанковых опорных пункта в деревнях Ильинское, Сергеевка, Большая Шубинка и Подсосено. После войны ветераны боёв в опубликованных воспоминаниях этому сектору обороны давали эмоциональные названия «Курсантский рубеж», «Комсомольский рубеж» и «Ильинский рубеж». Впоследствии в литературе прижился последний вариант, который в 1975 году стал названием созданного военно-исторического музея.

Южный сектор прикрывал стратегически важные железную дорогу Сухиничи — Москва и старый Калужский тракт на Угодский Завод. Он содержал двадцать три батальонных узла, сгруппированных в две линии. Первая линия протянулась от деревни Подсосено (узел № 15) до деревни Устье (узел № 24), вторая — от деревни Митрофаново (узел № 25) через Детчино (узел № 32) до деревни Голухино (узел № 68).

Можайская линия обороны, задержавшая на две недели продвижение немецких войск на расстоянии 120–130 км от Москвы, сыграла ключевую роль в организации обороны столицы и стала неприятной неожиданностью для германского верховного командования. Этому способствовали фортификационные новшества. Во-первых, ДОТы были возведены в большом количестве и в рекордно короткие сроки, что в корне перечёркивало опыт стран Европы после Первой мировой войны. Во-вторых, русские ДОТы были представлены

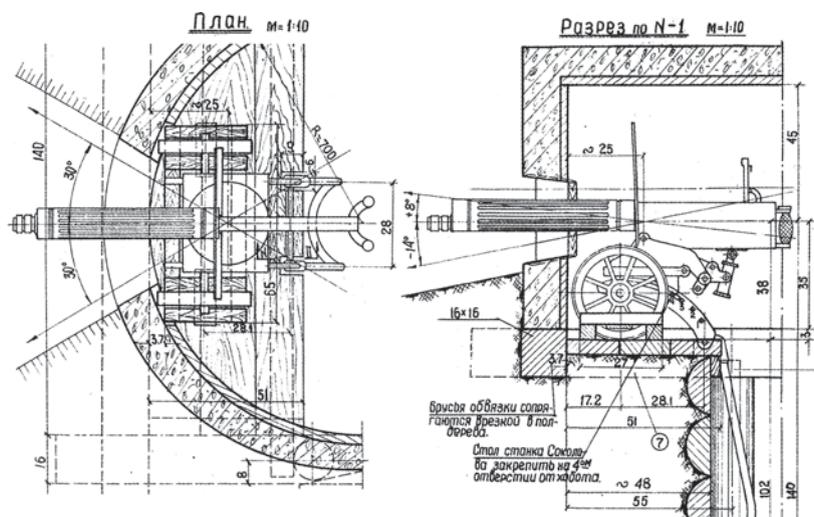
Карта железобетонных фортификационных сооружений Ильинского оборонительного рубежа противотанковой обороны. ВПО «Ильинский патруль». 2020 г.

Орудийный усиленный подкапонир для 45-мм противотанковой пушки. Военно-исторический музей «Ильинские рубежи». Июль 2020 г.

Орудийный усиленный полукапонир для 45-мм противотанковой пушки. Октябрь 1941 г.

Фрагмент чертежа сборной огневой точки лёгкого типа. Проектно-конструкторское бюро Главного военно-инженерного управления. 1942 г.

новыми уникальными конструкциями, которые обеспечивали не только быстроту их возведения, но и достаточно хорошие боевые характеристики. Поэтому по результатам прорыва линии укреплений под Москвой потрясённое командование Вермахта в феврале 1942 года в Берлине издало книгу о ранее неизвестных типах русских полевых укреплений, в которой представлены бетонные сооружения разных типов. В частности, в книге отмечено, что в октябре 1941 года западнее Малоярославца обнаружены пулемётные точки с готовыми бетонными колпаками.

Немецкий автор отмечает, что русские бетонные колпаки изготовлены на заводе из прочного бетона, армированного железом и установлены на деревянную опору.

На момент строительства 37 УР в Красной армии действовало «Наставление для инженерных войск по полевой фортификации» образца 1939 года (ПФ-39), в котором ДОТы в виде бетонных колпаков ещё не были описаны. Поэтому их изготовление велось «с листа» по специально разработанной в начале войны чертёжной документации проектно-конструкторских бюро Главного военно-инженерного управления.

На оперативной карте очерёдности возведения фортификационных сооружений 37 УР, подписанной в сентябре 1941 года начальником штаба опергруппы Московского военного округа (МВО) генерал-майором Александром Ивановичем Кудряшевым и начальником инженеров опергруппы МВО бригадным инженером Александром Ивановичем Пангсенем, впервые приведена классификация ДОТов — «железобетонные монолитные», «железобетонные сборные» и «смешанные» (3). В настоящее время в батальонных узлах с обозначением «смешанные» (Ищеино, Подсосено, Детчино) обнаружены только бетонные колпаки. Вероятно, на тот период времени термин «смешанные» возник из-за разных типов материалов, применяемых при их строительстве — деревянная опора-сруб и бетонный защитный колпак.

Также есть ряд воспоминаний участников самих боёв. Валентин Николаевич Фоменко, ветеран Великой Отечественной войны, ставший впоследствии учёным в области ракетных двигателей, в октябре 1941 года в возрасте 19 лет будучи студентом третьего курса Московского высшего технического училища имени Н. Э. Баумана добровольцем ушёл на фронт пулемётчиком. В своих воспоминаниях В. Н. Фоменко так описывает бетонный колпак: «Живу в землянке. Мы имеем ДОТ. Мой

пулемёт стоит под бетонным колпаком. Толщина его стенок около 20 см. От снаряда не спасёт, но от мин и пуль обезопасит. Тесно, но уютно. Внутренняя оставшаяся опалубка по виду даже похожа на красное дерево. Колпак серийного заводского производства» (7).

Таким образом, железобетонные колпаки для станкового пулемёта «Максим» на период строительства 37 УР были новым экспериментальным решением, оперативно разработанным военными инженерами и позволяющим за недостижимые ранее короткие сроки укреплять местность перед быстро продвигающимся противником. Они не были включены в наставления Красной армии, но в оперативных документах штабов и частей фронтов именовались как ДОТы. Одно из первых серьёзных боевых опробований таких лёгких ДОТов успешно прошло на Можайской линии обороны.

В 1943 году Народный комиссариат обороны выпустил редакцию «Наставления для инженерных войск по полевой фортификации» (ПФ-43), в котором был учтён положительный опыт боев в 1941 и 1942 годах. В ПФ-43 уже несколько разделов стало посвящено лёгким ДОТам на основе монолитных железобетонных колпаков на станковый пулемёт «Максим», которые описывали конструкцию и технологию заводского изготовления колпаков, а также способы изготовления из них на местности огневых фортификационных сооружений.

Наставление ПФ-43 впервые дало классификацию, в соответствии с которой железобетонные огневые фортификационные сооружения разделяются на «монолитные» (заливаемые непосредственно на местности) и «сборные» (собираемые на местности из готовых, произведённых на заводе элементов). К таким заводским элементам на тот период относили железобетонные колпаки весом 1400–1700 кг, стандартные железобетонные балки весом 100 кг, стандартные прямоугольные блоки весом 25 кг. От способа изготовления напрямую зависел класс защиты сооружения. Непрерывная заливка на местности монолитных ДОТов позволяла получать сооружения сверхтяжёлого, тяжёлого и усиленного типа с высокой степенью защиты от попадания артиллерийских снарядов и авиационных бомб. «Сборные» конструкции имеют значительно ниже степень защиты, которая характеризует их как сооружения лёгкого или противосколочного типа независимо от вида используемого готового бетонного элемента.

Сборная огневая точка лёгкого типа. Село Дегчино

Деревянная противооткольная защита каземата огневой точки лёгкого типа

Орудийный усиленный каземат фронтального обстрела для 76-мм пушки. Село Ильинское

Амбразура и внутреннее обустройство орудийного усиленного каземата фронтального обстрела для 76-мм пушки. Село Ильинское

Орудийный усиленный полукапонир для 45-мм противотанковой пушки. Село Лукьяново

Пулемётный каземат тяжёлого типа фронтального обстрела на один станковый пулемёт системы «Максим». Село Лукьяново

Командирский наблюдательный пункт с тремя смотровыми щелями. Село Ильинское

Изготовление монолитных колпаков производилось на промышленных или полевых заводах из бетонов повышенной прочности марки 400–600 с армированием из 6-мм железа. В этом случае толщина его стенок и перекрытия была одинаковой и составляла 10 см. Допускалось применение менее прочных бетонов марки 200–250, но при этом передняя стенка усиливалась путём плавного увеличения толщины до 12 см.

Внутренняя опалубка цилиндрической стенки и перекрытия изготавливалась из плотно подогнанных друг к другу встык струганных досок шириной 10 см и толщиной 2,5 см. Каждая доска крепилась к железной арматуре скобами или гвоздями. После заливки и отверждения колпака опалубка оставалась в бетоне и в боевых условиях играла роль противооткольной защиты.

В передней стенке колпака выполнена прямоугольная амбразура со скошенными торцами по периметру, а в перекрытии — квадратное отверстие с размерами сторон 10 см для установки перископа. Это отверстие также использовалось для продевания трубчатой железной оси при перекатывании колпака ручным способом. В боковых стенках колпака также имелось по одному квадратному отверстию с размерами сторон 10 см. Они предназначались для прокладки линий телефонной связи.

В настоящее время многолетние работы по обследованию более сотни сохранившихся железобетонных колпаков 37 УР выявили два типа конструкций.

Первый тип колпаков можно назвать классическим, так как он полностью соответствует приведённому выше описанию из ПФ-43. Конструкции данного типа найдены вдоль Варшавского шоссе как на территории Ильинского рубежа, так и на других участках обороны в направлении Москвы — в Малоярославце, в Оболенском, Белкине (ныне территория Обнинска), у моста через реку Нара, в деревне Кресты. По данным ЦАМО, в 1941 году в Подольске работал бетонный завод, который изготавливал для фронта колпаки и противотанковые ежи. Поэтому данный тип железобетонных колпаков предложено называть «подольским». Их доля в 37 УР не превышает 10% от общего количества колпаков.

Противотанковый ров. Деревня Подсосено. 2019 г.

Амбразура пулемётного ДОТа

Остальные 90% колпаков отличаются упрощённой конструкцией. Внутренняя поверхность стенок и перекрытия не содержат досок, а только несут на себе их следы в местах стыков. Причём крепёжные скобы или гвозди отсутствуют. Это позволяет с уверенностью утверждать, что доски не были потеряны со временем (сгорели или сняты), а отсутствовали с самого начала. А из этого можно сделать вывод, что доски опалубки многократно использовались при производстве. Вторым существенным отличием является отверстие на перекрытии колпака. Оно представляет собой пробой неровной круглой формы диаметром не более 5 см. По внешнему виду кромок можно предположить, что отверстие выполнялось в не полностью отверждённом бетоне с помощью железного лома или трубы. Такое отверстие не позволяло в боевых условиях установить перископ и, по всей видимости, предназначалось только для перекатывания колпака. По воспоминаниям жителей Детчино, в этом населённом пункте во время войны был развёрнут бетонный завод, который изготавливал пулемётные колпаки. Поэтому упрощённый тип железобетонных колпаков было предложено называть «детчинским».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что железобетонный колпак для станкового пулемёта «Максим», широко применявшийся в обороне Малоярославецкого укрепрайона — это долговременная огневая точка (ДОТ), относящаяся к сборным сооружениям лёгкого или противоосколочного типа.

Уникальность данного участка обороны Ильинского рубежа состоит в том, что это первый объект военной фортификации, построенный согласно требованиям новой военной архитектуры 1939–1941 годов и предназначенный для быстрого закрепления местности перед приближающимся противником. Здесь были использованы несколько типов железобетонных фортификационных сооружений. Артиллерийские ДОТы представлены двумя типами усиленных огневых сооружений — четырьмя усиленными ДОТами для дивизионных пушек калибра 76,2 мм на флангах рубежа на южных окраинах д. Лукьяново и с. Ильинское и восемь ДОТами тяжёлого типа для 45-мм противотанковых пушек.

Бронированное металлом перекрытие и смотровые щели. Каземат командирского наблюдательного пункта. Село Ильинское

Земляной окоп для 45-мм противотанковой пушки образца 1937 г. Село Ильинское

Противотанковый ров. Деревня Большая Шубинка. Октябрь 1941 г.

Колонна немецких танков 19-й танковой дивизии после боя 16.10.1941 г. Варшавское шоссе, село Ильинское

Немецкий танк Pz. IV из колонны 19-й танковой дивизии после боя 16.10.1941 г. Варшавское шоссе, село Ильинское

Также на территории оборонительного рубежа находится 20 пулемётных ДОТов тяжёлого типа, 8 командирских наблюдательных пунктов с тремя смотровыми щелями кругового обзора и 55 ДОТов лёгкого типа (пулемётные колпаки).

По характеру повреждений бетона на ДОТях тяжёлого типа и сохранившихся фрагментах деревянной опалубки можно сделать вывод о том, что к моменту подхода немецких войск 11 октября 1941 года линия обороны находилась в стадии строительства.

Усиленные ДОТы для дивизионных 76,2-мм пушек бетонировали на месте установки. Они имеют размер 6 метров в ширину и 7 метров в длину. Толщина стен составляет 1 метр 20 сантиметров. Масса такого монолитного сооружения равна 256 тонн. Амбразуры всех орудийных ДОТов имеют противорикошетные ступенчатые стенки с четырьмя ступенями на вертикальных поверхностях. В связи с тем что войска, занимавшие оборону на Ильинском оборонительного рубеже, комплектовались разными видами орудий калибра 76,2 мм, военными инженерами было предусмотрена возможность установки в ДОТях двух основных видов орудий: новых образца 1936 и 1939 годов с двумя раздвижными станинами и старых образца 1902/30, 1927 и 1933 года с одной станиной. Для старых пушек в бетонном полу каземата выполнен секторный ровик. Согласно наставлениям по полевой фортификации, для изготовления такого ДОТа требовалось 1090 рабочих часов.

Тяжёлые ДОТы для 45-мм противотанковых пушек представляют собой прямоугольное сооружение со скошенными углами. Размер в плане 4 на 4 метра. Толщина стен составляет 1 метр 20 сантиметров, бетонного перекрытия — 1 метр, высота потолка каземата — 190 см. Масса ДОТа — 200 тонн. На Ильинском рубеже ДОТы для 45-мм орудий представлены двумя конструктивными типами: пять усиленных казематов фронтального действия (огня) и три полукапонира флангового действия (огня).

Пулемётные ДОТы были рассчитаны на установку в них пулемётов «Максим», стоявших на вооружении

в стрелковых подразделениях. Их строительство не было закончено к моменту подхода немецких войск. В частности, на амбразуры не установлены металлические броневые плиты, отсутствовали бронированные двери. В этих условиях не обеспечивалась должная защита гарнизона. Тяжёлые пулемётные ДОТы представляют собой прямоугольное сооружение со скошенными углами с размерами в плане 4,4×4,4 м и толщиной стен 1 метр 20 сантиметров м. Вес ДОТа составляет порядка 138 т. Амбразуры всех пулемётных ДОТов имеют противорикошетные ступенчатые стенки с пятью ступенями на вертикальных поверхностях и двумя ступенями на горизонтальных поверхностях. Согласно Наставлению по полевой фортификации РККА 1943 года, 17 рабочих выполняли работу по строительству такого ДОТа за 37 часов.

Сегодня на Ильинском рубеже насчитывается 20 пулемётных ДОТов тяжёлого типа — 12 тяжёлых каземата фронтального действия (огня) и пять тяжёлых полукапониров флангового действия. Отдельно стоит отметить три пулемётных ДОТа со сквозным проходом, в которых установлен амбразурный узел НПС-3 для пулемёта «Максим». Они конструктивно отличаются от остальных наличием сквозного тамбура («сквозника») перед входом. До наших дней в этих ДОТах сохранились бронированные амбразурные узлы, трубы вентиляции, приямки для сбора стрелянных гильз.

Командирские наблюдательные пункты тяжёлого типа выполнены в виде бетонных шестигранников с тремя смотровыми щелями клиновидной формы с гладкими поверхностями стенок. Всего известно восемь таких сооружений. Длина фронтальной стены — 2,37 м, примыкающих стен — 1,8 м, боковых — 2,1 м, длина задней стены — 2,93 м. Толщина стен — 1,2 м. Таким образом, размер каземата для личного состава — 0,8×0,8×1 м. Масса ДОТа — 108 тонн. На перекрытии каждого наблюдательного пункта имеется прямоугольный канал размером 30×30 см для размещения перископа. Отсутствие металлических крепёжных элементов на каналах говорит о том, что

Начальник Подольского артиллерийского училища И. С. Стрельбицкий у повреждённого ДОТа. Ильинский рубеж, 1973 г. Фото В. А. Лычагина

Поисковый отряд «Беспокойные сердца» из школы-интерната. Деревня Панское Малоярославецкого района

эти сооружения не были оснащены перископическими приборами для наблюдения за местностью. Наблюдение могло проводиться только через смотровые щели, имеющие ограниченные секторы обзора. Судя

по существенным повреждениям на наружных бетонных поверхностях, наблюдательные пункты активно использовались как стрелковые точки для ведения огня по пехоте противника.

Маркировка вновь найденного ДОТа. Село Кудиново. Военно-патриотический отряд «Ильинский патруль» ОНПП «Технология» им. А.Г. Ромашина

Установка охранной таблички. Деревня Сокольники. Военно-патриотический отряд «Ильинский патруль» Обнинского НП «Технология» им. А.Г. Ромашина

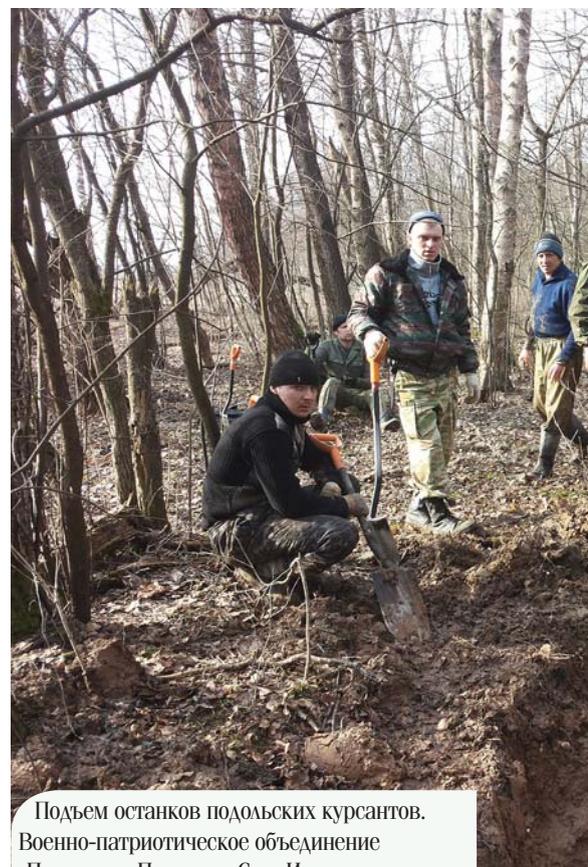
В настоящее время продолжают поиски железобетонных сооружений. Изучаются аэрофотосъёмки 1942 года, ведётся работа с местными жителями и поиски в архивах. В результате полевых исследований было найдено семь недостроенных ДОТов. Они представляют собой земляные котлованы с бетонированным основанием.

Наиболее трудоёмким и масштабным из земляных работ на территории Ильинского оборонительного рубежа стало сооружение противотанковых препятствий, а именно, эскарпов и противотанковых рвов. По сей день можно увидеть

эскарпированные берега рек Выпрейка и Лужа. Согласно воспоминаниям немецкого военнослужащего 74-го пехотного полка 19-й танковой дивизии Адалберта Васнера, эскарп реки Выпрейка в 1941 году составлял 4–5 метров, что являлось непреодолимым препятствием даже для пехоты.

Для усиления противотанковой обороны возводились противотанковые рвы. На сегодняшний день на этой местности выявлено порядка 6 километров противотанковых рвов шириной 7 метров и глубиной 2–3 метра.

До настоящего времени на территории оборонительного рубежа

Подъем останков подольских курсантов. Военно-патриотическое объединение «Память», г. Подольск. Село Ильинское

сохранилось достаточно много систем окопов. Одна из наиболее развитых систем окопов со стрелковыми ячейками, направленными в сторону реки Выпрейка, располагается южнее Варшавского шоссе за молочной фермой слева от дороги в деревню Подсосено. В достаточно хорошем состоянии сохранились окопы и севернее Варшавского шоссе неподалёку от музея «Ильинский рубеж» на восточном берегу реки Выпрейка. На данный момент ходы сообщения и стрелковые ячейки осыпаны, деревянное обрамление отсутствует, но контуры окопов видны чётко.

По характерным формам и размерам сохранившихся земляных сооружений можно определить, что в лесу восточнее дороги в с. Лукьяново располагались 45-мм и 76-мм орудия, что подтверждается воспоминаниями командира Подольского артиллерийского училища полковника И.С. Стрельбицкого. Окопы для 45-мм орудий определены по сохранившимся углублениям круглой формы с окопами с обеих сторон. Командиром одного из 45-мм орудий был Юрий Добрынин, расчёт которого уничтожил несколько немецких

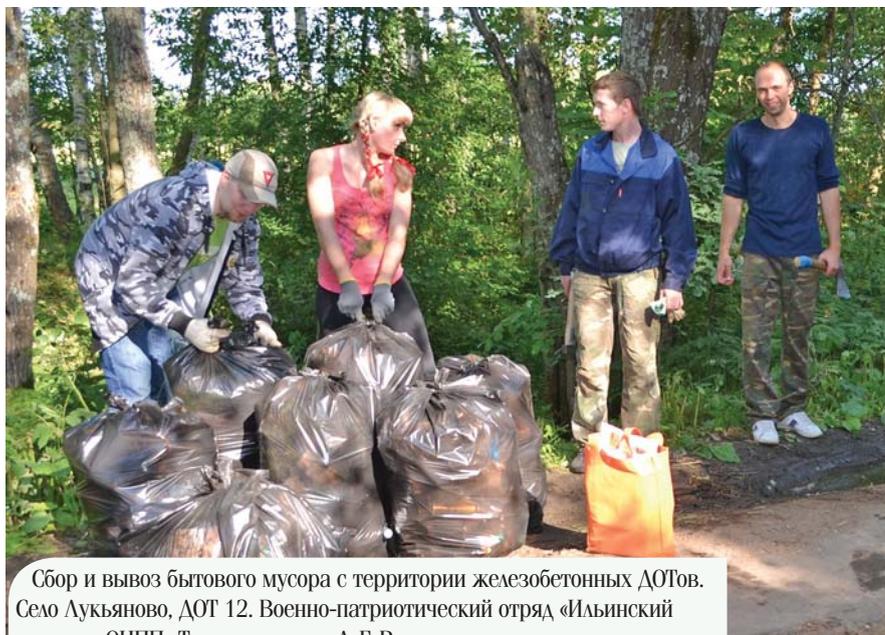

танков и 17 октября прикрывал выход курсантов из окружения.

Орудия 76-мм калибра находились на вооружении 31-го артиллерийского дивизиона запасного полка под командованием капитана И. Г. Прокопова и командира батареи капитана С. Н. Базыленко, уничтожившего танковую колонну Вермахта, заходившую курсантам в тыл.

В тылу вышеуказанных позиций были также найдены окопы для 122-мм и 152-мм гаубичных орудий с амбразурами, направленными в сторону моста через реку Выпрейку. Согласно имеющимся документам и по воспоминаниям участников событий, в боевых действиях с использованием 122-мм гаубиц участвовал 64-й тяжёлый гаубичный артиллерийский полк под командованием подполковника Викторова. Боевые действия с применением 152-мм гаубиц велись 517-м артиллерийским полком.

В ходе проведения полевых исследований южнее Варшавского шоссе найдено 4 земляные позиции, которые, судя по размерам и форме и основываясь на описании фортификационных сооружений майора С. Е. Гербановского, могли быть

Сбор и вывоз бытового мусора с территории железобетонных ДОТов. Село Лукьяново, ДОТ 12. Военно-патриотический отряд «Ильинский патруль» ОНПП «Технология» им. А. Г. Ромашина

Установка туристических указателей. Село Ильинское. Военно-патриотический отряд «Ильинский патруль» ОНПП «Технология» им. А. Г. Ромашина

предназначены для ведения огня из 85-мм зенитных орудий из состава 222-го зенитного артполка.

Ильинские ДОТы благодаря разнообразию типов конструкций и прекрасной сохранности давно привлекали к себе краеведов, историков, исследователей из Московской, Калужской, Тульской и других областей страны. Первая группа краеведов-фортификаторов из Обнинска прибыла для изучения обороны рубежа летом 2008 года. За два года удалось провести первичное обследование местности площадью около 50 квадратных километров, выявить, изучить

и описать 51 железобетонное фортификационное сооружение. Под руководством кандидата исторических наук, заведующего научно-экспозиционным отделом Калужского объединённого музея-заповедника Игоря Вячеславовича Болдина были проведены геодезические работы и подготовлены документы по границам и составу особо охраняемых земель Ильинского оборонительного рубежа. Приказом министра культуры и туризма Калужской области П. А. Сулова № 16 от 21 января 2015 года группа из пятидесяти ДОТов была признана выявленными объектами культурного наследия. ■

УСАДЬБА КУПЦОВ ЗОЛОТАРЁВЫХ В XX — НАЧАЛЕ XXI В.

Почти сто лет назад, после революционных событий, усадьба, построенная в 1805–1808 годах купцами Золотарёвыми и принадлежавшая с 1885 года дворянам Кологривовым, была национализирована. Владельцы усадьбы были выселены, а дом передан под квартиры железнодорожных служащих. Но под давлением культурной общественности новые власти в 1920 году в зданиях усадьбы разметили сначала отдел народного образования, а через два года приняли судьбоносное решение — передать уникальный памятник архитектуры музею, который въехал в него в 1922 году и до сегодняшнего дня располагается в усадьбе Золотарёвых.

Корни Калужского музея уходят в 40-е годы XIX века, когда калужский губернатор Николай Михайлович Смирнов высказал идею создания общедоступного места хранения и показа уникальных предметов — музеума. На обращение к министру внутренних дел губернатор получил 17 октября 1847 года ответ, в котором говорилось, что «ныне государь император высочайше повелеть соизволил разрешить учреждение в городе Калуге губернского музеума». Местом расположения музеума стало здание Дворянского собрания. Калужский губернский музеум положил начало созданию современной музейной сети Калужской области.

В 1891 году в единственном сохранившемся в Калуге гражданском здании XVII века — палатах купцов Коробовых — разместилась Калужская учёная архивная комиссия, целью которой было открытие здесь музея. Тогда же экспонаты Калужского губернского музеума из Дворянского

собрания переместились в палаты Коробовых и стали частью коллекций нового музея. Музейная экспозиция в палатах Коробовых была торжественно открыта 20 апреля 1897 года. После революции Губернскому

историческому музею было передано новое здание — усадьба купцов Золотарёвых. В этом уникальном доме, сохранившем интерьеры XIX века, 7 ноября 1922 года состоялось открытие новой экспозиции.

Усадьба купцов Золотарёвых. 1920-е гг.

Именно тогда, в 1922 году, музей был переименован в Исторический музей в память 5-й годовщины Октябрьской революции. В 1925 году при объединении трёх калужских музеев появился Калужский государственный областной музей с тремя отделами: историческим, художественным и естественно-историческим. В документах и изданиях он писался как Калужский государственный музей или Калужский областной музей. После упразднения Калужской губернии и образования с 1 октября 1929 года Калужского округа, а затем с 1 сентября 1930 года Калужского района музей изменил своё название. К 1931 году он стал называться Калужским краевым базовым государственным музеем. В конце 1930-х годов музей получает название Калужский краеведческий музей, которое было зафиксировано на штампе. При этом в переписке 1941 года встречается вариант названия Калужский районный краеведческий музей.

Тяжёлые испытания на долю музея, который не был эвакуирован, выпали в период Великой Отечественной войны во время оккупации Калуги немецкими войсками. В течение двух первых недель, с 13 октября 1941 года, в здании музея располагался штаб, а с 1 ноября в доме разместились немецкая комендатура. В акте обследования культурных учреждений и памятников, составленном 5 января 1942 года, т.е. спустя 5 дней после освобождения города, о тогдашнем состоянии музея было сказано следующее: «Часть экспонатов расхищена господами офицерами негласно, так, пропали отдельные вещи из коллекции оружия, фарфоровые предметы и некоторые картины. Часть экспонатов подвергалась “легализованному” грабежу: “покупалась” якобы с разрешения Городской управы на фальшивые оккупационные марки. ... Большой вред нанесли музею переброски экспонатов из одного помещения в другое, при которых многие вещи оказались испорченными и частью пропавшими, особенно пострадала библиотека».

Экскурсия в музей. 1930-е гг.

Экскурсия у входа в музей. 1930-е гг.

Экскурсия колхозников во дворе музея. 1930-е гг.

Сотрудники музея: Филькенштейн (2-я слева сидит у колонн) — сотрудник исторического отдела; Кирюшина (4-я слева сидит на ступеньках) — сотрудник отдела природы; Вас. Ив. Извеков (сидит на верхней ступеньке справа в кепке) — заведующий историческим отделом; М. Е. Шереметева (сидит на нижней ступеньке справа) — сотрудник исторического отдела; смотритель Антонова (сидит с ребёнком). Фото примерно конца 1920 — начала 1930-х гг.

Во дворе музея. 1945 г.

5 июля 1943 года комиссией в составе директора Краеведческого музея А. В. Зиновьева, научного сотрудника А. М. Давыдова, профуполномоченного Г. И. Чекменева и с участием директора Художественного музея М. М. Днепровского был составлен специальный акт об ущербе, нанесённом немцами музею за период оккупации, который был зарегистрирован в книге актов 13 июля 1943 года. В преамбуле комиссия записала, что «за время своего пребывания в музее немецкие захватчики занимались расхищением и уничтожением имущества музея: библиотека музея была выброшена на улицу, в результате чего много книг погибло, разрушена часть ценной мебели и экспонатов. Общий ущерб и убытки выражаются в сумме

Благоустройство. Май 1950 г.

97737 руб.». По ведомости безвозвратные потери фондов музея были оценены в 54317 руб.

С образованием 5 июля 1944 года Калужской области музей переименовывается в Калужский областной краеведческий музей. С таким названием он просуществовал до 13 января 2000 года, когда был переименован в Калужский государственный объединённый краеведческий музей. Но уже 18 июня 2004 года музею вновь вернули название Калужский областной краеведческий музей.

Современный этап развития музея начался в 2013 году, с заседания Правительства Калужской области 24 сентября в усадьбе Полотняный Завод. Именно тогда губернатор Калужской области Анатолий Дмитриевич Артамонов высказался в пользу преобразования классического музея, выполняющего функции хранения и популяризации культурных ценностей, в музей-заповедник, который, помимо этих функций, законодательно наделён полномочиями сохранять объекты культурного наследия, исторические территории, сложившийся традиционный уклад жизни,

Ремонт. Июнь 1976 г.

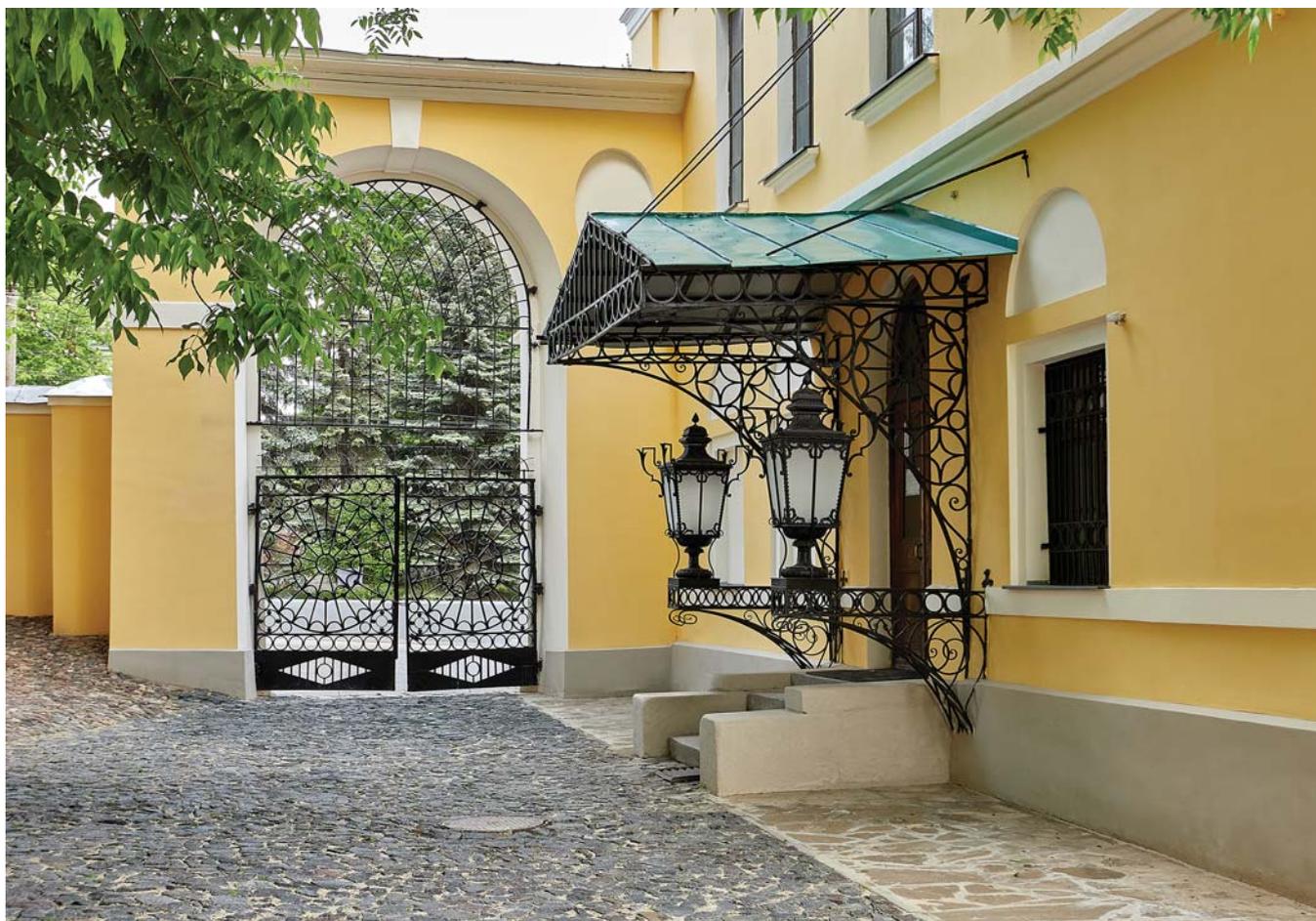
поддерживать промыслы и ремёсла, создавать туристскую инфраструктуру и развивать туризм. Этот проект был реализован в 2016 году. 12 февраля в Калужской области появился музей нового современного и перспективного формата — Калужский объединённый музей-заповедник.

Всё это время, начиная с 1922 года, главным зданием музея являлась усадьба Золотарёвых, которую на протяжении почти ста лет неоднократно ремонтировали и реставрировали. Наиболее масштабные работы в XX веке пришлось на 1970-е годы, когда создавалась новая экс-

позиция, торжественно открытая в 1982 году. В наше время усадьба Золотарёвых приобрела свой величественный вид после комплекса ремонтно-реставрационных работ, проводившихся в 2019–2020 годах, в канун празднования 650-летия Калуги. ■

Торжественное открытие музея. 1982 г.

ГЕРОЙ-КАЛУЖЖАНИН СЕМЁН АРТАМОНОВИЧ СТАРИЧКОВ

Виталий Бессонов,
кандидат исторических наук

Среди нижних чинов, отличившихся в период борьбы России с наполеоновской Францией, особое место занимает унтер-офицер Азовского мушкетёрского полка Семён Артамонович (Артемьевич) Старичков, спасший знамя Азовского мушкетёрского полка в сражении при Аустерлице 20 ноября 1805 года (даты до 31 января 1918 г. приводятся по старому стилю). На долгие годы этот подвиг стал символом жертвенного служения русского солдата, готового отдать жизнь за спасение боевого знамени — зримого олицетворения чести полка.

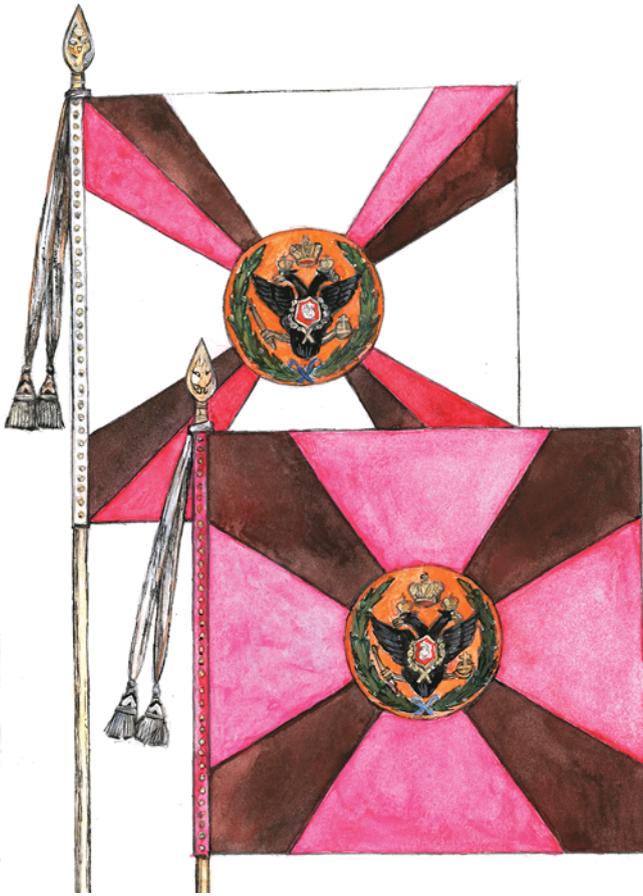

Подвиг С. А. Старичкова. Худ. Н. Панов с картины П. И. Бабаева. 1872 г.
Реставратор Б. В. Дмитриев

Семён Старичков происходил из мещан города Калуги. Его родителями были Артамон Меркулов сын Старичков и Марфа Васильева. Кроме сына у них было три дочери: Наталья, Аграфена и Прасковья. Старичков был отдан в рекруты в 1796 году за «некоторые пороки» и зачислен 29 ноября рядовым в Азовский мушкетёрский полк. Полк принял участие в Итальянском и Швейцарском походах А. В. Суворова 1799 года. За отличия по службе Старичков получил чин унтер-офицера и ему было поручено носить одно из «цветных» знамён.

В кампанию 1805 года вместе со своим полком Старичков принял участие 24 октября в ожесточённом бою у Амштетена и 1 ноября в знаменитом Шенграбенском бою. 20 ноября состоялось Аустерлицкое сражение. В ходе сражения колонна, в которой находился Азовский полк, оказалась окружена многочисленным противником и практически полностью уничтожена. Унтер-офицер Старичков, защищая вверенное ему знамя, был несколько раз ранен и попал в плен. При этом он сумел сохранить полотнище знамени, которое, почувствовав приближение смерти, передал рядовому Бутырского мушкетёрского полка Чайке (Чуйке), «умоляя сберечь его».

Смерть Старичкова не позволила Чайке узнать имя унтер-офицера и полковую принадлежность спасённого знамени. Приняв с «благоговением» полотнище, Чайка хранил его несколько дней «при себе». Услышав о предстоящем размене пленных, он вручил знамя командиру своего полка подполковнику М. Л. Трескину. 30 ноября офицер покинул город Брюнн и в начале декабря доставил знамя по команде генерал-майору Д. М. Есипову. Последний 7 декабря переслал его главнокомандующему М. И. Кутузову, который после выяснения имени героя рапортовал 15 января 1806 года о спасении знамени императору

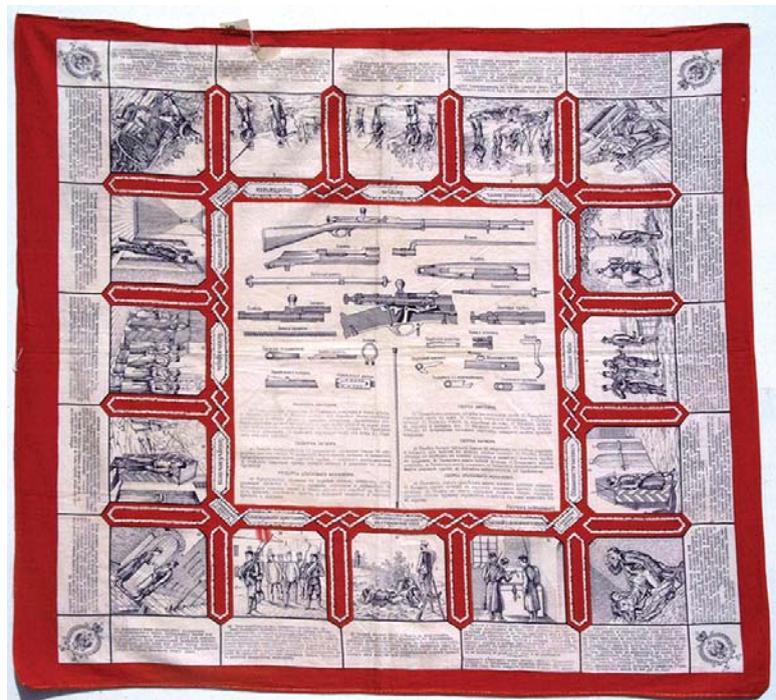
Знамена Азовского мушкетёрского полка образца 1797 г. В сражении при Аустерлице 20 ноября 1805 г. в Азовском мушкетерском полку было одно «белое» знамя (крест — белый, углы двухцветные — розовые пополам с пюсовым) и пять «цветных» (крест — розовый, углы — пюсовые). В сражении было потеряно «белое» и четыре «цветных» знамени. Из них одно «цветное» знамя спас унтер-офицер С. А. Старичков. Рис. В. М. Типикина. 2020 г.

Александр I. В рапорте Кутузов писал: «Сей героический подвиг Старичкова, который при самой кончине жизни своей помышлял только о том, чтоб сохранить и доставить к начальству вверенное ему знамя, понуждает меня донести о том Вашему Императорскому Величеству». Ознакомившись с содержанием рапорта, Александр I повелел: «Сделать из сего выписку для припечатаний к ведомостям, рядового Чайку произвести в унд[ер] оф[ицеры], а семейство унд[ер] оф[ицера] Старичкова призреть».

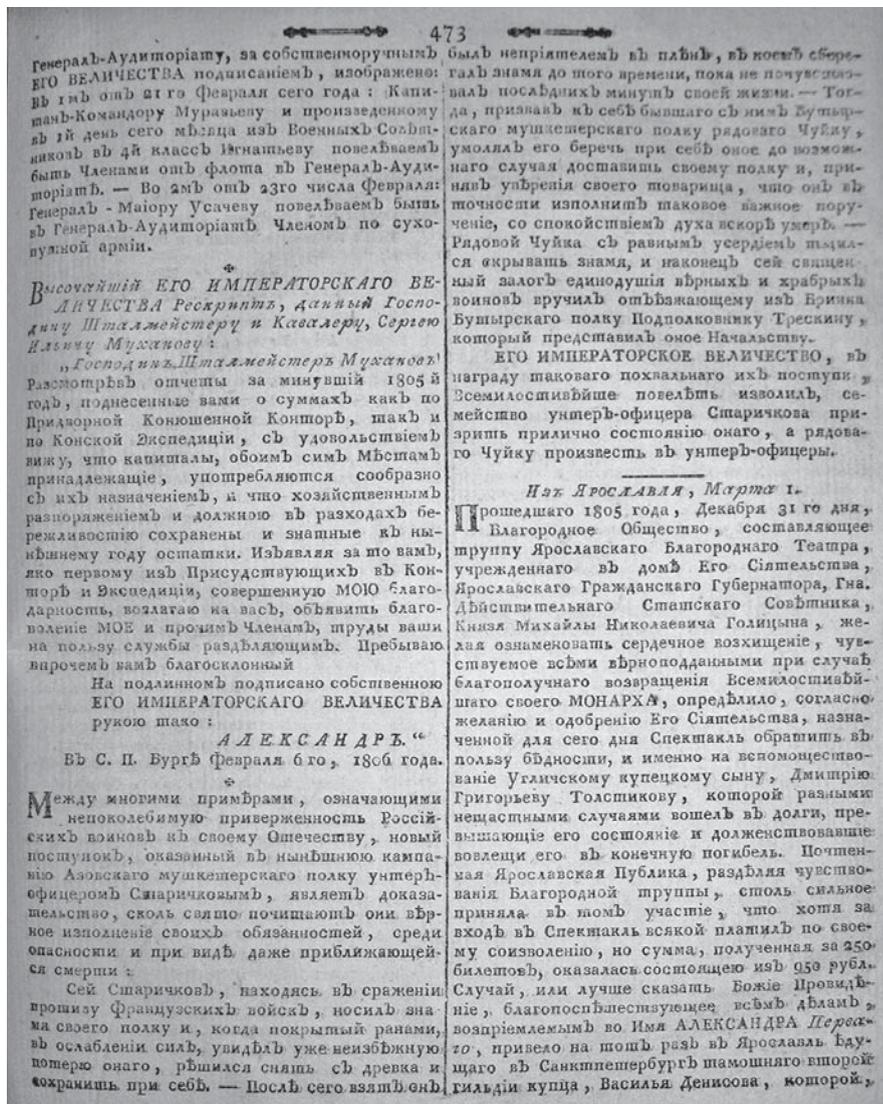
Доставленное к Кутузову знамя Азовского мушкетёрского полка в январе 1806 года было направлено в полк. Здесь примерно в феврале по высочайшему позволению спасённое в плену полотнище было прибито к новому древку и вернулось в строй. Под этим знаменем азовцы воевали с французами в 1806–1807 годах, участвовали в русско-шведской войне 1808–1809 годов, Отечественной войне 1812 года и заграничных походах 1813–1814 годов. После завершения заграничных походов спасённое Старичковым знамя оказалось в Санкт-Петербургском арсенале, где

Унтер-офицер Азовского мушкетёрского полка с «цветным» знаменем образца 1797 г. Кампания 1805 г. Рис. В. М. Типикина. 2006 г.

Наградной платок для поощрения нижних чинов периода русско-турецкой войны 1877–1878 гг. На платке в углах представлены знаменитые подвиги русских солдат. В правом нижнем углу показано героическое деяние унтер-офицера Старичкова. 1870-е гг.

Статья о подвиге унтер-офицера Старичкова, опубликованная в № 22 «Московских ведомостей» 17 марта 1806 г.

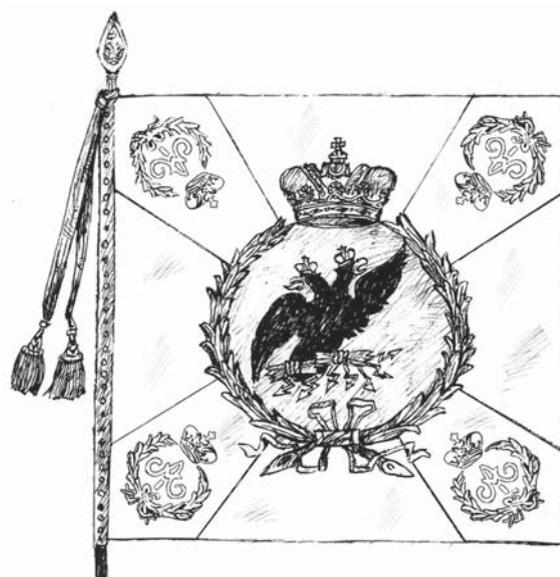
Дом, преподнесённый калужанами семье С. А. Старичкова в память о совершённом им подвиге. 1910-е гг.

со временем, вероятно, окончательно разрушилось и превратилось прах.

Подвиг Старичкова занимал одно из центральных мест в системе воспитания солдат российской армии в духе беззаветного служения престолу и Отечеству. Легендарный образ героя, пример которого должен был вдохновлять войска, окончательно сложился в 1830–1840-х годах. Он базировался на описании подвига из «Памятной книжки для нижних чинов», утверждённой в 1835 году, и созданной вольноприходящим учеником Академии художеств подпоручиком П. И. Бабаевым в 1846 году картины «Умиравший солдат, передающий сохранённое им знамя своему товарищу». За это произведение, иллюстрирующее хорошо всем знакомый подвиг Старичкова, художник был удостоен 2-й серебряной и 2-й золотой медалей Академии художеств. В 1848 году по высочайшему повелению императора Николая I картина была передана в Чесменскую военную богадельню, располагавшуюся вблизи Санкт-Петербурга. Созданный Бабаевым сюжет пользовался большой популярностью и неоднократно воспроизводился в картинах, рисунках, литографиях и даже в скульптуре.

В 1806 году о подвиге Старичкова были напечатаны статьи в Санкт-Петербургских и Московских ведомостях. Информация из них легла в основу созданной в 1808 году Ф. Ф. Ивановым драмы «Семейство Старичковых, или За Богом молитва, а за царём служба не пропадают». Эта пьеса с успехом шла в Московском императорском театре и пользовалась накануне Отечественной войны 1812 года у публики популярностью. Драма была поставлена и в Калужском театре в 1842 году.

По повелению Александра I матери и трём сёстрам назначены персональные пенсии и определено приданое незамужней сестре Прасковье. Кроме этого, император указал вернуть из Сибири среднюю сестру Аграфену с её семейством. В Калуге воздание почестей Старичкову происходило путём оказания материальной помощи членам его семьи, поминовением унтер-офицера во всех церквях города и предоставлением для его матери двухэтажного каменного дома, который должен был наследоваться только среди родственников. Этот дом рассматривался не только как пособие семейству героя, но и как памятник, призванный напоминать потомкам

Полотнище и навершие «белого» знамени

Азовского мушкетёрского полка образца 1803 г. Пожаловано в полк 8 января 1810 г. Крест и углы — белые. В 1866 г. доставлено в Калугу, как знамя, спасённое унтер-офицером Старичковым в 1805 г. в сражении при Аустерлице. Реставраторы В. Е. Петров (навершие) и Р. А. Петрова (полотнище).

«Белое» знамя Азовского мушкетёрского полка образца 1803 г.

Рис. В. М. Типикина

о подвиге, совершённом калужанином в 1805 году. На доме, получившем название дом Старичкова, была установлена памятная доска.

В 1866 году по инициативе жившего в городе отставного генерал-майора А. Я. Мирковича калужане отремонтировали постройки дома Старичкова, возобновили сорванную бурей памятную доску и увековечили имя героя в названии улицы, где располагался дом. Но наиболее значимым для города событием стало доставление в Калугу и размещение в Троицком соборе знамени, которое, по утверждению Мирковича, было спасено героем в Аустерлицком сражении. Однако вместо «цветного» знамени Азовского мушкетёрского полка образца 1797 года, которое спасал Старичков в 1805 году, в Калугу было доставлено «белое» знамя образца 1803 года, пожалованное полку 8 января 1810 года за отличие в войне со шведами. Именно это знамя, не имевшее никакого отношения к подвигу Старичкова, стало играть роль зримого олицетворения совершённого в 1805 году героического поступка. Знамя стало городской реликвией. В 1866 году после торжественного парада оно было установлено в Троицком кафедральном соборе, ныне хранится в Калужском объединённом музее-заповеднике.

В годы Великой Отечественной войны подвиг нашего земляка зазвучал с новой силой, о нём писали на страницах газет, агитационных изданий, в Калужском краеведческом музее была открыта выставка знамен, среди которых важное место было отведено знамени Азовского полка.

25 января 2006 года Калужской городской думой было принято решение об установлении на доме памятной доски.

28 июня 2006 года городская дума постановила присвоить С. А. Старичкову звание «Почётный гражданин города Калуги».

Памятная доска. Находилась в Троицком кафедральном соборе у «знамени Старичкова»

Дом Старичкова. Фото 9 сентября 2006 г.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ДОМА

Елена Орлова,
директор районного краеведческого музея г. Кондрово

«На высоком берегу впадающей в Угру Шани, трудолюбиво обслуживающей турбины писчебумажной фабрики, стоит построенный покоем и выкрашенный в жёлтый цвет просторный двухэтажный дом. Против главного подъезда, за традиционным кругом акации, красуется гордость губернии, построенная, согласно местному преданию, по проекту Растрелли, небольшая церковь. С северо-востока её охватывает тихий мир прицерковного погоста: деревянные покосившиеся кресты среди густых кустов сирени и жасмина...

Отец — главный директор известных на всю Россию писчебумажных фабрик. Мы занимаем прекрасную служебную квартиру в десять комнат. Помню зеленовато-коричневый полумрак отцовского кабинета, лунный свет маминой мягкой гостиной, обтянутой голубым шёлком, душистый утренний воздух в открытых окнах наших больших детских и всегда залитой золотым солнцем — вероятно, царственный обман благодарной памяти — двухсветный зал в цветах и растениях, с двумя высокими стеклянными дверьми, выходящими на охватывающий весь фасад дома балкон. Под балконом, с которого летом бывало так весело смотреть на разбросанные по зелёному газону яркие цветочные орнаменты, темнел вход в сырую, пахнущую землёю оранжерею с таинственно-страшноватой витой лестницей, по которой мы с братом пробирались в биллиардную, затейливую комнату с камином, очень высокими кожаными диванами вдоль стен и киями в особых стойках...».

Так начинается глава «Детство» в книге известного философа и писателя Русского зарубежья Ф. А. Степуна, проведшего детские годы в Кондрово и жившего в этом доме. Здание имеет сложную историю и несколько неофициальных названий, закрепившихся в обиходе: «Барский дом», «Большой дом», «Дом Щепочкина»... В настоящее время это объект культурного наследия муниципального значения «Дом П. Г. Щепочкина, начало XIX в., и В. Д. Мещерина, середина XIX в.».

Из акта историко-культурной экспертизы:

«Рассматриваемый дом расположен в центре города Кондрово, на левом высоком берегу запруженной реки Шани, за которой напротив дома возвышаются и простираются многочисленные корпуса Кондровской бумажной фабрики. Правобережье

представляет собой низкий и пологий берег, по преимуществу занятый производственной застройкой. К рассматриваемому дому прилегает главная площадь города, к которой сходятся и от которой расходятся многие его улицы и дороги. Вблизи дома, севернее от него, возвышается Спасская церковь, составляющая с ним главный историко-архитектурный комплекс Кондрова.

Дом поставлен над активной частью склона, спускающегося к реке: благодаря такой постановке и своему довольно крупному объёму он хорошо виден в панорамах города и вместе со Спасской церковью играет в них доминирующую роль. Это довольно крупное, П-образное в плане здание переменной этажности, обращённое главным южным фасадом к реке Шане. Здание состоит из первоначального центрального

объёма и поздних Г-образных в плане крыльев, поворачивающих к северу и образующих двор, который ограничен зданием Спасской церкви. Восточное крыло вытянуто к северу больше, чем западное крыло. Центральный объём включает три этажа, перекрытые на два ската, а крылья — по два этажа».

История дома имеет несколько периодов. Можно полагать, что он был возведён Павлом Григорьевичем Щепочкиным на рубеже XVIII–XIX веков, одновременно с корпусами Кондровской бумажной мануфактуры, основанной в 1800 году.

Павел Григорьевич Щепочкин — один из пяти сыновей Григория Ивановича Щепочкина от брака его с Натальей Прокофьевной, урождённой Демидовой. Дата рождения Павла Григорьевича точно не установлена: по одним сведениям, он родился

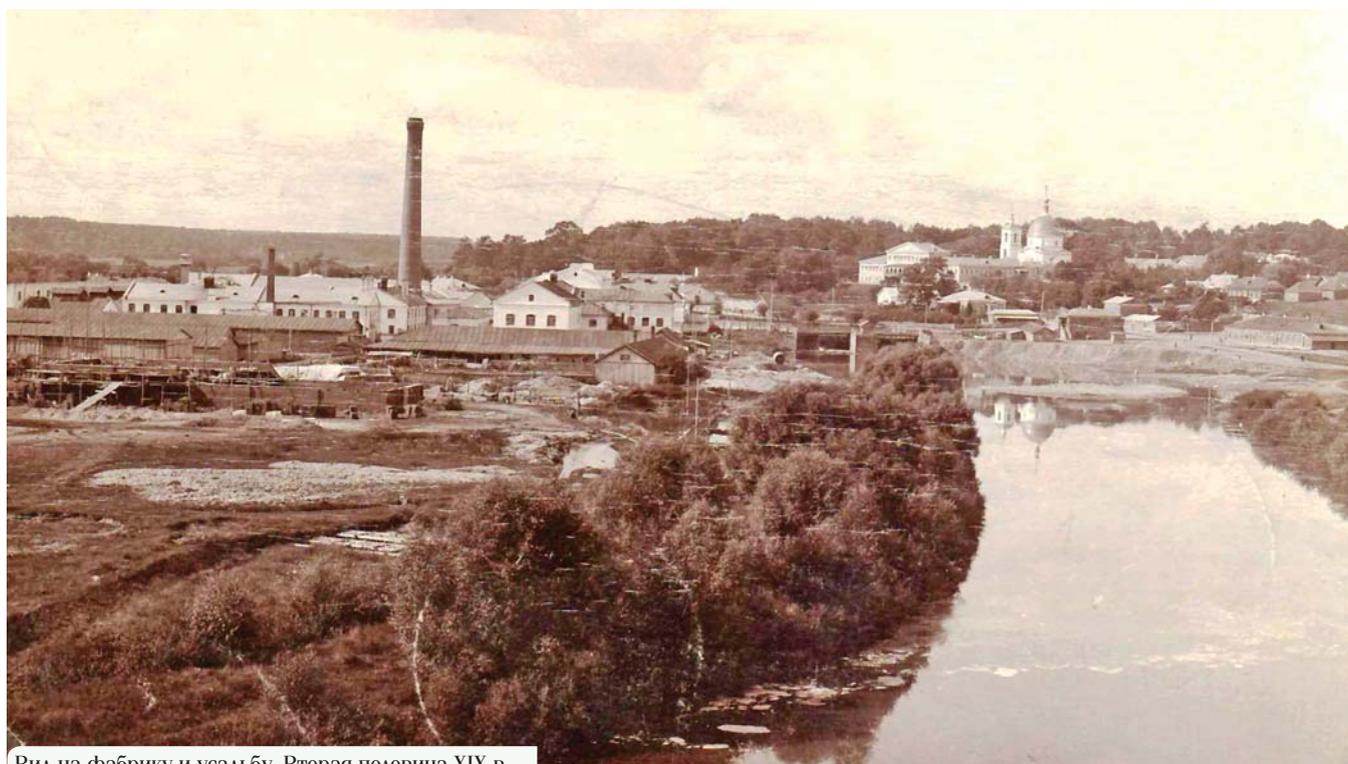
Большой дом. Начало XX в.

в 1759 году, что более верно, по другим — в 1767 году. Но по дате погребения — 27 октября 1834 года — он записан в возрасте 75 лет, что подтверждает год его рождения — 1759-й. Место его рождения неизвестно.

После смерти родителя в 1781 году отставной поручик лейб-гвардии

Преображенского полка Павел Григорьевич Щепочкин получил в наследство две полотняные фабрики: в селе Опакове Юхновского уезда и селе Згомь Медынского уезда. Женившись на дочери надворного советника Гаврилы Ивановича Поливанова, он в 1801 году приобрёл его

родовое имение в Медынском уезде: село Екимково, деревню Мишнево и Гаврилову Слободу. В браке с Александрой Гавриловной родилось десять детей, но до совершеннолетия дожили восемь дочерей Щепочкиных. Все они были с богатым приданым очень удачно выданы замуж.

Вид на фабрику и усадьбу. Вторая половина XIX в.

Панорама Кондрова. Конец XIX — начало XX в.

В тяжёлую годину Наполеонового нашествия на Россию Павел Григорьевич проявил себя как ревностный патриот Отечества, передав предводителю юхновского дворянства С. Я. Храповицкому огромную сумму денег — 20 тысяч рублей — для организации обороны Юхновского уезда. Это пожертвование историки называют «единственной крупной суммой» из пожертвованных дворянами Смоленской губернии, составляющей

44% от всех собранных в губернии денежных средств. Прославился он и как меценат-благотворитель, и как знаток и ценитель литературы. Ну а в памяти жителей Кондрова он остался как владелец знаменитого особняка.

Поначалу дом представлял собой простое прямоугольное здание, без третьего этажа и с четырехскатной кровлей. В 1820 году П. Г. Щепочкин завершил постройку Спасской церкви, расположенной к северу

от Большого дома. У старожилов Кондрова существует легенда, что дом и храм были связаны подземным ходом.

В 1836 году, согласно отдельному акту, кондровское имение Павла Григорьевича переходит во владение его дочери Елене Павловне, в замужестве Мещериновой. Муж её, Василий Дмитриевич Мещеринов, генерал-майор, кавалер многих орденов и наград, в это время выходит

Дом Щепочкина. Начало XX в.

В.О. Говард (1807 – ?)

в отставку. С 1848 по 1853 год он состоит предводителем дворянства Калужской губернии

В 1840 году новыми владельцами здания (Мещериновыми), была произведена крупная переделка дома, включившая надстройку его третьим этажом и пристройку больших Г-образных в плане крыльев, образовавших двор с северной стороны здания. Об именно таком составе работ свидетельствуют различия размеров кирпичей в стенах центрального объёма и в стенах крыльев, а также отступы наружных стен крыльев относительно стен центрального объёма, различия форм карнизов тех и других стен, несоответствия на фасадах осей проёмов третьего этажа и осей проёмов нижних этажей, разные своды в помещениях цокольного этажа — по преимуществу крестовые в центральном объёме и коробовые в западном крыле. Вместе с тем в ходе этих работ, очевидно, были переложены многие проёмы в стенах нижних этажей центрального объёма. Западное крыло здания получилось большей ширины, чем восточное крыло: это может объясняться ослаблением в 1840-х годах строгих норм классицизма, требовавших симметричных архитектурных решений, и усилением внимания к бытовым потребностям владельцев домов.

Руководил этими работами архитектор Пётр Иванович Гусев, уроженец соседнего села Троицкого и до 1832 года крепостной помещиков и владельцев Троицкой бумажной фабрики — Хлюстиных. Он известен как создатель целого ряда жилых

Семья Хинчиных на балконе Большого дома. Начало XX в.

и культовых зданий в Калужской губернии, и в первую очередь здания Калужского Дворянского собрания, с обликом которого весьма схож Большой дом в Кондрово.

В ноябре 1853 года в возрасте 74 лет Василий Дмитриевич Мещеринов умирает (похоронен в Лаврентьевом монастыре), и на следующий год овдовевшая Елена Павловна продаёт Кондровское имение с бумажной фабрикой и со всеми принадлежащими ей строениями, в том числе и с Большим домом, Вильяму Оттовичу Говарду (в крещении Василию Осиповичу) — англичанину, принявшему российское подданство и основавшему в 1858 году акционерное общество «Троицко-Кондровские писчебумажные фабрики В. Говарда».

С 1858 по 1871 год В. О. Говард со своей семьёй жил в этом доме. Тогда же, предположительно, произошли ещё некоторые изменения в архитектуре здания: были удлинены левый и правый флигели, в левой (разрушенной) части располагались комнаты для проживания специалистов-механиков, прибывавших на длительные сроки из-за рубежа. Прожив необходимое количество времени, сделав работу, они уезжали... В начале XX века строительная история дома была дополнена: восточное крыло здания было значительно увеличено в длину.

Компания Говарда достигла широкого развития. Фабрики были поставлены на путь широкой промышленной деятельности. Положено начало консолидации крупной индустрии в руках промышленных компаний. Венцом

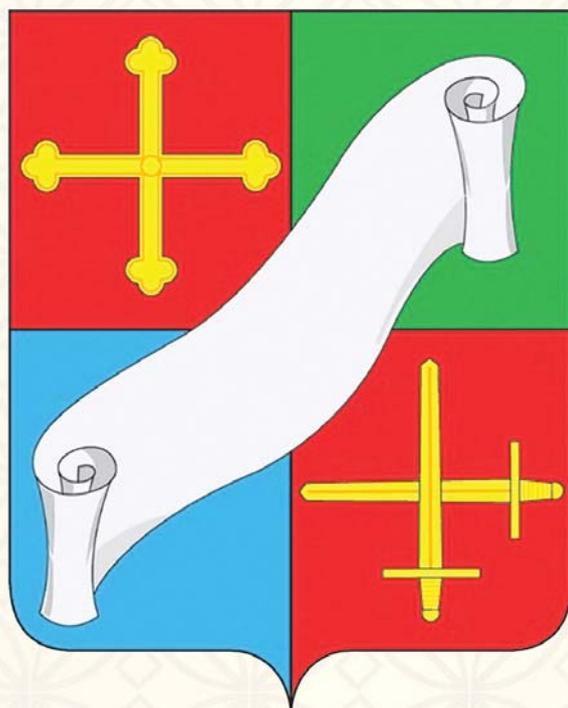
производственных успехов компании Говарда стало приобретённое ею в 1871 году право изображать на этикетках своей продукции и на своих знаках имперского орла. По тем временам это было наивысшей российской наградой промышленнику. Качество широкого ассортимента бумаги не раз отмечалось главными поощрениями, и в 1886 году Акционерное общество Говарда обрело право изображать сразу уже четырёх государственных орлов, что являлось исключительной редкостью.

После отъезда хозяина компании за границу здесь жили управляющие «Троицко-Кондровскими писчебумажными фабриками В. Говарда»: А. А. Степун и Я. Г. Хинчин. В доме провели свои ранние годы их дети, получившие позже большую известность: Фёдор Августович Степун (1884–1965), о котором говорилось в начале очерка, и крупный советский математик Александр Яковлевич Хинчин (1894–1959).

После революции и национализации фабрик дом был передан в жилой фонд Кондровского бумажного комбината, разделён на квартиры и плотно заселён. Разделение на квартиры вызвало значительную перепланировку здания, по преимуществу возведением многочисленных перегородок. В конце 1980-х годов сильным пожаром было полуразрушено западное крыло здания. Восстановление не было произведено, и крыло продолжает разрушаться.

Такова история одного старинного дома. История, которая продолжается и сейчас, в XXI столетии. ■■

БУМАЖНЫЙ СВИТОК И СКРЕЩЁННЫЕ МЕЧИ

История города Кондрово начинается после Смутного времени, на заре XVII века, в 1615 году, когда в 40 верстах к северо-западу от Калуги на берегах реки Шани появилось поселение Кондырёво. Строительство в 1785 году бумажной фабрики определило дальнейшую жизнь многих поколений кондровчан, связанных с бумажным производством. В 1929 году село Кондырево было преобразовано в рабочий посёлок. Ещё через девять лет посёлок стал городом Кондрово, входящим сначала в Смоленскую область, а с 1944 года — в Калужскую. С 1962 года Кондрово является административным центром Дзержинского района.

В геральдическом отношении Кондрово повезло меньше, чем Дзержинскому району, имеющему свою официальную символику, — до сих пор герб города не утверждён решением представительного органа власти.

Роль городского герба исполняет геральдический знак /эмблема: в зелёном щите — серебряный рулон бумаги, обременённый золотой четырёхконечной звездой и поверх неё — серебряной кипой бумаги с золотым рисунком на верхнем листе. Рисунок — силуэт здания бумажного комбината с водонапорной башней. Четырёхконечная звезда — стрелки компаса, символически указывающие на стороны света, куда направляется выпущенная в городе бумажная продукция.

Существует также не утверждавшийся официально проект герба города Кондрова, приведённый в книге И. Е. Горолевича «Геральдика земли Калужской. Прошлое, настоящее и будущее» (Калуга: Гараль, 2006): «В зелёном поле повышенный серебряный пояс в виде развёрнутого бумажного свитка, под которым золотой сапожный молоток», что показывает приоритетное развитие в городе бумажного производства и обувных промыслов.

Герб Дзержинского района утверждён Решением Дзержинского районного Собрания Калужской области от 17 июля 2008 г. № 258 и внесён в Государственный геральдический регистр Российской Федерации с присвоением регистрационного номера № 4237.

Описание герба Дзержинского района гласит: «В четверчастном червлёном, зелёном, лазоревом и вновь червлёном поле поверх всего — серебряный свиток, разворачиваемый в левую перевязь и сопровождаемый в первой четверти золотым трилистным крестом, а в четвёртой — двумя золотыми мечами в крест».

Языком символов и аллегорий районный герб отражает исторические, культурные и экономические особенности края, имеющего богатую и славную историю. Именно здесь в 1480 году произошло Великое стояние на реке Угре, положившее конец ордынскому игу. Изображение скрещённых мечей в гербе района напоминает об этом знаменательном событии.

Крест в гербе символизирует многочисленные памятники культуры — храмы, самый известный из которых Тихонова пустынь, обитель преподобного Тихона Калужского чудотворца.

Символика белого (серебряного) свитка многозначна: Дзержинский район — исторический центр бумажного производства России; свиток как символ творчества и вдохновения аллегорически указывает на пребывание в этих краях великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина: семье Гончаровых принадлежало имение Полотняный Завод.

Деление щита образно отражает проходящие через территорию района железнодорожную магистраль Тула — Калуга — Вязьма и две автомагистрали: Москва — Киев и Калуга — Юхнов.

Чередование красных и зелёных частей символически показывает многообразие природы района.

Жёлтый цвет (золото) — символ урожая, богатства, стабильности, уважения и интеллекта.

Белый цвет (серебро) — символ чистоты и совершенства, мира и взаимопонимания.

Красный цвет — символ мужества, силы, трудолюбия, красоты.

Голубой цвет — символ чистоты помыслов, чести, преданности, истины и добродетели.

В отличие от большинства районов Калужского края Дзержинский район обрёл свои геральдические символы недавно, но это не умаляет их высокого значения и достоинства. ■

Значок с гербом Дзержинского района

Эмблема города Кондрово. 1988 г.

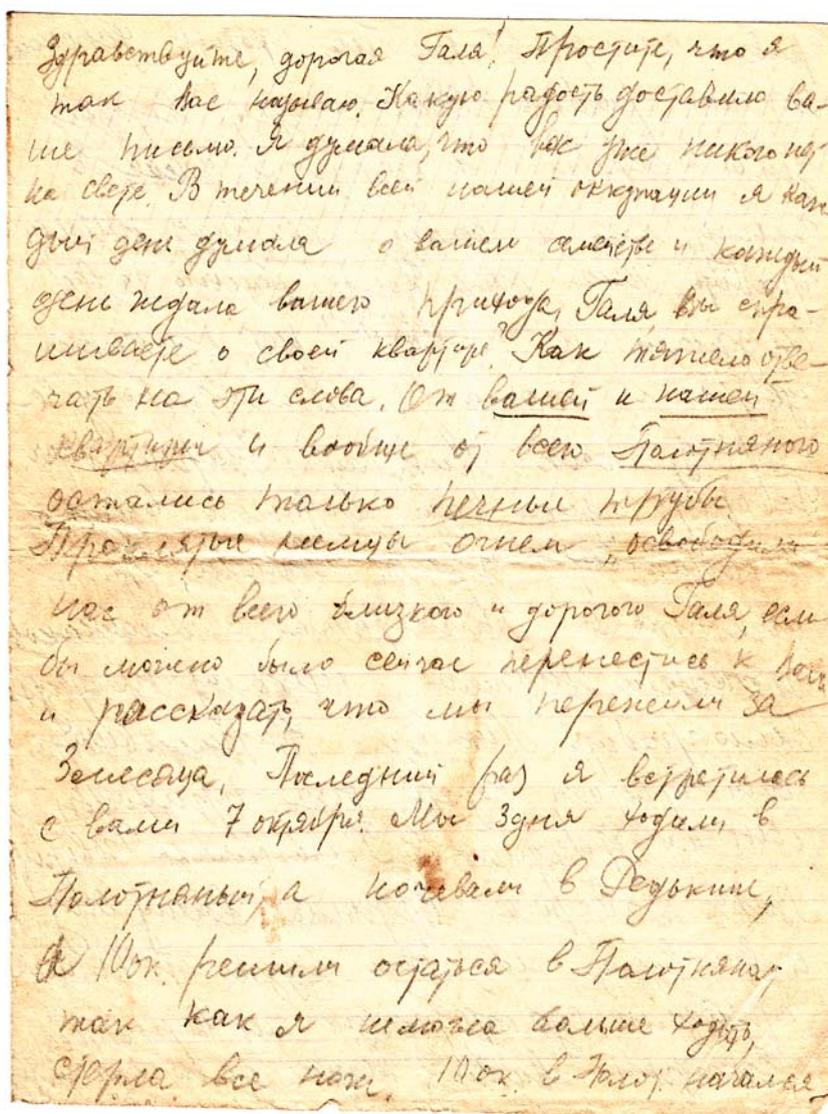

Эмблема Кондрово на стеле при въезде в город

ПИСЬМО ИЗ ВОЕННЫХ ЛЕТ

В архиве одной из полотняно-заводских семей сохранилось уникальное письмо, написанное менее чем через два месяца после освобождения Полотняного Завода учительницей, подписавшейся А. А., своей соседке по дому Галине Николаевне Соколовой. Подробное описание пережитых событий, многочисленные детали происходящего и передача личных переживаний в описании пережитых ужасов оккупации, делают это письмо ценнейшим источником по истории Полотняного Завода в годы Великой Отечественной войны.

При издании сохранен стиль изложения письма, в квадратных скобках раскрыты сокращения. Ряд фамилий указанных в начале письма, по этическим соображениям, не публикуется.

Здравствуйте, дорогая Галя!

Простите, что я так вас называю. Какую радость доставило ваше письмо. Я думала, что вас уже никого нет на свете. В течение всей нашей оккупации я каждый день думала о вашем семействе и каждый день ждала вашего прихода. Галя, вы спрашиваете о своей квартире? Как тяжело отвечать на эти слова. От вашей и нашей квартиры и вообще от всего Полотняного остались только печные трубы. Проклятые немцы огнем «освободили» нас от всего близкого и дорогого. Галя, если бы можно было сейчас перенестись к вам и рассказать, что мы пережили за 3 месяца. Последний раз я встретилась с вами 7 октября. Мы 3 дня ходили в Полотняный, а ночевали в Редькине, а 10 ок[тября] решили остаться в Полотняном, так как я не могла больше ходить, стерла все ноги. 10 ок[тября] в Полот[няном] начался грабёж складов. Народ на этом не успокоился, начали грабить своих соседей, которые ушли в деревни. И вдруг, о ужас, я слышу, что и вашу квартиру начали грабить. Мне так было больно за вас, неужели у людей нет никакого чувства к такому замечательному человеку, как Николай Кириллович. Говорят, один ваш ботинок взяли Х-вы, а другой А-вы. После как-то я разговаривала с Х-ми и сказала, неужели никому не стыдно было грабить Николая Кирилловича, они ответили, пусть они приходят, мы им все отдадим. Х-а говорит Варя З-ва отрыла вашу яму и все взяла себе. Как будто, это вы им приказали сделать, если

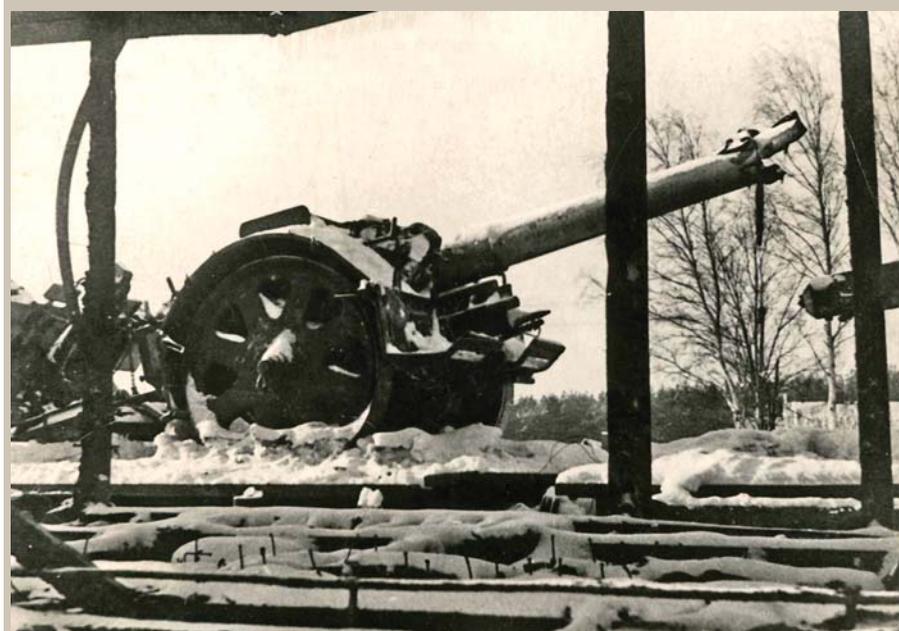
не вернетесь. 3-вы ваши вещи долго хранили, а потом их взяла полиция.

Вашу семью я каждый день видела во сне. Вот вижу, вы с папой вернулись в Полотняный, очень печальные, так как у вас ничего нет, я начинаю вам говорить, где находятся ваши вещи. Но это был только сон. Потом понемногу стали возвращаться наши: Киселева В. Т., Лебедева П. Т., Василева Ю. В., Василева А. Н., им не удалось дальше ехать. Сколько радости доставляла эта встреча.

11 окт[ября] в 9 ч[асов] наш Полотняный был занят немцами. Если бы вы знали, как было тяжело на душе, когда на нашу землю вступили их грязные ноги. Казалось, солнце померкло. Я полтора месяца не выходила из дому. Казалось, сейчас с нами начнется расправа. К счастью, в нашем доме они не жили, так как у нас было очень холодно. Если у кого двери были закрыты на замок, то они их ломали, входили и начинали хозяйничать. Топили целые дни, а двери и окна растворяли. Все дрожали за свои дома. В декабре они начали отступать, мы все это чувствовали, но немцы говорили, что они едут в Берлин на отдых. Если бы вы видели, как они издевались над нашими пленными, не кормили, если кто отставал, то тут же убивали. Сейчас в сквере, в братской могиле похоронены убитые пленные. Наши некоторые учителя их смотрели. Нет ни одного лица, которое не было бы обезображено ударами. Некоторые от удара закрывали лицо руками, пальцы так и впилась в лицо. На Садовой улице повесили одного человека и больше недели не снимали. Но самое ужасное началось с 13 января. К нам стали лететь снаряды, все жители ушли в подвалы. Мы также бросили свой дом и ушли в подвал. Последний раз я была в своем доме 14 января, больше его мне уже не пришлось видеть. В подвале пришлось все пережить за Колю. Одевали на голову платок, так как немцы уводили мужчин и даже 15-летних мальчиков. 14 января немцы зажгли Московскую улицу, мы сидели в подвале, кто-то вздумал выйти на улицу, открыли дверь, кругом весь снег имел розовый цвет от огня; меня всю затрясло, я думала, что, вероятно, это горит наш дом. Утром слышу, дом пока цел. День был перерыв. 18 янв[аря] на нашей улице начали жечь. Если бы вы знали наши переживания: летят снаряды, слышим, то там ранило, то там убило жителей. Вдруг приходит к нам в подвал хозяйка подвала и говорит: сейчас начнут поджигать ее дом, нам нужно вылезать. Вылезаем в соседний подвал, в нем около сотни или больше людей, ждем смерти.

ПОЛОТНЯНЫЙ ЗАВОД В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Вот входит в подвал А. Т. Лаврова с больным старым Александром Лаврентьевичем; садиться негде, я попросила Колю, чтобы он на свое место посадил этого несчастного, умирающего старика. Я никогда не забуду этой картины, только кто не имеет человеческой души мог смотреть без слез на него. Кругом плачут дети. Поставили сторожа, чтобы он нам сообщал, что происходит наверху. Говорят, что на Жировой горе уже слышно русское «Ура». Ждем, сгорят ли наши дома или нет. Вдруг в подвал спускается человек, говорит, что дом над подвалом горит. Мама собирается взять подушку, мое одеяло, продукты. Я говорю: «Бросай, выходи, жизнь дороже». Выходим, дом весь в огне, если бы еще несколько минут, мы бы все погубили. Вещи в подвале наши все погорели. Немцы бьют окна, наша улица пылает, я даже не взглянула на свой родной дом, пошли за амбулаторию и сели в яму, образовавшуюся от бомбежки. Коля с мамой смотрели, как горел наш дом. Коля говорит: «Вон падает балкон». Я только говорю: «Не говори, не терзай меня». А сама думаю: вот бедные козы, куры, кролики, кошка, задыхаются в дыму, никто не поможет, а кругом целые море огня. Вот загорается Бумажная, Калужская, Уткино. Кругом ни крика, только слышно, хоть бы самих не убили немцы. Некоторые хотят затушить свои дома, немцы наставляют винтовки. Сидеть страшно, в амбулатории трещат ракетные снаряды, кругом сидят маленькие дети, замерзли от холода. Начинает стелиться дым, кажется, сейчас задохнемся. Хотя и очень страшно, идем с мамой на свое пепелище, кругом лужи растаявшего снега, по колена промачиваем ноги, боимся подойти к дому, так как кругом взрываются мины. Вот раздался страшный удар — взорвали столовую. Вдруг нечеловеческие крики: около Ерохина взорвался склад. Жертвы и плач родных. Люди спешат занять оставшиеся дома Дуня Шумкина и зав. детсадом Капустина Варя. Взрыв — от дома одни кирпичи, они гибнут. Подхожу к закуте, где были козы: одни обгорелые трупы. Все ценные вещи, которые прятали от немцев и полиции, сгорели. Подходим к стене, где были в снегу папино пальто и братнина шуба — сгорели. К счастью, остался наш каменный склад. Поселились в нем 13 человек. Жильцы между собой ругаются. Находимся в страшном дыму. Я первый день после пожара думала, сойду с ума. Нет ни корыта, ни топора, ни ножниц, ни пилы, ни утюга, ни белья. Нет ни одного стола, ни стула, перины, машинка, одеяла — все погибло. Сколько

у мамы было яиц, сушеных грибов, маринованных опят, что вам перечислять, когда у вас самих все это было! Зачем мы только с вами собирали! Как мне жаль мою любимую этажерку, книги и портреты. Только мысль, что пока сами живы, немного заглушала тоску. Вероятно, вы ни в одной картине не увидите того, на кого похож наш Полотняный. Сейчас немного приходим в себя. Получаем 300 г хлеба, а мы, учителя, получаем 400 г Собираются открыть 1–2 кл[ассы]. Парт еще нет. Пошляковская школа осталась цела, только была минирована. Гончаровская сгорела, Новостройка — середина взорвана, Прохоров цела. Многие на Д. С. Глухареву пишут письма, справляются о своих. Иван Митрофанович тоже на нее послал письмо, справляется о вас. Я ваше письмо прочитала нашим учителям, они с большой радостью слушали его. Все вам шлют привет. Александр Лаврентьевич умер, Н. А. Глухарев очень болен — воспаление легких. Пишу, а по улице идет печальная процессия — хоронят Олечку Мельникову, лаборантку ф[абри]ки, золовку К. Г. Мельниковой. Умерла от менингита.

Кончаю писать, потому что больше нет бумаги, да и всего не опишешь. Иван Титыч, Ляшкевич и еще полная учительн[ица], кажется, ее зовут Лидия Иван[овна], Иван Ив[анович] Исаев сидят. Зина Баш. Работает официанткой. Инна Мир со своей семьей в 7 ч[еловек] живет в крохотной бане. К. Зрячкина роет землянку. Зинин Б. дом цел, но немцы увели А. П. Масленникова и А. Ив. Щербакова, их зятьев. У Веры Башковой(?) двое детей. У О. Г. Барютиной и Е. М. Пушкиной дома целы. Галя о вашей корове слышала, что как будто ее взяли в больницу, но немцы при отступлении постреляли очень многих коров и пожгли, так что о дальнейшей судьбе вашей «милки» я не знаю. Машинку, как будто, Нина взяла к себе. Кондрово и Троицкое почти все цело. Старки, Уткино, Редькино почти все сожжено. Очень печально слышать, что болеют ваши ребяташки и мама. Желаю им быстрее выздороветь. О, если бы можно повернуть жизнь назад, когда мы с вами были на выставке и не думали, что над нашими головами пронесется такая страшная гроза.

Привет Николаю Кирил[ловичу], Марии Фед[оровне], Марусе и ребяташкам. Пишите в Троицкое, может быть, цела Марусина квартира, и приезжайте. Очень желаю всех вас видеть.

10 / III — 42 г. А. А.

Как получите, пишите ответ. ❧

СПАСЁННЫЙ МУЗЕЙ

Светлана Калужская,
старший научный сотрудник
Государственного музея истории космонавтики им. К. Э. Циолковского

Память о великом учёном Константине Эдуардовиче Циолковском свято хранят в России. Его образ запечатлён в бронзе и мраморе, о нём пишут книги и снимают кинофильмы, а главное, его труды успешно претворяются в жизнь. Но навсегда одним из самых замечательных памятников останется небольшой дом у Оки, навеки сохранивший в своих стенах жизнь и быт гениального самоучки, ставшего основоположником мировой теоретической космонавтики.

Дом-музей Константина Эдуардовича Циолковского находится на окраине Калуги. Из 40 лет жизни в Калуге 29 лет жизни учёного связаны именно с этим домом. Здесь им были написаны десятки важнейших работ по воздухоплаванию, авиации, реактивному движению, космонавтике, философии и многим другим проблемам.

Собственный дом на Коровинской улице Циолковские приобрели только в 1904 году, до этого проживали на съёмных квартирах. Сначала в нём была только одна жилая комната, маленькая кухня с чуланом и холодные тёмные сени, но покупкой все остались довольны. В 1908 году после весеннего паводка одноэтажный дом был надстроен — появились рабочий кабинет и застеклённая веранда-мастерская, о которой учёный мечтал давно. Появилась небольшая комната и у супруги учёного Варвары Евграфовны. Она вспоминала о наводнении и последующей перестройке дома так: «Вода хлынула в дом сразу, и войти в него было нельзя. Её уровень быстро достиг полутора аршин. ...Мы сняли квартиру на горке... и дожидались спада воды. Константину Эдуардовичу не терпелось. Он любил свой дом. Ещё не просохло в комнатах, а он уже торопился перейти туда. Вскоре была поставлена «светёлка»».

В 1933 году семья Циолковских переехала в новый благоустроенный дом, подаренный учёному калужанами в связи с его 75-летием (сейчас ул.

Циолковского, 1). К сожалению, Константин Эдуардович прожил в новом доме всего полтора года. 19 сентября 1935 года основоположника звездоплавания не стало.

Спустя несколько месяцев было принято решение о создании музея Циолковского. В старый дом вновь вернулись личные вещи, книги, инструменты Циолковского, которые передали жена учёного Варвара Евграфовна и его дочери Любовь и Мария. 19 сентября 1936 года музей учёного открылся для посетителей. За первые четыре часа работы он принял небывалое количество гостей — 1050 человек. Уже тогда личность учёного и его научная деятельность привлекали внимание не только людей науки, но и военнотружеников, рабочих, учащихся. На первом этаже была развёрнута научно-техническая экспозиция. На втором этаже была представлена обстановка рабочей комнаты учёного и его личные вещи. В мастерской обращали на себя внимание посетители инструменты, гофрировальные валы, станки учёного, а также модели дирижаблей его конструкции. Помогал наладить работу музея известный популяризатор науки Борис Никитович Воробьёв, хорошо знавший учёного и его семью. Он же позднее стал хранителем научного архива учёного.

Вероломное нападение гитлеровской Германии на нашу страну прервало мирную жизнь миллионов советских людей. Война принесла разорение, грабежи населения

на захваченных территориях, а также осквернение и уничтожение многих исторических и культурных памятников. Среди таких почитаемых памятников, где бережно сохранялась история страны и память о её гениальных представителях, был и Мемориальный дом-музей К. Э. Циолковского.

В начале сентября 1941 года Б. Н. Воробьёв, который тогда занимался эвакуацией из Москвы научно-го архива К. Э. Циолковского, успел написать директору музея П. С. Рыжичкину письмо с рядом рекомендаций. В случае необходимости он требовал соглашаться на эвакуацию куда-нибудь в Поволжье, Казань, а ещё лучше, в Омск, где мягче климат, дешевле жизнь и легче с жильём: «Экспонаты совершенно необходимо упаковать в ящики для хранения от поломки с надписями на каждом из них адреса отправителя и пункта назначения». Вскоре пришло распоряжение готовиться к эвакуации. Все экспонаты и имущество музея были тщательно упакованы в ящики, но ожидаемый транспорт так и не пришёл.

Фашисты оккупировали Калугу 12 октября 1941 года. «Откровенно говоря, я никогда не ожидала увидеть немцев в своём родном городе», — писала позднее в своих воспоминаниях Любовь Константиновна Циолковская. Она очень беспокоилась за музей, за сохранность экспонатов. Так как экспонаты вывезти в тыл не удалось, часть из них

Дом-музей перед войной

Рыжичкин и сторож музея Вакалюк, рискуя собственной жизнью, спрятали на чердаке дома Рыжичкина, жившего неподалёку. Но спрятать удалось не всё. Самый большой ящик так и остался в одной из комнат музея. Первые «посетители» нагрянули уже на следующий день, 13 октября. Стали ломать двери, чтобы прорваться в дом. Находящийся внутри директор открыл им. Пройдя по комнатам, солдаты порылись в вещах из ящика, и, взяв микроскоп и новый комплект покрышек и камер для велосипеда, ушли. 18 октября прибыла группа солдат-связистов, которая обосновалась в музее почти на два месяца.

Прежде всего они стали оборудовать комнату для своих начальников. Для этого из «траурной комнаты» (в ней находились траурные венки, посмертная маска и другие предметы, связанные с увековечиванием памяти учёного) все предметы были выкинуты во двор, а комнату заняли офицеры. В самой большой комнате первого этажа, где когда-то рассказывалось о жизни и научной деятельности Циолковского, о претворении его идей в жизнь, расположились солдаты.

Здесь, среди уникальных моделей летательных аппаратов, они спали, играли в карты и пьянствовали. Повсюду валялись осколки стекла от разбитых физических приборов. С какой-то варварской дикостью они разбили четыре скульптурных бюста учёного, которые ранее экспонировались в музее.

Немцы сильно мёрзли, поэтому печь на кухне топилась круглые сутки. В ней были сожжены все музейные витрины, ворота, скамейки, а также деревянные вещи, которые находились в комнатах. В печах сгорели многие мемориальные предметы: деревянная кровать с поднимающимся изголовьем, сделанная руками самого Циолковского, валы для гофрирования жести и книжный шкаф с полным собранием его печатных трудов, книгами и журналами на иностранных языках. Погибли уникальные детали пишущей машины системы Циолковского, восстановить которые оказалось невозможно. Слуховые трубы Циолковского (их было несколько) немцами использовались в качестве воронок для переливания бензина. А те, которые не пригодились, были варварски растоптаны,

исковерканы до неузнаваемости. Попыталась спасти музейные предметы от уничтожения 70-летняя мать директора музея, А. А. Иванова. Смелая женщина пришла к оккупантам и предложила отдать свои дрова, но не трогать музейные предметы. С ней даже не стали разговаривать и выгнали на улицу. Вещи продолжали бросать в печь.

На втором этаже, в рабочем кабинете Циолковского, был устроен склад продуктов. Здесь хранились мука, крупы. В курятник превратилась знаменитая мастерская учёного. Здесь держали около двух десятков кур, которых воровали в соседних домах. Рубили им головы прямо на рабочем столе учёного. Фашисты уничтожили три уникальные модели дирижаблей конструкции Циолковского. Оставшиеся две двухметровые модели стали молчаливыми свидетелями прошлого. Они могли рассказать многое, например, о том, как их превратили в мишени, жестоко пронзали штыками и расстреливали из автоматов. Эти следы до сих пор напоминают гостям музея о том страшном времени. Единственным

Пролетарии всех стран, соединитесь!

Год издания третий.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПРАВДА

Орган Микояновского района ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся, Ханты-Мансийского национального округа, Омской области.

№ 45 (260)

11 июня, четверг, 1942 г.

Цена 10 коп.

Нота Народного Комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова

О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления

Продолжение. См. нашу газету № 42, 43, 44.

В известном приказе генерал-фельдмаршала фон Рейхенау сохранился прямой приказ к актам вандализма со стороны германской армии. Кому-то из вандальцев, «никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения». В приказе за № 0973/41 командующий германской 17-й армией генерал Хот требует от своих подчиненных полного усвоения типичной для тугополовых фашистов человеконенавистнической идеологии, в том, что «здоровое чувство мести и отвращения ко всему русскому должно не подавляться у солдат, а, напротив, всячески поощряться». Со свойственной немецким фашистам омерзительной умеренностью «расной идеологии» гитлеровское правительство воспитывает новую армию в духе ненависти ко всем проявлениям русской культуры, великое мировое значение которой обществу. В надменной у многих германских офицеров наметке под названием «Двенадцать заповедей поведения немцев на Востоке и обращение с русскими» даются следующие не достойные культурных людей указания:

«Поскольку занятые районы должны быть завоеваны для Германии надолго, вы должны соизволять, что является представителями расы Гитлера и новой Европы. Поэтому вы должны проводить с достоинством даже жесточайшие и самые бесчеловечные мероприятия, которые санкционируются германскими интересами. В противном случае вы не сможете больше занимать ответственные посты на родине. Дерзните русских на отдалении от себя. Никогда не забывайте, что вы не немцы, а славяне. Остерегайтесь русской интеллигенции, — как новой, советской интеллигенции, так и эмигрантов, — она ни на что не способна. Русского вы не переубедите. Не разговаривайте с ними, а действуйте!»

Впервые совсем обычай уничтожения общепризнанных ценностей культуры, гитлеровцы на захваченных ими советской территории повсеместно разрушили и в значительной части сожгли книгохранилища, от небольших клубных и школьных библиотек до ценнейших собраний, рукописей и книг, содержащих уникальные библиографические ценности. На территории временно захваченной ими части Московской области оккупанты разрушили и разграбили 12 библиотек, 4 музея и 54 театра и кинотеатра. Гитлеровцы разграбили и сожгли дом-музей С. Пущкина в посёлке Покровский Завод. В Калуге гитлеровцы старательно уничтожали экспонаты дома-музея, в котором жил и творил знаменитый русский ученый К. Э. Циолковский, чьи заслуги в области авиации пользуются всемирной известностью. По портретам Циолковского фашистские вандализм разлили из револьверов. Ценнейшие модели дирижаблей, чертежи приборов были растоптаны. В одной из комнат музея был строн курятник, мебель сожжена. Одно из старейших сельскохозяйственных учреждений ССР — Шатловская селекционная станция в Орловской области — уничтожено оккупантами, взорваны и преданы огню 55 зданий этой станции.

включая агрохимическую и другие лаборатории, музей, библиотеку в 40 тысяч томов, школу и другие здания.

На Украине и в Белоруссии гитлеровцы с еще большим остротением громили культурные учреждения и исторические памятники. В Белоруссии оккупантами разгромлены и разворованы Белорусская Академия наук с редчайшей коллекцией исторических документов и книг, Горькая сельскохозяйственная академия, недавно праздновавшая свое 100-летие, уничтожены сотни школ, клубов, десятки театров, музыкальных учреждений и редчайшие образцы народного творчества. Нет предела вандализму гитлеровских навалов над памятниками и очажками украинской истории, культуры и искусства. Достаточно упомянуть, как пример постоянных попыток уничтожить национальное достоинство украинского народа, что оккупанты, разгромив библиотеку имени Короленко в Харькове, замостили грязью улицу книгами из этой библиотеки для удобства проезда немецких автомобилей.

Предпринимая нападение на Советский Союз, гитлеровское правительство предавалось жадным иллюзиям, что ему удастся насадить на советской земле те омерзительные идеи и практику расовой ненависти, которые несет с собой германский фашизм, но которые с презрением отвергаются культурными народами всего мира. По своей фашистской тупости гитлеровцы рассчитывали на то, что, вывав на СССР, им удастся разобщить народы Советского Союза, разбить братскую спайку народов СССР, разбить и поработить их поодиночке, уничтожить национальную культуру свободных советских народов и добиться осуществления своего нелепо-тугоумного плана онемечения народов нашей страны. В цитированной уже выше «Зеленой панке» Геринга (разд. 2: «местное население») фашисты расписали эти свои планы:

«В Прибалтийских странах германским органам следует опираться на немцев; использовать в интересах Германии противоречия между литовцами, эстонцами, латышскими и русскими... В Белоруссии учитывать, что белорусы — интеллигентным отделением далеко отстают от живущих там великороссов, евреев и поляков... На юге использовать в наших интересах возможное наличие противоречий между украинцами и великороссами... на Кавказе использовать в наших интересах противоречия между туземцами — грузинами, армянами, татарами и русскими, учинять особую недружелюбность к им армянам...»

Все расчеты немецко-фашистских захватчиков, что им удастся посеять между народами СССР национальную рознь и тем обогатить свое дело ограбления и эксплуатации нашей страны на

потребу германскому фашизму, оказались тщетными. Эти жадные расчеты полностью провалились и тем обрели на провал весь кровавый поход гитлеризма на Советский Союз.

Гитлеровские оккупанты не падают и религиозных чувств верующей части советского населения. Они сожгли, разграбили, взорвали и осквернили на советской территории сотни церквей, в том числе некоторые неополитимые памятники старинной церковной архитектуры. В тринадцати районах Московской области оккупантами разрушены 42 церкви, в древнем русском городе Старица гитлеровцами сожжены монастырь, построенный в XVI веке, в зданиях которого наступавшие части Красной Армии обнаружили наваленные штабелями пленных красноармейцев.

Священник Амвросий Гавнон пишет из села Иклинского, Московской области:

«До прихода немцев церковь была в полном порядке. Немецкий офицер велел мне все убрать из церкви... Ночью приехала войска, заняли церковь и завели туда лошадей... В церкви стали все бить и ломать, делать нары. Выбрасали все: престол, парные врата, хоругви, плахи и т. д. Одним словом, из храма сделали вертеп разбойников.»

Сбор в городе Верее был сначала ограблен оккупантами, которые похитили из него все церковную утварь, а затем превращен в застенок, в котором после бегства немцев были обнаружены 26 убитых и раненных групп красноармейцев. Из церкви села Троицкое немцы похитили церковные ризы и похитили из своих лошадей вместо попов. В селе Гостиное немцы разграбили церковь, хоругви похитили, книги разбросали, священника Михаила Страхова ограбили и увезли с собой в другой район. В селе Холм, близ Можайска, немцы ограбили и избili местного 82-летнего священника; вступая из Можайска, немцы взорвали церковь Вознесения Троицы и собор Николая Чудотворца. Как правило, именно в церковные здания немцы загоняют перед своим уходом часть населения сожженных деревень, предавая огню церковь и запертых в них людей.

Нет предела гнусным преступлениям немецких фашистов и их пособников. Нет того преступления, на которое не пошли бы гитлеровские изверги ради вышестоящего утверждения своего господства над нашей родиной.

Все это говорит о том, что преступная банда, именуемая правительством Гитлера, стремится не только ограбить наш народ, разрушить созданные им города и села и искоренить великую культуру народов СССР, но и поработить советские народы, превратить нашу славную родину в поработленную фашистами колонию.

Зверства и насилия над мирным населением в оккупированных советских районах

Нечеловеческая жестокость, которую гитлеровская клика, рожденная в насилиях над советским народом, проявила к населению европейских стран, временно оккупированных гитлеровской Германией, во много раз превзошла германской армией при ее вторжении на советскую территорию. Расправы гитлеровцев над мирным советским населением затмили самые кровавые страницы истории человечества и превосходят мировую войну и полицию разоблачают

фашистские кроваво-преступные планы, направленные на истребление русского, украинского, белорусского и других народов Советского Союза.

Этими чудовищными фашистскими планами предусмотрены приказы и инструкции германского командования об истреблении мирных советских жителей. Так, например, инструкция германского верховного командования, озаглавленная «Обращение с гражданским населением и пленными противника», обзывает, что «об-

Палет английских бомбардировщиков на Эмден

В ночь на 7 июня большое соединение английских бомбардировщиков совершило налет на германский порт Эмден. В результате бомбардировки в городе возникли пожары. Налеты были произведены также на аэродромы противника в Голландии.

(ТАСС).

церы ответственны за то, чтобы обращение с гражданским населением было беспощадным», и предписывает: «Проникать в действительную силу по отношению ко всей массе населения». В инструкции, разосланной германским командованием в качестве руководства для оккупационных властей на территории Белоруссии, сказано: «Любое враждебное поведение населения по отношению к немецким вооруженным силам и их организациям наказуется смертью. Кто убивает красноармейцев или партизан, наказуется смертью. Если партизан не нашли, следует взять заложников из населения. Этим заложников следует повесить, если виновники или их помощники в течение 24 часов не будут доставлены. В последующие сутки на этом же месте следует повесить удвоенное число заложников».

Пункт седьмой приказа №431/41 германского команданта города Феодосия капитана Эбергарда гласит:

«Во время тревоги каждый гражданин, появившийся на улице, должен быть расстрелян. Участвующие группы граждан должны быть окружены и безжалостно расстреляны. Вожаки и постреляты должны быть обязательно повешены».

В инструкции по 260 германской пехотной дивизии по вопросу об обращении с гражданским населением отдельным офицерам ставится на вид, что «необходимая жестокость применяется не везде».

Приказы, вышедшие из оккупационных в советских городах и селах, предусматривают смертную казнь по самым разнообразным поводам: за выход на улицу после пяти часов вечера, за ночлег посторонних, за невыдачу красноармейцев, за несдачу имущества, за попытки тушить пожар в населенном пункте, назначенном к сожжению, за передвижение из одного населенного пункта в другой, за отказ от принудительного труда и т. д. и т. п. К этому следует добавить, что большинство убийств производится оккупантами по поводам, не предусмотренным ни в каких приказах, а чаще всего с целью устрашения или прямого уничтожения советских людей, с целью удовлетворения неогнату цивилизованному человеку кровожадности, которая воспитывается и поощряется гитлеровцами в германской армии.

Во всех городах и почти во всех деревнях и селах, где побывали гитлеровские оккупанты, они в качестве первого шага мероприятия уличили публичные казни работников советских учреждений и предприятий, партизан и граждан, заподозренных в связи с ними. Уничтожение гитлеровской армией казни принимают и такую форму, казались бы невысказанной в наше время, как совершенная в городе Солдцы, Ленинградской области, зверская казнь заподозренных в союзнестве партизанам учителя Агеена и юности Баранова, которые были посажены на кол и трупы которых не разрешалось снимать с кола в течение двух недель.

Нечеловеческие пытки изобретают гитлеровские палачи, мучая и казня в деревнях и селах советских крестьян и крестьянок — колхозников и единоличников, сельскую интеллигенцию. Так, в деревне Прогаево, Дубенского района, Тульской области, гитлеровцы, развед догады председателя колхоза крестьянина Морозова, заставили его в течение суток стоять в холодном помещении на коленях, затем водили по деревне, после чего до подо-

лжны туловища закопали в землю, труп не разрешили хоронить более недели. В Покровском сельсовете Черемновского района, Курской области фашисты раздели крестьянина Алехина А. Н., заставили его копать себе могилу, принуждая его для намерения ямы несколько раз ложиться в нее. Когда могила была вырыта, Алехину обломали руки, обрвали уши, выкололи глаза, а затем расстреляли. В селе Донец, Должанского района, Орловской области гитлеровцы, связав 17-летней Надежды Мальцеву, приказали ее матери, Марии Мальцовой, обложить дочь соломой и зачек ее. Мать упала в обморок. Тогда гитлеровцы сами обложили девушку соломой и подожгли. Очнувшись от обморока мать бросилась в огонь и вытаскала из него дочь. Ударом приклада гитлеровцы убили мать, а дочь застрелили и бросили в огонь.

Призывая озверевших германских оккупантов к гуманности — бесцельно. Жалобы местных жителей на насилие германских властей неизменно приравниваются к «большевистской пропаганде» или к «союзности партизанам» и зачастую кончатся расстрелами жалобщиков. Типичны обстоятельства смерти крестьянки деревни Оверниково, Солнечногорского района, Московской области, Устиновой, матери пятерых детей, пришедшей в немецкий штаб с просьбой, чтобы ей вернули забранную оккупантами одежду страдальцев от холода детей. Устинова была застрелена немецким офицером на пороге дома штаба, в который она пришла со своей просьбой.

Много тысяч советских женщин, детей и стариков погибло от голода и холода в открытом поле и лесах, куда они выгонялись зимой отсутствующими гитлеровскими захватчиками после сожжения ими населенных пунктов. Несомненно, список миллионов убитых гитлеровскими оккупантами мирных жителей. Истязания и убийства достигают во многих случаях исключительной жестокости: избивают детей на глазах у родителей, взрослых на глазах у детей, устраивают охоту на людей, уничтожают их гранатами, пулеметами, огнем, скидывают и закапывают живыми, обливают водой на морозе, превращая их в ледяные столбы, уродуют трупы, издеваются над живыми помертвевшими, превращают их в кровавое месиво. Расстреливают тысячи гражданских жителей, истребляется поголовно население целых деревень. В страшных муках погибли 7-го января 1942 года 110 мирных граждан деревни Побуж Козельского района, Смоленской области, — 9 стариков, 51 женщина и 50 детей, которых фашисты ревели ножами, закапывали пытками, забрасывали гранатами, обстреливали из автоматов и пулеметов. По сообщению от 15 марта 1942 года, после подобной же расправы отсутствовали гитлеровцев над крестьянами деревни Лыково, Орловской области, из 130 мирных жителей в живых осталось всего 50 человек. В деревнях Лотошинского района, Московской области, гитлеровцы живо сожгли 13 семейств колхозников, замучили и повесили 153 колхозники и колхозниц, расстреляли 507 человек, в том числе много женщин и детей. В городе Новозыбкове оккупанты умертвили за одну ночь 380 семейств — более 1400 стариков, женщин, подростков, и закопали подушками в землю десятки детей.

(Продолжение — в следующем номере).

А К Т.
=====

10 января 1942 г. комиссия в составе директора Калужского Дома музея-заповедника ученого-самоучки Константина Эдуардовича Циолковского - т. РЫЖИЧКИНА К.С. соседей музея ИВАНОВА А.А., БЕЛИЦКОГО В.К., ЕФИМОВА Г.П., КОГОРЕВОЙ Е.Н. составили акт о нижеследующем:

12/Х-41г. город Калуга. был взят немецкими войсками.

13/Х-41г. директор музея и сторож ВЛАДИМИР решили спасти ценные экспонаты и имущество музея, для этого, часть ценных экспонатов и имущества директор и сторож снесли к себе домой на сохранение, а остальные были сложены в отдельный ящик и заперты в одну из комнат. Того же числа немецкие солдаты стали ломать двери музея, пытаясь войти в музей. Директор музея отпер двери им и солдаты стали осматривать музей.

После осмотра музея один солдат ударил сапогом по носу бюста К.Э. Циолковского - работнику-окультиста орденноносца лауреата Сталинской премии ШЕРГУРОВА С.Д. и отвалили нос.

Подойдя к ящику с экспонатами немцы стали рыться в нем, при чем, разсыпали экспонаты по комнате. Взяв из ящика микроскоп, принадлежащий самому К.Э. Циолковскому, новый комплект покрывок и камер для велосипеда - немцы ушли.

После ухода немецких солдат директор и сторож убрали экспонаты и заперли.

14/Х-41г. на машине приехали другие солдаты, в 15/Х-41г. утром немцы уехали из музея и директор обнаружил, что один стул и 2 витрины были сожжены в печке и один стул валялся обгоревший.

18/Х-41г. приехала в музей другая группа немецких солдат - объявляют в количестве 15 чел. которые жили до 12/Х-41г.

За время пребывания немцев в музее, музей был превращен в развалины: весь двор, сад, сарай были загражены, даже чердак был превращен в уборную.

В нижнем этаже в самой большой экспозиционной комнате, где находился отдел, аэроплана, ракеты, 2 бюста Циолковского и 2 бюста тов. СТАЛИНА и др. экспонаты, немцы бюсты разбили, все что было деревянного сожгли и устроили там спальню для солдат, там они пьют и играли в карты.

В траурной комнате, где находились венки металлические от ЦК ВКПб и СНК СССР ..... конструкторского бюро дирижаблестроения, немцы венки выкинули во двор, а комната была занята под спальню офицеров.

В комнате, где находился отдел аэродинамики и дирижабля был устроен склад мяса.

Верхний этаж: кабинет К.Э. Циолковского был превращен в кладовую продуктов, на кабинетном столе рубили мясо и ели подлость развращенных рабочих светлячке немцы устроили курятник, где находилось несколько десятков кур.

В ванной комнате, где находились фондовые материалы, немцы превратили в кухню, готовили там обед, причем, находившиеся там около 200 негасивов и др. мелкие вещи были уничтожены.

Немцы надевались над памятью Циолковского, пробив в голове бюста дыру, они воткнули в голову железный багор, через некоторое время бюст развалился совсем.

Немцы любили тепло, печи топили так жарко, что кафельная печь разбитая и требует большого ремонта.

Надпись немцев невероятна. При въезде из музея захватили с собой керосиновую лампу, круглое точило, некоторые олеосарные инструменты, принадлежавшие самому К.Э. Циолковскому, которые являлись экспонатами.

- 2 -

4 жестяные охученные трубы, сделанные самим Циолковским, немцы использовали в качестве лейки для наливки бензина, а потом сожгли их совсем.

При остром почти 2-х месячном пребывании в доме-музее К.Э. Циолковского немцы-охранители произвели следующие намерения:

Пожгли в печке 18 витрин, 4 стула, деревянную кровать, на которой спал сам Циолковский, 6 оловянных оконеек, стелу и дверь сарая, постройку уборной, книжный шкаф - при надл. К.Э. Циолковскому, часть стены сеней. Мать директора 70-ти летняя ИВАНОВА А.А. чтобы спасти от сожжения вещи, предложила немцам привести омовой дров в музей, но немцы выгнали ИВАНОВУ из музея.

Поломаны немцами следующие экспонаты: 3 модели дирижабля системы Циолковского, 1 аэродинамическая труба с прибором, откалиброванный станок, пробито 10 стеклянных физический прибором. Разбиты на куски 4 бюста ЦИОЛКОВСКОГО, 2 бюста работ ШЕРГУРОВА С.Д. и 2 бюста работ Калужского окультиста Реброва А.Н., а также разбиты 2 бюста тов. СТАЛИНА.

Для полного восстановления дома-музея К.Э. Циолковского требуются следующие материалы:

1/ Столбов основных	10 шт.
2/ Досок	15 шт.
3/ Лесу	8 к.м.
4/ Стекол	50 листов.
5/ Фанеры	100 лист.
6/ Дров	16 к/м.
7/ Гвоздей разн.	10 кгр.
8/ Желез. столярного	2 кгр.
9/ Ваттона	50 листов
10/ Лести белой	5 метр.
11/ Мануфактуры красной	50 метр.

п/п. директор музея РЫЖИЧКИН
Соседи: ИВАНОВА, ЕФИМОВ, КОГОРЕВА, БЕЛИЦКИЙ.

ВЕРНО: *Машинист*

Акт комиссии о надругательстве немецко-фашистских захватчиков над памятью К.Э. Циолковского от 10 января 1942 г.

Солдат успел добежать только до берега... Его похоронили в нескольких метрах от реки, которую он так и не успел преодолеть. Но подразделение, увлечённое им, реку одолело, и Калуга была освобождена...». Сам генерал Болдин вместе с офицерами штаба ночью пересёк реку и въехал в город. Они побывали в домике Циолковского и на его могиле. «Небо озарили вспышки орудийных выстрелов. Это зенитчики вели огонь по фашистским самолётам. А мы в торжественном молчании стоим у праха великого учёного. Но пора в путь. Молча прощаемся с могилой Константина Эдуардовича». В газете «Правда» была напечатана статья военного корреспондента Ильинского о том, что увидели воины 50-й армии, побывавшие в Доме-музее Циолковского после ухода фашистов. «Трудно поверить, — писал он, — что здесь жили люди, а не свиньи...».

10 января 1942 года комиссия в составе директора музея, сотрудников и соседей, бывших свидетелями бесчинств оккупантов, составила Акт о надругательстве немецко-фашистских оккупантов над памятью К. Э. Циолковского и об ущербе, причинённом музею. Там же была указана стоимость уничтоженного, разрушенного, разграбленного и повреждённого имущества — 29 270 рублей. Но это лишь в денежном выражении. Действительный же ущерб не поддавался никакому исчислению в рублях.

После освобождения Калуги началось восстановление музея. В одном из писем от 13 февраля 1942 года Рыжичкин сообщал Воробьёву: «На днях было заседание бюро горкома ВКП(б), где постановили немедленно восстановить музей, так что если не задержат с материалами, то к 1-му апреля открою музей. В январе в музей приезжали представители газеты «Правда», фотографировали искалеченные, в беспорядке валяющиеся экспонаты...»

Семья Циолковских жива. Любовь Константиновна никуда не уехала, хотя горисполком и предлагал ей эвакуироваться. Она очень много тяжёлого пережила во время немецкой оккупации. Пришлось ей поголодать, притом же немцы пожгли ей дрова, жили у них в доме и безобразничали. Она у меня очень плакала в музее, т.к. ей было очень тяжело смотреть на разрушенный музей».

Город сделал практически невозможное. И уже 8 марта 1942 года музей принял первых посетителей. Ими стали воины Красной армии. Под Книгу отзывов посетителей музея сотрудники музея тогда приспособили обычный школьный дневник. Одной из первых записей, сделанных в такой

Книге отзывов, стала запись военного корреспондента, впоследствии известного детского писателя Льва Кассиля: «В этом домике, известном всему культурному миру, я был ещё при жизни Константина Эдуардовича, знакомство... с которым... считаю одной из лучших страниц моей жизни. С тревогой подходил сегодня, на обратном пути с фронта, к дому на берегу Оки. Здесь каждый сохранившийся предмет, каждый восстановленный уголок всегда будет напоминать человечеству о величественных дерзаниях мысли, обращённой к грядущему.

Дом Толстого в Ясной Поляне, музей Чайковского в Клину, домик в Калуге, выстоявший под огнём фашистов, — все эти скромные обитатели великих людей нашей земли... навсегда останутся в истории».

Среди документов, которые рассматривались на Нюрнбергском процессе, была представлена Нота народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова о чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления. В ней рассказывается и о преступлениях на Калужской земле: «Оккупанты разграбили и сожгли дом-музей А. С. Пушкина в посёлке Полотняный Завод. В Калуге гитлеровцы старательно уничтожили экспонаты дома-музея, в котором жил и творил знаменитый русский учёный К. Э. Циолковский, чьи заслуги в области авиации пользуются всемирной известностью. По портретам Циолковского фашистские вандалы стреляли из револьверов. Ценнейшие модели дирижаблей, чертежи, приборы были растоптаны. В одной из комнат музея был устроен курятник, мебель сожжена».

Восстанавливать порушенную экспозицию музея помогали самые разные люди. Дочери учёного приняли активное участие в пополнении музея книгами и журналами взамен утраченных. Об этом Любовь Константиновна сообщала Б. Н. Воробьёву: «Один шкаф остался... В нём капля книг. Уцелела также полка у стены в кабинете... Я, конечно, стремлюсь пополнить этот пробел и готовлю туда новые книги. А вот пометки отца на книгах уже не возобновить...». В ноябре 1942 года музей

Дочери учёного А. К. Циолковская и М. К. Циолковская-Костина готовят документы из семейного архива для передачи в музей взамен материалов, погибших при оккупации

получил письмо от старшины Б. Никитина. Он писал: «Посылаю Вам 4 фотоснимка К. Э. Циолковского. Это мой ответ на разгром немецко-фашистскими варварами Дома-музея нашего знаменитого земляка». Старшина Б. Никитин». А однажды в музее появился пожилой москвич. Он выложил на стол две до крайности затёртые брошюры Циолковского, изданные в Калуге. Гость рассказал, что в декабре 1941 года, когда город освобождали от фашистов, он с группой бойцов помогал приводить в порядок территорию усадьбы дома-музея. Вот тогда он извлёк из-под груды мусора эти брошюры и, бережно расправив, взял их с собой. Они

всю войну пролежали в его походном рюкзаке, чтобы спустя годы вернуться в Калугу в дом учёного.

Прошли годы. Благодаря главному конструктору ракетно-космических систем С. П. Королёву, в музее появились первые космические экспонаты. Десятки тысяч гостей приезжали в музей, чтобы прикоснуться к величественно-простой жизни великого учёного. Но страшная память о войне до сих пор осталась в восстановленных экспонатах, расстрелянных металлических дирижаблях, за реставрацию которых не взялись даже специалисты, в памяти калужан. А ещё навсегда останется благодарность тем, кто много лет назад спас уникальный музей. ■

Командующий 50-й армией генерал Бордин в Доме-музее К. Э. Циолковского. 1959 г. Экскурсию ведёт директор музея В. П. Акимов

ЛЕТОПИСЦЫ ратного подвига на Калужской земле

Валентина Хаирова,
искусствовед, историк архитектуры

В год празднования юбилея нашей великой Победы организуется много интересных мероприятий. Для участия в одном из них достаточно только зайти в районный Дом культуры г. Сухиничи, где ежегодно проходит выставка фронтовых работ Студии военных художников имени Митрофана Борисовича Грекова. Со стен на каждого вошедшего будут смотреть графические портреты, которые были выполнены сразу после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков, с изображением бессмертных лиц тех, кто защищал нашу землю зимой и весной 1942 года.

История появления этих произведений необычна. Городскими властями в ознаменование празднования 20-летия Победы в 1965 году были выделены помещение и деньги для организации в Сухиничах народного музея. Руководителем его стала Фаина Ивановна Дроздова, учитель средней школы № 1, решившая вместе со своими учениками разыскать освободителей города. Краеведы узнали о том, что во время военных действий в городе находился штаб армии, службу в котором проходила первая группа Студии имени М. Б. Грекова, откомандированная на передовую для отражения боевых будней воинов. Можно вспомнить, что ордена Трудового Красного Знамени и ордена Красной Звезды Студия военных художников имени М. Б. Грекова Министерства обороны Российской Федерации датой своего рождения считает 29 ноября 1934 года, когда Приказом народного комиссара обороны СССР К. Е. Ворошилова от 29 ноября 1937 года № 74 было объявлено об организации изомастерской

самодеятельного искусства в особой отдельной кавалерийской бригаде. В первые годы студия была всего лишь кружком, который посещали художники-красноармейцы в свободное от военных занятий время. В 1938 году командующий войсками Московского военного округа С. М. Будённый, проверив работу студии, дал указание реорганизовать её из самодеятельного коллектива в отдельную творческую организацию военных художников-баталистов.

Юные краеведы начали переписку с руководителями Студии, ездили в Москву, общались с оставшимися в живых художниками, которые часть своих зарисовок, набросков и портретов передали в дар сухиничскому музею. Ценность сохранившихся в музее боевой и трудовой славы материалов заключена не только в правдивом отображении на бумаге событий прошлых лет, но и в передаче личного отношения авторов-военнослужащих к происходящему, что свойственно настоящему художественному произведению любого жанра.

После нападения фашистов на Советский Союз все художники студии добровольцами записались на фронт. Но их ждала другая работа, по специальности, первоначально связанная с командировками в воинские части для оформления «Листков красноармейца», газеты «Красная звезда» и журнала «Красноармеец», для подготовки агитационных плакатов и различных призывов. Вскоре в штабе Западного фронта, находившемся в то время под Москвой, недалеко от станции Перхушково, 22 февраля 1942 года первая фронтовая бригада студии получила назначение в 16-ю армию под командованием генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского (1896–1968) и на следующий день воинским эшелоном выехала в город Сухиничи, который с 1930 года относился к Смоленской области и был освобождён только ранней зимой 1942 года.

В составе группы были: младший командир Карл Гогиберидзе (1919–1942), красноармейцы Пётр Кривоногов (1911–1967), Евгений Комаров (1913–1995), Анатолий Горпенко (1916–1980), Николай Беляев (1916–2004),

К. Гогиберидзе. 1942 г.

А. А. Горпенко и Е. И. Комаров. 1942 г.

Геннадий Прокопинский (1921–1979), Виктор Рыбин, Георгий Черенщиков (1917–?). Возглавлял студию в то время Христофор Александрович Ушенин (1903–1965), которому, по словам Б. Неменского, «...принадлежит честь и труд её сохранения в годы войны»: «В студии он пользовался неограниченной властью и авторитетом, был неволен разве только в “животе и смерти” своих подопечных. За это его прозвали Христофором Великим».

Настроение у группы было приподнятое. Художники понимали, что возможность близко и пристально наблюдать военные действия явится

для них хорошей школой рисования с натуры в условиях боевых действий. Впоследствии П. Кривоногов очень образно говорил о своих первых впечатлениях: «Наш эшелон отъехал от Москвы по направлению к городу Сухиничи. Уже по дороге, сидя в теплушке, я стал замечать из окна, как всё чаще попадаютя полузасыпанные снегом трупы и разбитая техника врага. Мне казалось, что этот унылый пейзаж знаком мне, я видел его когда-то в картинах Верещагина.

Медленно приближались мы к мосту через реку Угру, наспех восстановленному после боёв. Вместо обычного

основания моста — опорных столбов — высоко и неуклюже громоздились шпалы, странно было, как на них держится мост, казалось, что он вот-вот рухнет. Перед самым мостом эшелон остановился, многие вышли из вагонов.

Здесь я попытался сделать первые наброски. Они сохранились у меня до сих пор, но, когда я смотрю на них, мне стыдно становится, насколько была робка эта попытка что-то запечатлеть.

В Сухиничи мы приехали ночью. Первое, что мне запомнилось, это отдалённые звуки орудийных выстрелов. Орудия били медленно и методично, как бы говоря, что это

П. Кривоногов. 1942 г.

П. Кривоногов. Госпиталь в г. Сухиничи

П. Кривоногов. Начальник группы художников в Сухиничах Х. А. Ушенин

П. Кривоногов. Село Маклаки

привычное дело войны и удивляться этому не стоит.

Когда наступило утро, передо мной возникла картина, словно когда-то виденная, уже знакомая: по грязному от разрывов и от лошадиного помёта снегу, смешанному с соломой, избороздённому проталинами, время от времени группами или в одиночку проезжали всадники. Во всей этой картине было то особое настроение, которое было свойственно многим батальным полотнам Грекова».

В Сухиничи художники приехали в самый разгар боёв. Армия, укрепляя рубежи, отчаянно билась за каждый метр земли и медленно продвигалась вперёд. «Прибыв в расположение армии, — вспоминает художник А. Горпенко, — мы были удивлены спокойствием и тишиной, которая нас окружала. Лишь тяжёлые

серые тучи, нависшие над землёй, создавали тревожное, настороженное настроение. В Политотделе армии нас познакомили с обстановкой на данном участке фронта, рассказали о героических подвигах наших воинов, поставили задачи перед нами как перед военными художниками. На следующий день, разбившись в группы по 2 человека, выехали в части на передовые.

Полк, в который я и Прокопинский получили назначение, расположился в совершенно разрушенной деревушке Сосновке, близ г. Сухиничи. Предъявив часовому пропуск, спустились по лестнице в затопленную землянку, в которой размещался штаб полка. Посредине стояла печурка, и вокруг неё расположились штабные работники. Командир полка майор Царицын в маскхалате склонился

у карты и, вероятно, обдумывал план предстоящего наступления на следующий опорный пункт противника. Телефонист басом кричит в трубку: «Берёза, берёза, берёза!» — Я «дуб», в наше хозяйство прибыло 130 карандашей, две трещотки, четыре игрушки» — разговор, который казался мне первое время странным и непонятным.

Представились командиру полка, доложили о цели прибытия. Встретили нас очень радушно. После короткой беседы мы отправились зарисовывать только что отбитый у немцев бронепоезд. Пробравшись возможно ближе, мы расположились на сбитом артиллерией дереве и стали рисовать картину боя. Увлечённые интересным зрелищем и не обращая внимания на продолжавшуюся перестрелку, мы не заметили, как к нам подполз

П. Кривоногов. Сухиничи. Дом культуры. Общий вид

А. Горпенко. Думиничи

в маскировочном халате человек и предупредил, что в лесу немцы. Это заставило нас быть внимательнее, мы замаскировались и продолжали рисовать, но немцы заметили нас и открыли миномётный огонь. Пришлось, не кончив рисунка, уходить в безопасное место».

Как уже говорилось, представители студии сразу разъехались по полкам и дивизиям, в полной мере разделяя с солдатами горести и радости фронтовой жизни. Армейская газета «Боевая тревога» подробно информировала части о целях их пребывания на фронте, и через короткое время видеть художника, зарисовывающего в свой походный альбом жизнь солдата на войне, стало привычно. Возможно, среди коренных сухиничан и жителей окрестных сёл ещё живы те, кто мог наблюдать в том далёком

1942 году процесс создания набросков, которые теперь выставлены в районном Доме культуры.

Сотрудники студии помогали в выпуске армейской газеты, рисовали портреты героев сражений, боевые эпизоды, часто попадая под артиллерийские обстрелы и бомбёжки. А. Горпенко вспоминал: «Случилось однажды так, что снаряд угодил в окоп, где я работал с одним художником. В штаб передали телефонограмму о нашей гибели, а мы, оглушённые взрывом, выкарабкались из-под засыпавшей нас земли. В другой раз за мной и поэтом А. Недогоновым в открытом поле гонялся «месершмитт». Единственной защитой оказался телеграфный столб, вокруг которого пулемётные очереди изрешетили землю. ...Ночью шли напряжённые бои за деревню Живодовку, и к утру немцев выбили из неё.

А. Горпенко. Разведчик А. М. Пирожков

С частями Красной армии мы вошли в горящую деревню, которая представляла сплошную груду развалин. На улице и на окраинах множество трупов, брошенные и разбитые машины, снарядные ящики. Начали рисовать колонну продвигавшихся наших войск. Мороз. Руки и ноги стынют. Приходится прерывать работу и согреваться».

Как рассказывал другой участник тех давних событий, П. Кривоногов: «Однажды, узнав, что на одном из участков батарея будет вести огонь, я, объяснив, кто я и зачем здесь, встал рядом с артиллеристами, чтобы сделать зарисовки. Действовали бойцы вдохновенно, дружно, мне казалось даже, что их подбадривала работа художника. Вскоре, когда немцы повели ответный огонь, артиллеристы по команде скрылись в блиндаже. А я продолжал делать

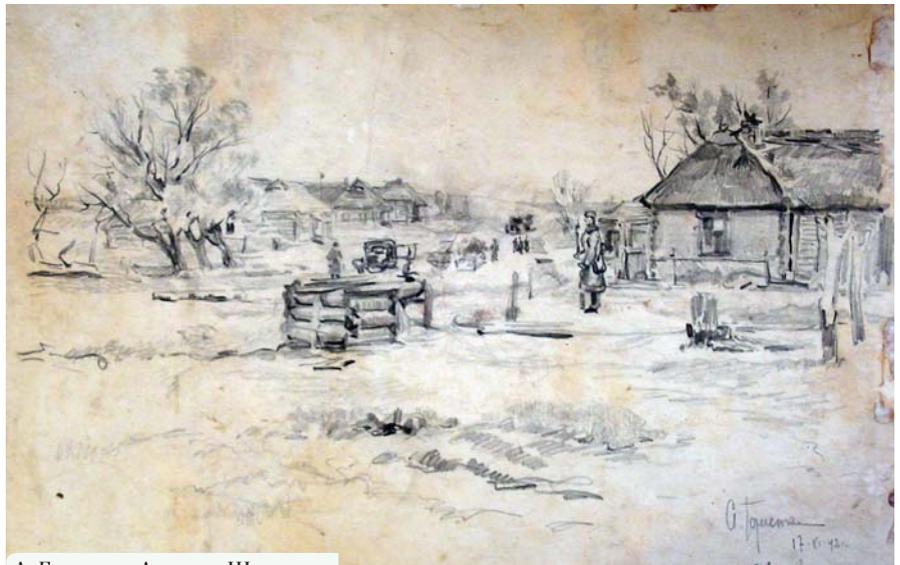
А. Горпенко. Майор А. И. Царицын

А. Горпенко. Сухиничи

А. Горпенко. Партизан Алексей Тимашев

А. Горпенко. Деревня Шваново

А. Горпенко. Вильгельм Шадт

А. Горпенко. Ремонтная бригада по восстановлению танка старшины И. Г. Широкова

А. Горпенко. Старший сержант отдельного батальона ПТР С. Н. Щетинин

А. Горпенко. Село Бобровка (Брынь)

зарисовки и вместе с тем наблюдал, как в воздухе вспыхивали разрывы бризантных снарядов. В этом не было бравады, просто я тогда ещё не знал войны, а тем, кто видел меня, конечно, и в голову не приходило, что человеку в военной форме неведомо, как вести себя, когда рвутся снаряды. ...

В связи с этим мне вспоминается эпизод, который я не могу забыть всю жизнь. В одном из походов с художниками Гогиберидзе и Беляевым мы пришли к разрушенной деревне, недавно освобождённой нашими войсками. Внезапно остановившись на дороге, мои товарищи подозвали меня, и один из них указал на что-то. Когда я увидел, кажется, сердце моё остановилось. Это была детская ручонка. От утреннего мороза она была как восковая; мы долго стояли в безмолвном оцепенении. Вид убитого бойца в серой шинели меня всегда поражал, но большего свидетельства бесчеловечности, звериной жестокости, чем это, нельзя было придумать».

Показательны воспоминания Б. Немского: «Город весь был спалён, он стал зоной пустыни — ни одного живого человека, ни одного целого дома. Шли яростные бои. Наступал вечер. Я долго шёл пешком, устал. Сел на торчащий из-под снега то ли камень, то ли пенёк пожевать сухарь и отдохнуть. Неожиданно заметил, что позёмка прямо подо мной колышет траву. Но трава зимой не мягкая, колышаться от лёгкого ветра не может. Встал, всмотрелся: оказалось, что сидел на мёртвом немецком солдате, почти полностью занесённом снегом. Мне удалось легко его перевернуть, и я был поражён — мальчишка, юноша моего возраста, даже чем-то похожий на меня... Несколько часов тому назад он был человеком — живым, фашистом?»

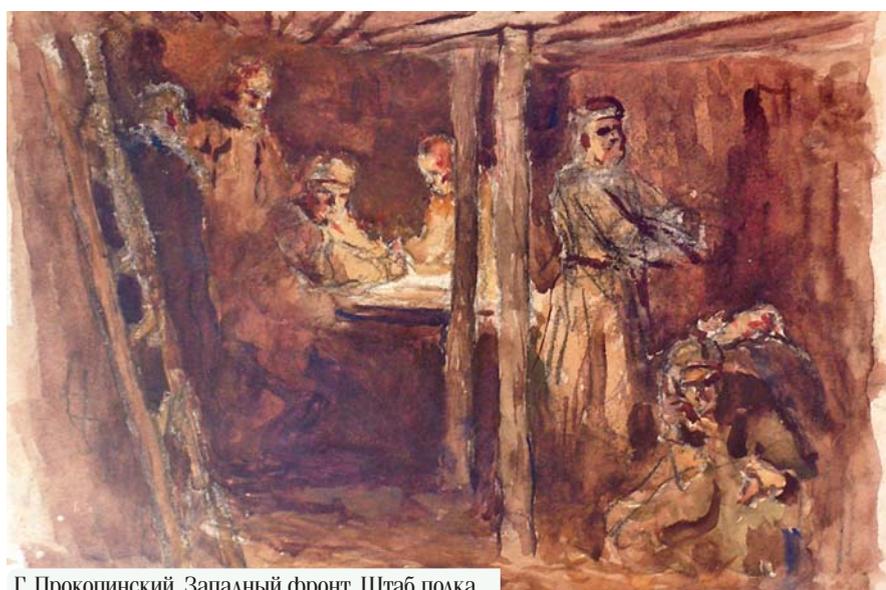
Несмотря на трудные условия работы в боевой обстановке, альбомы и папки художников наполнялись интересными художественными наблюдениями, которые приобретали историческое значение как документы Великой Отечественной войны и как ценнейший материал для будущих картин и композиций. Через определённые промежутки времени студийцы съезжались в свою фронтową штаб-квартиру в доме по ул. Пушкина в Сухиничах (хозяйкой которого была Прасковья Матвеевна Туманова), чтобы сдать выполненные зарисовки и запастись необходимым материалом

Г. Прокопинский. Александровка. Зенитно-пулемётный расчет

Г. Прокопинский. Дальнобойное орудие

Г. Прокопинский. Западный фронт. Штаб полка

Г. Прокопинский. Деревня Живодовка

для дальнейшей работы, поделиться впечатлениями, обменяться опытом. Как вспоминал П. Кривоногов: «Вопрос о том, как и чем работать художнику на фронте, был вопросом немаловажным. Постепенно сама практика подсказала, что бумага и карандаш, а также мягкие материалы — уголь, пастель, — основные материалы, которыми удобнее работать на фронте.

Ещё в Москве, перед отъездом, я сделал себе ящик, обтянутый холстом, с ремнём, так что его можно было носить на плече, а руки при этом оставались свободными. Мне казалось, что мой ящик будет удобен и для работы вместо мольберта, и для хранения в нём материалов. Видя мои приготовления, товарищи

немало подшучивали надо мной, а мой ящик назвали “скворечником”. Однако спустя некоторое время все обзавелись такими же “скворечниками”, а я сам прошёл с ним фронт от Москвы и до Берлина. Довольно странно выглядел я в то время: в полушубке, с вещевым мешком за плечами и с ящиком-“скворечником”. Как-то вместе с командиром батальона я отправился в только что освобождённую деревню Слободку, а вслед нам перешёптывались красноармейцы, говоря между собой: “Ветеринар приехал”.

20 апреля 1942 года, возвращаясь однажды с передовой, мы с Черенцовым подошли к своему дому и не узнали его: крыша его осела,

П. Кривоногов. Разведчик П. Н. Шошин, кандидат в члены ВКП(б)

бревенчатые стены были изрешечены осколками, на дороге с угла дома зияла большая воронка. Нас ждали тяжёлые известия: при ночном налёте немецких самолётов поблизости упала бомба, осколками которой был смертельно ранен художник Гогиберидзе. Беляеву ампутировали правую руку, легко ранен Прокопинский. К нашему приходу Гогиберидзе уже был похоронен. Беляева мы навестили в госпитале. Это были дни испытаний для всей студии».

Карл Гогиберидзе, по словам товарищей, был талантливым человеком и бесстрашным воином, он всегда стремился попасть на самый опасный участок фронта и делать там свои мастерские зарисовки. У него была

П. Кривоногов. Братская могила в д. Поляна

П. Кривоногов. Сухиничи. Местный житель

П. Кривоногов. Батальонный комиссар Орлов

хорошо развита зрительная память — качество, дорогое для художника-баталиста. Он легко воспроизводил по памяти то, что не удавалось зарисовать с натуры, и эти рисунки почти не отличались от натуральных. Командование армии посмертно отметило Гогиберидзе медалью «За боевые заслуги», первой наградой, которой удостоились художники студии в Великую Отечественную войну. Этой же медалью был награждён и Беляев.

Даже беглая зарисовка, сделанная очевидцем с натуры, становилась правдивым и ярким свидетельством великих событий. Опубликованная в армейской газете, она становилась не только художественным событием, но и дорогим подарком, который бойцы отсылали

П. Кривоногов. Гвардии старший лейтенант И. И. Пономарёв

родным домой, а там берегли как семейную реликвию. Но сколько поводов для вдохновляющего оптимизма и гордости у наших воинов появилось тогда, когда 26 апреля 1942 года в Сухиничах, в нескольких километрах от передовой линии, прошла первая в истории советского искусства фронтовая выставка Студии имени М. Б. Грекова! Для её проведения командование предоставило существующее полуразрушенное здание без стёкол, бывший склад. На стенах без привычного оформления было развешено около двухсот рисунков и эскизов, созданных военными художниками на Западном фронте. В них остались запечатлены отдельные эпизоды разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, разрушенные

П. Кривоногов. Гвардии полковник Лубянов

города и сёла, фронтовые дороги, покрытые трупами врага и разбитой техникой, армейские бытовые и боевые зарисовки, но самое главное — галерея портретов воинов, сражавшихся на нашей земле. Многие из них уже погибли, и цветной или черно-белый набросок остался единственной нитью, связывавшей его, ещё живого, с фронтовыми буднями товарищей. Для посетивших выставку местных жителей интересно представляли виды города Сухиничи и окрестных деревень, образы выживших в оккупацию женщин и стариков, партизан, а также портреты пленённых во время боёв немцев. Надо отметить, что сохранилось несколько фотографий самих художников-баталистов, сделанных корреспондентом, как

П. Кривоногов. Комсомолка А. Червякова

П. Кривоногов. Гвардии капитан Ахмед

П. Кривоногов. Гвардии лейтенант М. А. Коваль

П. Кривоногов. Гвардии красноармеец М. П. Петров, автоматчик

П. Кривоногов. Разведчик старший сержант Т. Н. Путеликин

указывается, 20 апреля 1942 года, на фоне того самого здания в Сухиничах, где открылась их первая выставка, а также во время создания зарисовок на линии фронта.

Члены студии сами не осознавали тогда ценности своих набросков, выполненных прямо во время боя или непосредственно после него. По воспоминаниям ставшего знаменитым в послевоенное время академика, народного художника России, лауреата нескольких Государственных

П. Кривоногов. Хозяйка дома, где жили грековцы, Прасковья Матвеевна

премий, автора успешной методики преподавания изобразительного искусства Б. М. Неменского (а в то время молодого и неопытного 19-летнего юноши, начавшего свой профессиональный путь в составе студии гораздо позже, в 1943 году): «Сейчас я очень во многом сомневаюсь, всё стало многосложным. А тогда, напротив, был убеждён, что понимаю всё. Думал, что робкий, ученический рисунок “Сирота из Великих Лук”, сделанный в 1943 году, хуже тех, где мне позднее удалось эффектно решить тень и свет, найти мазок, штрих. И очень удивился, когда в Москве обратили внимание не на эти эффектные рисунки, а на вялый, как мне казалось, невыразительный портрет-набросок девочки». Так и сохранившиеся в сухиничском музее безыскусные этюды многих грандиозных полотен. Особенно впечатляют акварельные образы бойцов и офицеров авторства П. Кривоногова, где ясно просматриваются личностные характеристики каждого человека. Ему же принадлежат и многочисленные городские пейзажи Сухиничей. Г. Прокопийский в основном обращается к изображению боевых эпизодов и быта советских воинов.

Во фронтовом художественном наследии А. Горпенко наряду с портретными зарисовками присутствуют и виды разрушенных врагом населённых пунктов нашей области.

Солдаты и офицеры, приходившие (надо отметить, что не приезжавшие, настолько близко находилась линия фронта) на выставку в Сухиничи прямо с передовой, оценивали работу художников как необходимый и полезный труд. Любовно и с интересом относились они к выставленным произведениям, указывали недостатки, некоторые досадовали, что художники не побывали в их роте и не нарисовали известного разведчика, снайпера или отважную санитарку. Отзывы о работе военных художников студии были самые положительные:

«Выставка работ военных художников Студии имени М. Б. Грекова, — писал красноармеец Кимов, — очень интересна, особенно для тех, кто сам участвовал в операциях и бывал в местах, изображённых в рисунках и эскизах. С волнением смотришь знакомые места боёв, знакомые лица бойцов и командиров».

«Рисунки художников Студии имени Грекова правдивы и убедительны. Это ценные документы. Пройдут годы,

П. Кривоногов. Пленный фриц Арно Тойбель

и по этим рисункам мы будем вспоминать наши славные походы против хищного зверя человечества. Художники — желанные гости в траншее, они наши боевые товарищи», — гласит другой отзыв.

«На выставке представлены рисунки военных лет, созданные в самой гуще фронтовой жизни, передающие героизм и душевную красоту советских воинов, армейские трудовые будни. Большинство из них выполнены карандашом на бумаге, некоторые — сангиной. Они счастливо сочетают живость наброска, непосредственное чувство пережитого с достоверностью, жизненностью образов советских воинов и родной природы. Уже здесь, во фронтовых рисунках, проявляется способность найти жизненную композицию, передать световоздушную среду и — главное — своеобразие характеров бойцов и неповторимый колорит тех мест, где шли бои. Такие рисунки ... удивительно правдивы, сдержанны, в них нет ничего нарочито эффектного, и вместе с тем они производят впечатление, останавливают внимание. Рисунки с натуры, эскизы и этюды военных лет послужили богатым жизненным материалом для создания живописных полотен и, в первую очередь, произведений монументального искусства».

«Перед каждым, кто приходил сюда, — вспоминал член Военного совета армии генерал-майор Алексей Андреевич Лобачев, — вставали картины пережитого: разрушенные врагом города и сёла, фронтовые дороги с разбитой техникой противника.

П. Кривоногов. Допрос

А сколько портретов бойцов и командиров — творцов победы!.. Надо было видеть, с какой гордостью осматривали рисунки наши бойцы, пришедшие сюда прямо с передовой, как это поднимало их!»

За большую работу Студии по созданию художественных произведений, отражающих борьбу с немецким фашизмом, и за проявленное мужество при исполнении своих обязанностей командование 16-й армии приказом по войскам от 16 июля 1942 года объявило всем представителям Студии имени М. Б. Грекова благодарность и наградило ряд художников именными часами. Руководитель студии Х. А. Ушенин был отозван в Москву, а затем был издан приказ о передаче Студии военных художников имени М. Б. Грекова в подчинение Главному политическому управлению Красной армии. Надо отметить, что впоследствии художники-баталисты, где бы ни проходила их служба, всегда получали поощрения и награды, а окончание войны все встретили в офицерском звании.

Вслед за этой положившей начало выставкой в Сухиничах последовали и другие показы работ художников (в годы войны их состоялось всего шесть), но уже на ведущих выставочных площадках столицы: той же весной 1942 года выставка под названием «Москва героическая» в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, выставка фронтовых работ студии им. М. Б. Грекова, открывшаяся 7 ноября 1942 года в Центральном Доме Красной Армии, и другие, не менее славные

П. Кривоногов. Он получил зимнюю квартиру

вернисажи, где наряду с графикой появлялись уже и живописные работы, как, например, у П. Кривоногова. Сегодня в Музее боевой и трудовой славы г. Сухиничи хранятся 65 рисунков, в основном принадлежащих его авторству. Уже в конце 1942 года художник использовал свои наброски для создания больших живописных полотен, в которых отразил впечатления от пребывания в самой гуще событий Второй мировой войны: «Рейд Доватора», «Зверства в Речице».

Рассказ о пребывании представителей студии имени М. Б. Грекова в Сухиничах является только одной страницей из истории подвига военных художников в Великой Отечественной войне. С карандашом и кистью в руках они воевали на всех фронтах, от фюрордов Норвегии до Чёрного моря, от Порт-Артура до Бранденбургских ворот, запечатлевая в своих наскоро сделанных под огнём противника «художественных репортажах» боевые будни и суровый быт наших воинов. Вместе с фотографиями военных корреспондентов эти материалы являются теми визуальными документами, которые никого никогда не оставят равнодушными, ведь за ними явственно просматриваются героические судьбы не только советских бойцов, но и их авторов, честно выполнивших свой воинский и профессиональный долг в боевых условиях. Без этих произведений, отмеченных большой любовью к главному герою величайшей битвы за Родину — советскому солдату, сейчас уже немыслимо представить себе рассказ о Великой Отечественной войне. ❏

КАЛУЖСКИЙ ТЕАТР на фронтах Великой Отечественной войны

Марина Кислицына,

*методист выставочного театрально-музейного проекта
Калужского областного драматического театра*

Великая Отечественная война перечеркнула все творческие планы Калужского театра. Артистка Г.А. Бурик в своих воспоминаниях так описывает начало войны: «В воскресенье, 22 июня, театр показывал утренний спектакль «В степях Украины». Всё шло как обычно. Но в антракте на авансцену вышел директор театра А. М. Ильвовский и объявил зрителям, что на нас пошла войной Германия. Но мы всё-таки доиграли спектакль до конца. Потом актёры собрались и все, как один, заявили о желании поехать на фронт. Мы ждали ответа с нетерпением. И вот в первых числах июля нам разрешили организовать бригаду и выехать на Западный фронт. В фронтовую бригаду были включены актёры Д. Дросси, Ф. Дембицкая, Е. Орлов, Е. Сорик, В. Никитина, Д. Фролов, А. Ястребова, Г. Бурик, Н. Топорнина, А. Азаров, В. Полюхов, А. Вольская. Работу свою мы начали с обслуживания воинских частей, стоящих под Калугой в бору. Дальше двигались в сторону Юхнова, где находилась наша база. В основном нашими фронтовыми зрителями были лётчики. В репертуаре у нас были и песни, и танцы, и чтение, и скетчи «Анютины глазки», «Часы с боем», отрывки из пьесы К. Симонова «Парень из нашего города». ... И среди песен и плясок сердца у нас сжимались всё тревожнее, всё больней. Думалось: а как там, дома в Калуге, не разбомбили ли чего доброго театр?». Ежедневные бомбардировки Калуги не позволяли ставить спектакли. 9 октября 1941 года основная труппа артистов эвакуировалась из Калуги, многие актеры-мужчины ещё раньше ушли в народное ополчение, на фронт.

Актёр Калужского театра К.И. Малютин, игравший в нём с 1937 года, ушёл на фронт добровольцем, погиб в самом начале войны в 1941 году.

Лев Анатольевич Марецкий, в будущем артист нашего театра, ушёл на фронт в июне 1944 года. Он в звании сержанта в составе 12-й штурмовой бригады освобождал Венгрию от немецко-фашистских захватчиков. 22 марта 1945 года в день своего 20-летия, Лев Анатольевич был тяжело ранен. На излечении находился в госпитале в г. Кировобад. Л. А. Марецкий был награждён

орденом Отечественной войны II степени, знаком «Фронтовик 1941–1945», медалью Жукова. В 1945 году он поступил в театральную студию при театре, проработав в нём до конца 1980-х годов.

Заслуженная артистка РСФСР Ирина Сергеевна Блажнова, когда началась Великая Отечественная война, сначала работала на заводе в Тушино: шила парашюты для нужд военного времени, затем поступила в московское училище связи. Получив специальность радистки-кодировщицы метеослужбы, добровольно ушла на фронт

и прошла всю войну, дойдя до Берлина в звании младшего сержанта. Приказом Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина от 2 мая 1945 года за участие во взятии Берлина И. В. Блажновой была объявлена благодарность. После войны Ирина Сергеевна работала в театрах Севастополя, Грозного, Кургана, Рязани. В Калужском областном драматическом театре проработала более двадцати лет.

Иван Михайлович Калинин — художник Калужского областного драматического театра с 1958 по 1970 год. В 1942 году был призван в армию

солдатом на Западный фронт в район г. Людиново. С августа по декабрь 1942 года участвовал в Сталинградском сражении, с 1943 по 1945 год — в боях за Украину, Молдавию, Румынию, Болгарию. От солдата дослужился до сержанта. Был бронбойщиком, полковым разведчиком. В 1943 году при наступлении в направлении на Рубежную (Украина) получил ранение. Окончание войны встретил в Болгарии. За участие в военных действиях был отмечен государственными наградами: медалью «За оборону Сталинграда», орденом Славы III степени, орденом Отечественной войны I степени и другими наградами.

Как известно, победа нашего народа ковалась не только на фронтах, но и в тылу. Народная артистка РСФСР Полина Георгиевна Ванеева — участница трудового фронта. После окончания школы в 1942 году в г. Лысьве Пермской области Полина Ванеева поступила на металлургический завод, где работала до окончания войны. В 1943 году сдала на права шофёра третьего класса. Выступала в госпиталях на концертах для раненых фронтовиков. 22 мая 1949 года Указом Президиума Верховного Совета СССР П. Г. Ванеева была награждена медалями «За

Фронтальная бригада актёров Калужского драмтеатра

трудовое отличие» и «За трудовую доблесть».

Свыше 35 лет проработал в нашем театре заслуженный артист РСФСР, заслуженный деятель искусств ДАССР Сергей Никитич Сладкий. В годы Великой Отечественной войны С. Н. Сладкий был назначен директором Дагестанского национального ансамбля песни и танца. В военное время ансамбль принимал активное участие в обороне Кавказа

на р. Терек и у Махачкалы. Артисты выступали в воинских частях и госпиталях в Грозном, Баку и Тбилиси. В 1943 году Сергей Никитич выезжал с ансамблем в действующие части Центрального фронта и партизанский отряд им. Щорса. С. Н. Сладкий награждён медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Актёры Калужского драмтеатра — ветераны Великой Отечественной войны

ПАМЯТЬ ЖИВА

Вероника Гелюх,

специалист Калужского областного центра народного творчества и кино «Центральный»

В 2020 году вся страна отмечает знаменательную дату — 75 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Сколько бы ни прошло времени, это событие останется навсегда в памяти народов. Величие Победы признано жителями всего мира неслучайно. Оно ознаменовало освобождение многих людей от порабощения и уничтожения.

За всю историю наш народ был подвергнут немалым испытаниям. Но Великая Отечественная война по своим масштабам разрушения и человеческим жертвам не имела себе равных. Тем значимее эта Победа!

Очень важно нам, нынешнему поколению, не забывать и передавать потомкам историю «роковых 40-х». Рассказывать о её героях и их доблестных подвигах, о боли и лишениях самоотверженных жителей, которые сохранили мужество, доброе сердце и любовь к Родине.

В 2019–2020 годах Министерство культуры Российской Федерации и Государственный Российский Дом народного творчества имени В. Д. Поленова проводит Всероссийскую выставку-смотр художников-любителей и мастеров декоративно-прикладного искусства «Салют Победы», посвящённую 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

Мероприятие проводится регулярно раз в пять лет.

ГРДНТ им. В. Д. Поленова организует двухгодичные смотры любительского изобразительного искусства в масштабах всей страны. Они проходят в три этапа: региональные выставки, межрегиональные и всероссийские. Кульминацией проекта станет Всероссийская выставка, посвящённая 75-летию Великой Победы.

В течение 2019 года в различных городах России прошли региональные этапы выставки лучших работ художников-любителей и мастеров декоративно-прикладного искусства, выбравших в качестве тем воинский подвиг, гражданский патриотизм и любовь к Родине. Авторы откликнулись с искренним воодушевлением.

Всероссийская выставка-смотр художников-любителей «Салют Победы» включала пять межрегиональных выставок: в Якутске, Красноярске,

Композиция «Жить!». Автор Григорий Андреевич Кочубей

Экспозиция проекта Калужской области в г. Твери

Полиптих «Дорогами войны». Автор Дмитрий Вячеславович Гусев

«В лесу прифронтовом». Автор Валерий Олегович Хованский

«Партизан». Автор Татьяна Валентиновна Полубинская

«Пылающие в глубине памяти». Автор Мария Николаевна Родионова

Симферополе, Екатеринбурге и Твери. Калужскую область представил проект «Война за Родину», подготовленный специалистами ГБУК КО «Дом народного творчества и кино «Центральный».

На первом этапе реализации были собраны произведения художников-любителей и мастеров декоративно-прикладного творчества. Состоялась выставка в ГБУК КО «Дом народного творчества и кино «Центральный» (с 28 июня по 26 июля 2019 года). По её итогам, на основе оценок региональных экспертов, были отобраны лучшие произведения и сформирована экспозиция для участия в межрегиональном этапе.

В проект вошли произведения художников-любителей живописи и графики, а также мастеров декоративно-прикладного творчества в различных техниках: керамические панно, керамические фигуры малых форм, текстильные куклы, корнепластика и т.д. Нашему «Дому...» хотелось привлечь как можно больше участников по разным направлениям, раскрыть темы патриотизма, силы духа нашего народа и памяти наших земляков; показать не только подвиг героя в период Великой Отечественной войны, но и тему защиты Родины в ретроспективе времён — вот главные задачи, которые стояли перед участниками. В региональном этапе они использовали несколько временных рамок и событий из истории нашей страны. В экспозиции представлены работы от бытности богатырей до памяти героев Победы в Великой Отечественной войне.

В начало поставлены две работы: «Куликовская битва» (автор — Татьяна Валентиновна Полубинская) и кукольная композиция «Сыны Отечества. 1812 год» (автор — Татьяна Ивановна Климкина).

Следующий блок произведений посвящён событиям Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Прежде всего это полиптих «Дорогами войны» (автор — Дмитрий Вячеславович Гусев). Художник-любитель представляет нашему вниманию четыре знаковых сражения Второй мировой войны.

1. «Брестская крепость» — картина, напоминающая о подвиге солдат в первые дни войны.

2. «Сталинград» — картина, которая возвращает нас к событиям «коренного перелома» (к перехвату советским командованием стратегической инициативы в войне, к победе после череды поражений 1941–1942 гг.).

3. «Истребители танков» — о событиях 1943 года на Курской дуге.

4. Полиптих завершает картина «Разгром», повествующая о штурме Рейхстага и об окончательной победе нашей страны над немецко-фашистскими захватчиками.

В каждой российской семье живёт память о Великой Отечественной войне, о которой говорят по-разному: словом или творчеством. Один из наших художников-любителей, Валерий Олегович Хованский, представляет картину «В лесу прифронтовом». Вот такие слова сопровождают произведение: «Эта картина посвящается моему отцу, бабушке и прадедушке моих детей и внуков Олегу Денисовичу Хованскому, старшему лейтенанту-артиллеристу, и его однополчанам. Отец с детских лет играл на гармони, подаренной ему дядей Алексеем. С ней он ушёл на войну. Но победу праздновать ему не пришлось. 28 ноября 1943 года он погиб, город Коростень Западной Украины».

По-своему, по-женски, воплотила события Великой Отечественной войны Мария Борисовна Васина. Её кукольная композиция «Женщины тыла» знакомит зрителя с нелёгкой женской долей в эти годы.

Тема концлагерей отражена в произведении Григория Андреевича Кочубей. Участник всероссийских, межрегиональных, областных выставок и конкурсов, автор много лет занимается корнепластикой. Особый творческий взгляд и подход к теме мастер

Кукольная композиция «Сыны Отечества. 1812 год». Автор Татьяна Ивановна Климкина

воплотил в композиции «Жить!», говорящей о невзгодах и тяготах людей, попавших в плен.

«Подвиг Александра Матросова» Ильяса Ириковича Файзуллина напоминает нам о бессмертных подвигах во время Великой Отечественной войны.

Произведения «Лодка» и «Партизан» Татьяны Валентиновны Полубинской, выполненные по мотивам хлудневской игрушки, показывают партизанское движение во время войны.

Таким образом художники-любители и мастера декоративно-прикладного творчества с разных сторон представляют нам события жестоких 40-х годов через авторское видение.

Другая часть нашей экспозиции посвящена памяти Победы в Великой Отечественной войне.

Лоскутное одеяло «Букет Победы» Татьяны Николаевны Никитушкиной — яркое, красочное произведение, передающее всю безмерную радость окончания войны.

Картина «Памяти деда» Николая Борисовича Тараника вновь вызывает в нас гордость за наших предков, обращается к памяти их подвига.

Такою же смысловую нагрузку имеет композиция «Спасибо бабушке и деду за нашу славную Победу» Ильяса Ириковича Файзуллина.

«Пылающие в глубине памяти» Марии Николаевны Родионовой — картина, заставляющая нас в мирной жизни видеть отголоски Великой

Отечественной войны и помнить её тяжёлые последствия.

С 13 по 16 октября 2019 года в Твери прошёл межрегиональный этап Всероссийской выставки-смотрa художников-любителей и мастеров декоративно-прикладного творчества Центрального и Северо-Западного федеральных округов «Салют Победы», посвящённой 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

По результатам защиты проекта Калужской области дипломы лауреата получили Дмитрий Вячеславович Гусев, Валерий Олегович Хованский; специальные дипломы — Мария Борисовна Васина, Татьяна Валентиновна Полубинская, Григорий Андреевич Кочубей.

К участию на заключительном этапе Всероссийской выставки-смотрa «Салют Победы» были отобраны следующие работы:

- «Брестская крепость», автор — Дмитрий Вячеславович Гусев,
- «В лесу прифронтовом», автор — Валерий Олегович Хованский,
- «Партизан», автор — Татьяна Валентиновна Полубинская,
- композиция «Жить!», автор — Григорий Андреевич Кочубей.

Работы наших земляков можно будет увидеть с 13 августа по 7 сентября 2020 года в выставочном зале Центрального Дома художников на Крымском валу и Выставочном зале ГРДНТ им. В. Д. Поленова «Народная галерея» (г. Москва). 📌

ХРАМ ВО ИМЯ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ (ЗА ВЕРХОМ) В КАЛУГЕ

Этот красивейший православный храм в Калуге, выполняющий для города, наравне с Троицким собором, функции соборного назначения, построен в 1700–1701 годах. Название храма связано с топографическими особенностями его расположения — слово «верх» в обиходе местных жителей использовалось в значении «овраг», а уточнение «за верхом» означало «за оврагом».

Храм в честь великомученика Георгия (за верхом). 1900 г.

Ранее на месте собора находилась деревянная церковь, именуемая в описи 1626 года — «Георгия за старым острогом». Нынешняя каменная двухэтажная сооружена в 1700–1701 годах на средства калужских купцов Коробовых. Иконы из деревянного храма были перенесены на нижний этаж новой церкви. Первоначально приход состоял из 75 домов, причт — из священника, дьякона и двух дьячков. В приходе церкви состояли известные калужские семьи: Коробовы, Билибины, Гончаровы, Вяземские, Золотарёвы...

В 1766–1767 годах в церкви проведены крупные ремонтные работы, распisan верхний храм (впоследствии роспись неоднократно подновлялась), установлен пятиярусный иконостас и переделаны купола, пострадавшие во время пожара. В 1776 году галерея второго этажа была покрыта кровлей. В начале XX века был распisan нижний храм, а после 1945 года полностью застеклена галерея.

В конце XIX века во время своего визита в г. Калугу в соборе служил святой праведный Иоанн Кронштадтский, в память об этом в алтаре собора находится бронзовая табличка с надписью: «Отец Иоанн Кронштадтский совершил в сем храме 15 мая 1895 г. Божественную литургию». В соборе также служили

первоиерархи Поместных Православных Церквей: Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II (неоднократно), Блаженнейший Митрополит Вашингтонский и всея Америки Феодосий (Лазор) в 1992 году, Блаженнейший Папа и Патриарх Александрийский и всея Африки Парфений III в 1994 году.

В послереволюционное время судьба Свято-Георгиевского храма сложилась достаточно счастливо (чего нельзя сказать о судьбах его настоятелей). С 1926 по 1999 год храм выполнял функцию кафедрального собора. В 1934 году, время особого гонения на церковь, кафедру возглавлял священномученик Августин (Беляев), возведённый в сан архиепископа. На собственном примере владыка проявлял верность христианской вере. В бесстрашии проповедовал Слово Божье, собирая под соборные купола православный народ. Архиерейская кафедра постоянно была украшена цветами от мирян. 20 сентября 1937 года владыка Августин был арестован в Калуге. Он отверг предъявленные ему обвинения в контрреволюционной деятельности и всё же 19 ноября 1937 года был приговорён по статье 58–10 Уголовного кодекса РСФСР к расстрелу. 23 ноября владыка был расстрелян вместе с группой духовенства и мирян. В августе 2000 года решением юбилейного Освященного архиерейского собора Русской православной церкви его имя было внесено в Собор новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания.

После ареста калужского архиепископа Августина (Беляева) в сентябре 1937 года службу в соборе некоторое время проводили священники Николо-Козинской церкви, в числе которых был Иоанникий (Дмитриев), также вскоре арестованный и приговорённый к расстрелу.

В феврале 1940 года храм был ненадолго закрыт. В период Великой Отечественной войны храм действовал, богослужения в нём не прекращались всё последующее время.

В 1950 году храм возглавлял епископ Онисифор (Пономарёв), под его руководством был тщательно заделан купол, роспись в церкви была промыта, к восстановлению настенной живописи были привлечены профессиональные художники.

Церковь Георгия (за верхом). 1913 г.

Священномученик архиепископ Августин (Беляев) с дочерьми Юлией и Ниной, 1926 г.

Немецкие войска входят в город, 13 октября 1941 г.

Свято-Георгиевский собор. Декабрь 1941 г.

В 1988 году к празднованию 1000-летия Крещения Руси в храме был произведён ремонт: здание подштукатурено и окрашено в красный цвет, перекрыта крыша, над главным куполом установлен новый крест, на западной стене алтаря выполнены новые росписи, иконостас, киоты и некоторые храмовые иконы отреставрированы.

До революции храм Георгия за верхом собором не являлся. Статус кафедрального собора он получил в 20-е годы XX века после закрытия Свято-Троицкого собора. В 1999 году, когда Свято-Троицкий собор был восстановлен и стал кафедральным, храм Георгия за верхом сохранил статус собора.

Двухэтажный каменный храм с шатровой колокольней издали обращает на себя внимание стройностью пропорций и богатыми архитектурными деталями. Храм выполнен в стиле построек времён Алексея Михайловича или в стиле «московского барокко». Корпус храма и наружная отделка сохранились почти полностью.

Храм пятиглавый, имеет форму полукорабля, высотой около 43 метра, длиной чуть более 32 метров, по бокам верхнего этажа располагаются галереи, покоящиеся на четырёх романских арках, через которые проходит свет в окна нижнего этажа. Галереи сначала были открытыми, но в конце 1776 года покрыты кровлей, которая держится на пяти четырехугольных колоннах

с каждой стороны. После Великой Отечественной войны галерея была полностью застеклена. На галереи и в храм второго этажа ведут с обеих сторон лестницы, перила которых покрывают балюстраду из балясин с кубиками. Главный вход в нижний храм был «из-под колокольни», о чём свидетельствует арка в первом ярусе колокольни, в настоящее время заложённая.

Колокольня Георгиевского собора — один из самых блестящих образцов распространённого в XVII веке архитектурного типа. Трёхъярусный четверик легко несёт восьмигранный звон, завершённый высоким шатровым верхом. На крыше колокольни симметрично расположены двойные четырехугольные и круглые пролёты слуховых окон. Нижний ярус колокольни укреплен контрфорсом, т.е. поперечной вертикальной скошенной стенкой, придающей архитектуре храма вид древней крепостной стены. Во втором и третьем ярусах есть оконца: два оконца во втором и одно в третьем. Наличники окон украшены небольшими колонками.

На первом этаже главный престол освящён в честь великомученика Георгия, левый придел — во имя пророка Иоанна Предтечи, правый придел — в честь иконы Божией Матери «Утоли Моя Печали». На втором этаже престол освящён в честь Воздвижения Креста Господня.

В соборе с 1941 года находится главная святыня Калужской земли — обретенная в 1748 году чудотворная Калужская икона Божией Матери, особо почитаемая и не раз являвшая свою помощь и покровительство калужанам. По акту от 9 июля 1940 года Калужский горфинотдел при ликвидации Успенской церкви передал чудотворную икону в Калужский краеведческий музей. Тогда же, в июле 1940 года, икона была записана в Книгу поступления музея под номером 7111. Но уже в 1941 году икона Калуженской Богородицы была отдана в церковь Георгия за верхом и исключена из числа музейных предметов.

Из икон нижнего храма особо почитаются: икона Божией Матери «Утоли моя печали» (была написана по заказу купца Сысоева, получившего чудесное исцеление за границей, в Кёнигсберге), икона святителя Николая Чудотворца, икона Христа Спасителя, иконы великомученика Георгия, святых мучеников Гурия,

Храм во имя Святого Георгия. Вид с южной стороны

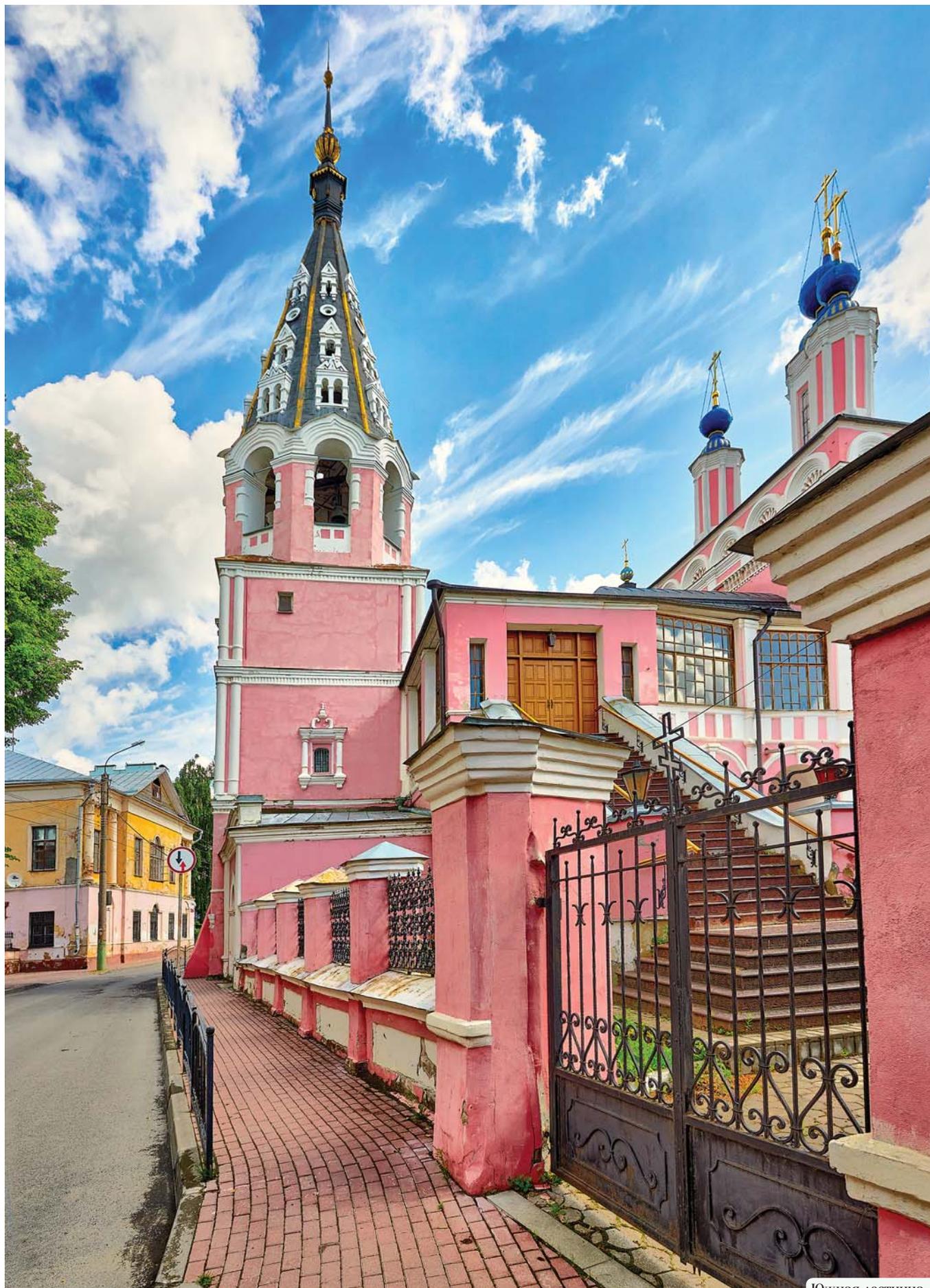
Самона и Авива, великомученицы Параскевы Пятницы. В верхнем храме одной из почитаемых является Иерусалимская икона Божией Матери, написанная в 1740 году иконописцем Семёном Фалеевым. В алтаре хранится напрестольный крест с частицами мощей девяти Печерских святых.

В сентябре 1990 года при соборе была открыта воскресная школа — первая в Калужской епархии

после многолетнего перерыва. До 1918 года при Георгиевском храме действовала церковно-приходская школа. Она находилась в здании рядом с собором, построенном в XVIII веке на средства, собранные духовенством (ул. Георгиевская, 12). Это здание было запрошено епархией ещё в 1976 году. В настоящее время передана только часть помещений церковно-приходской школы.

20 мая 1999 года в ознаменование 200-летия Калужской епархии был освящён установленный возле Свято-Георгиевского собора крест, посвящённый памяти «преосвященных архипастырей, пастырей и всех, потрудившихся в Калужской епархии».

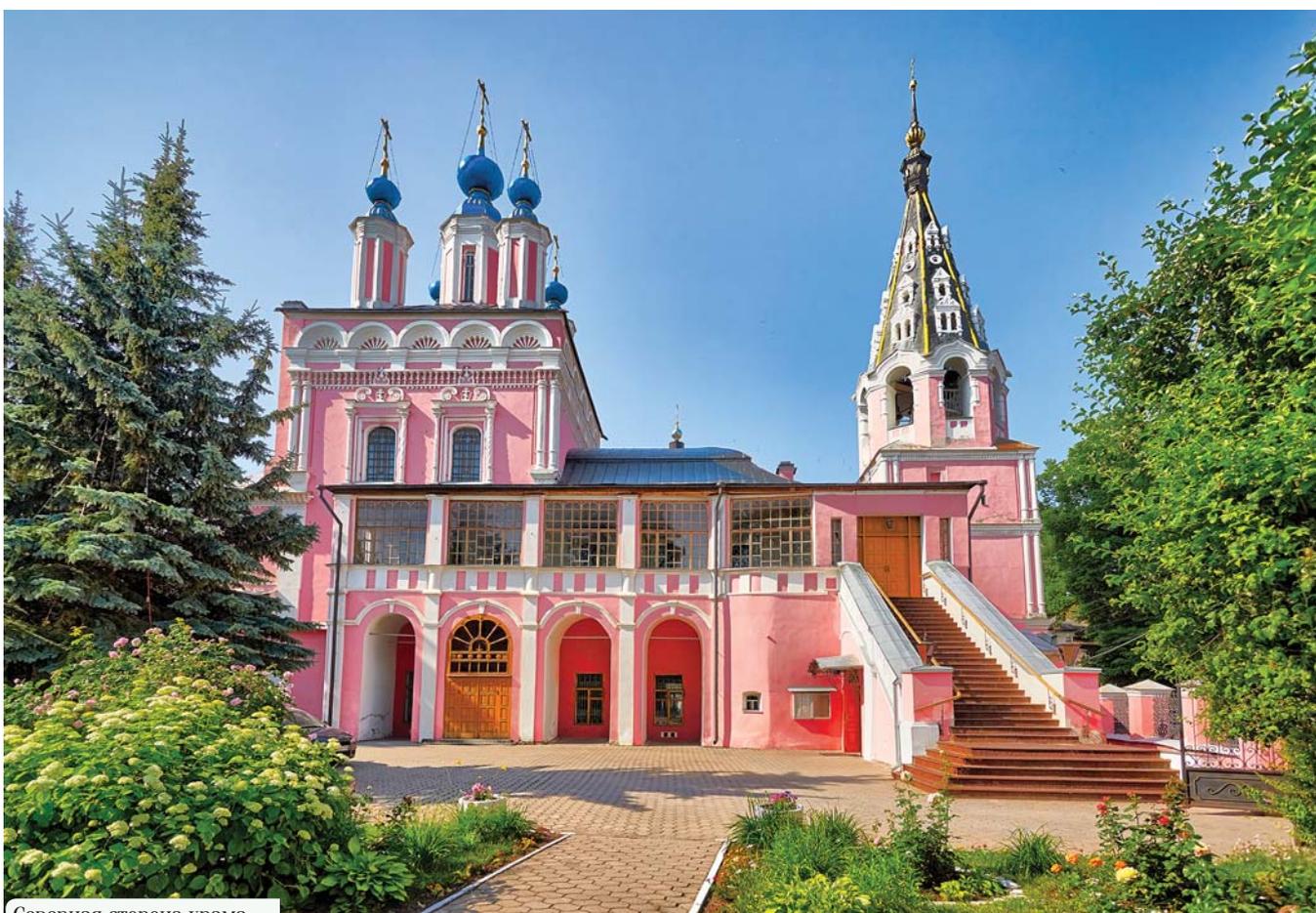
С 1960 года Свято-Георгиевский собор является памятником архитектуры и градостроительства республиканского значения. ■■

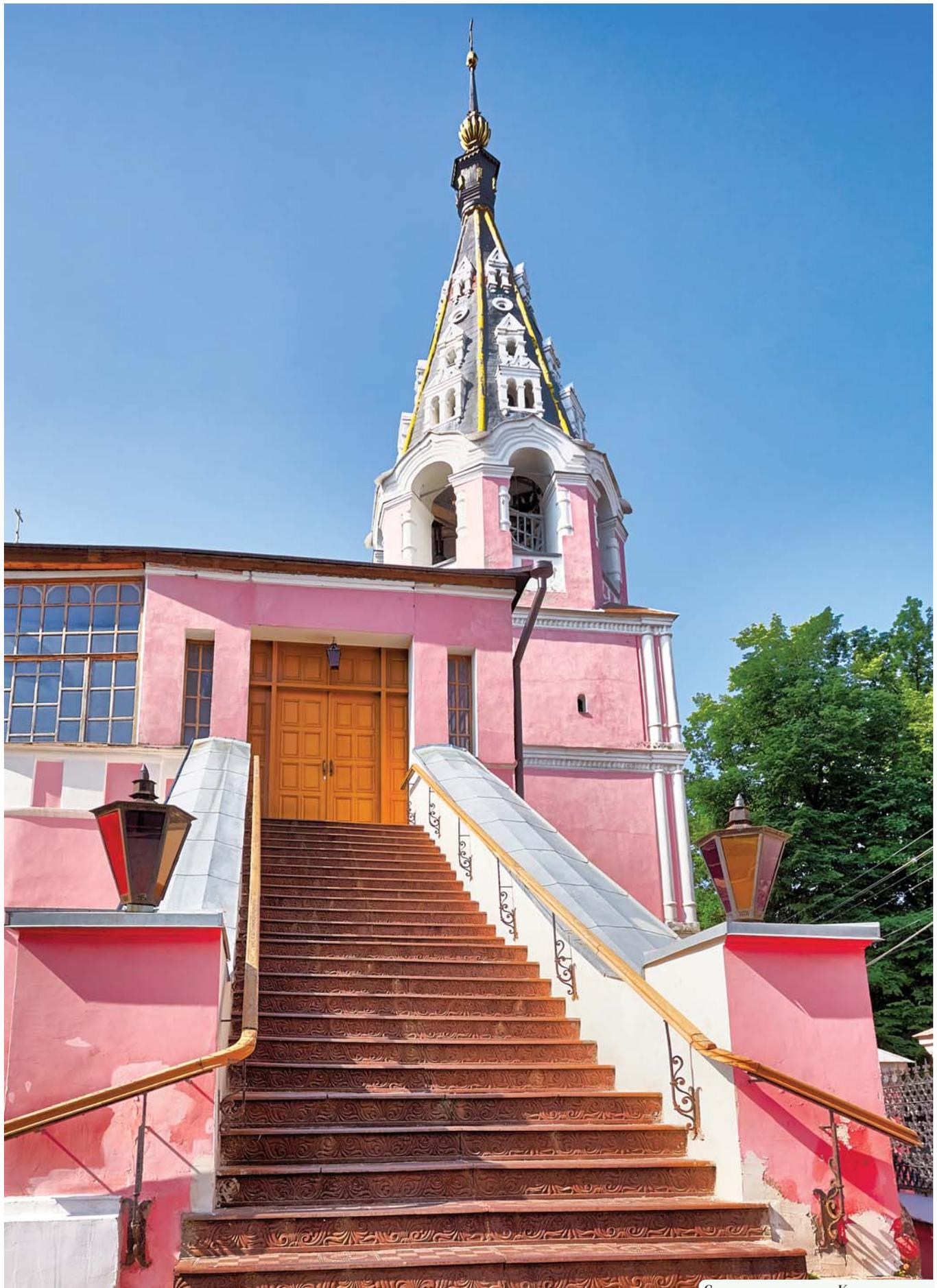
Южная лестница

Алтарная апсида

Северная сторона храма

Северная лестница. Колокольня

Колокола Георгиевской звонницы

Крест, посвящённый памяти «преосвященных архипастырей, пастырей и всех, потрудившихся в Калужской епархии»

Лестница колокольни

Чудотворная Калужская икона Пресвятой Богородицы, обретенная в 1748 г.

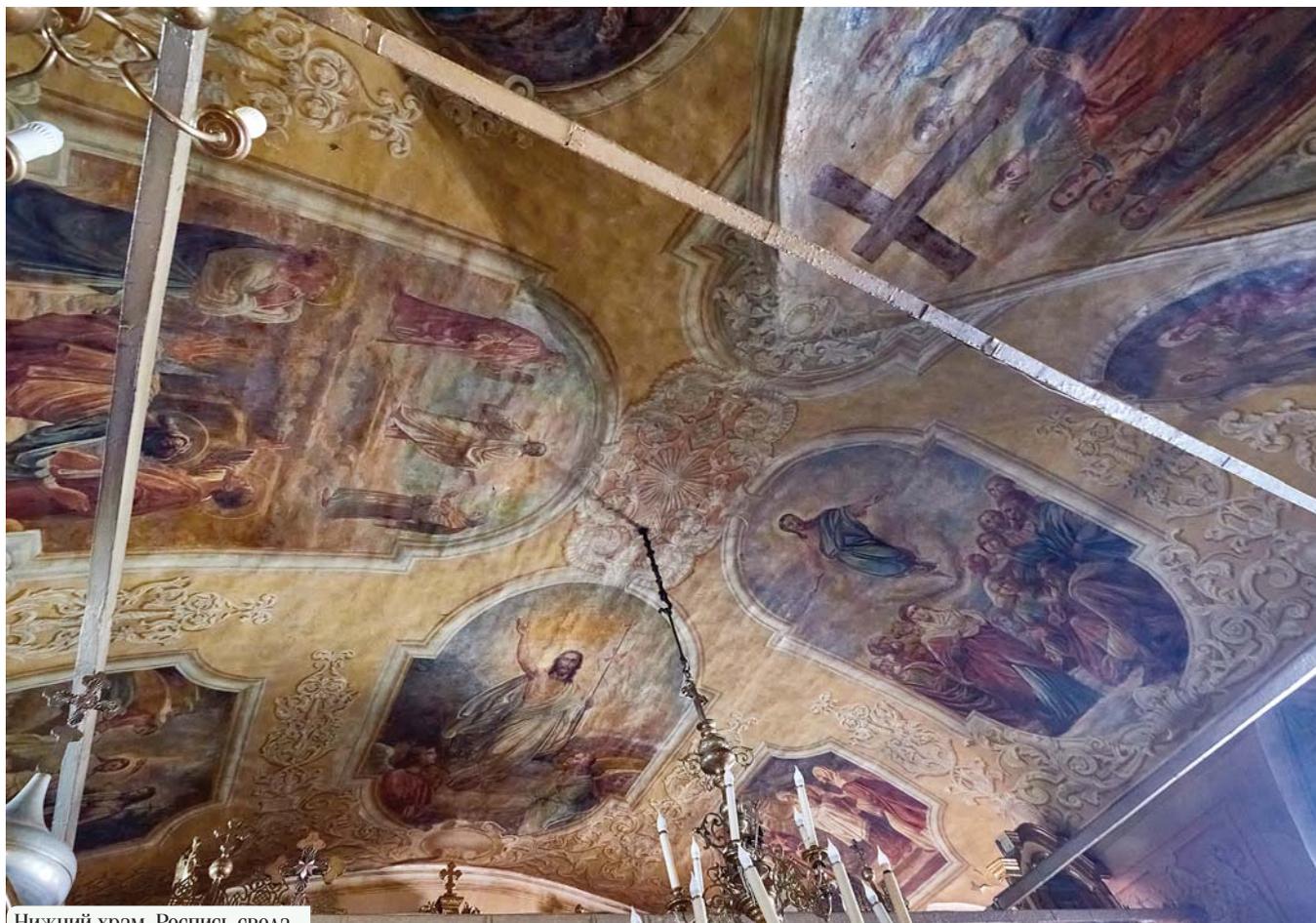
Галерея (гульбище) второго этажа

Икона великомученика Георгия

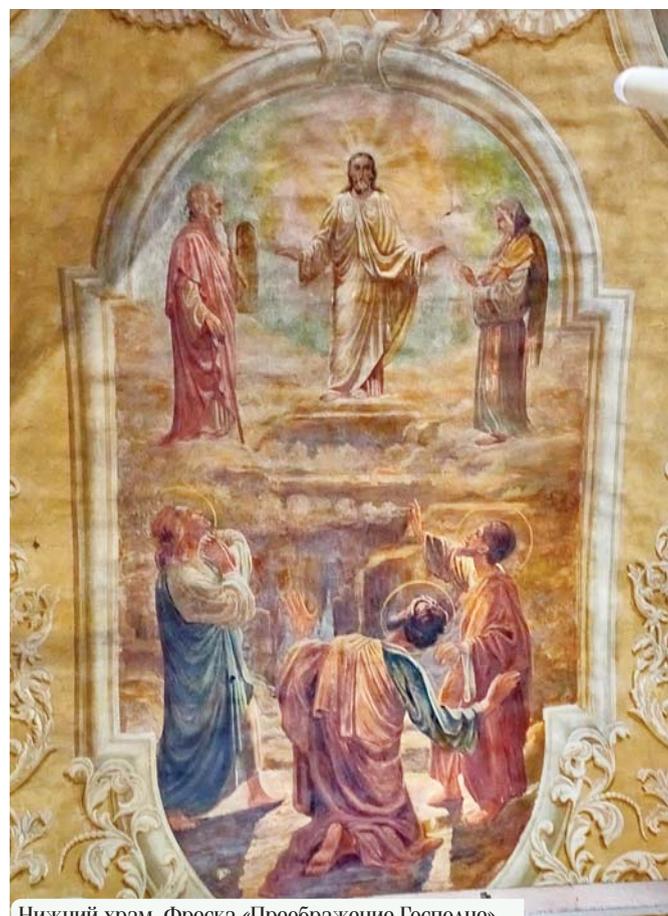
Трапезная часть нижнего храма

Нижний храм. Роспись свода

Нижний храм. Фреска «Вознесение Господне»

Нижний храм. Фреска «Преображение Господне»

Верхний храм. Рождество Христово

Рождество Христово. Композиция «Вифлеемская пещера»

Верхний храм. Рождество Христово. Ночное богослужение

Рождество Христово. Визит митрополита Климента в воскресную школу

Крещение Господне. Великое освящение воды

Великий пост. Канон Андрея Критского

Вербное воскресенье

Светлое Христово Воскресение. Пасха

Ночная литургия на Пасху

Праздник Святой Троицы

Вид на четверик с колокольни